

12 +

АРТ

ЖУРНАЛ

№1 2025

Акценты

Первый номер журнала в 2025 году открывает цикл стихов Татьяны Кановой «Тихий говор». Это тихий говор женской поэзии: размышления о жизни, события которой подобны смене времён года, когда невольный пессимизм осени переходит к тревожным надеждам зимних вечеров и возрождается в летних образах: «Я выдохну легко – ко мне вернулось лето!» Роман Фёдора Конева «Снега великие» о судьбе человека, прожившего долгие годы вдалеке от родных мест. Поездка на родину по случаю болезни и смерти брата ставит перед героем, Никитой Меховым, непростые вопросы: правильно ли он поступил в своё время, уехав из родного села, чтобы прожить жизнь на чужбине. Да, были престижная работа и успешная карьера, любящая жена, сыновья, но вот на склоне лет приходит осознание того, что, оставшись, он мог бы многое сделать и для своих близких, для тех людей, которые и составляли его представление о родине. Литература на коми языке представлена стихами Алёны Шомысовой «Мортлы колö морт» (Человеку нужен человек) и повестью Святослава Напалкова «Кык тув» (Две спички). Стихи Алёны Шомысовой – честные и тёплые, – о том, из чего, в общем-то, и состоит наша жизнь: солнечный зайчик и вкус испечённой мамой шаньги, прошлая любовь и брат, ушедший на войну. Небольшая повесть Святослава Напалкова – замечательный дебют. Это произведение об охоте и охотниках, но главным героем всё же является сам Лес, который не только пространство охоты, но и родина. Можно поздравить коми литературу: родился новый писатель-прозаик.

Раздел «Зырянский мир» посвящён памяти этнографа Дмитрия Несанелиса. В очерке «Вспоминая Дмитрия Несанелиса» Игорь Жеребцов рассказывает о своём друге, начиная со времени студенчества. В те далёкие годы, по мысли автора, уже складывались особенности характера Несанелиса, определившие в дальнейшем его личность. В раздел включена статья Дмитрия Несанелиса и Валерия Шарапова «Моей кукле приснилось, что я умерла...», ставшая в начале 1990-х гг. совершенно новаторской и открывшая в коми этнологии новые научные перспективы. Она сопровождается этнографическими фотографиями 1990-х гг.

Новый раздел «Мифологический ликбез» знакомит читателей с очерком Павла Лимерова «Ен и Омоль: как создавалась земля». В увлекательной форме рассказывается об очень серьёзных аспектах мифологии.

В разделе «Арт-факт» опубликован очерк Ирины Самар «Воркутинский драматический театр им. Б. А. Мордвинова», посвящённый 80-летней истории заполярного театра. В продолжение темы – очерк Любови Боярской о спектакле Воркутинского театра «Милые бранятся – только тешатся» по мотивам чеховских коротких пьес. На традиционных «цветных» страницах журнала представлена статья Ольги Орловой и Ангелины Терещук «Музыка как живопись». Она посвящена открывшейся в Национальной галерее тематической выставке «Тон».

Журнал «Ы» начинается детскими стихами известного коми поэта Евгения Козлова «Зэрысь артмё лым чир котыр» (Из дождя получают снежинки). В продолжение номера «Ы» предлагает вниманию юных читателей целый букет прозаических произведений Анастасии Лосевой «Гундыр» (Дракон), Карины Турышевой «Ёртасьём» (Дружба), Элины Шлоповой «Донай, тусюк ой, шовктугой» (Дорогая моя, ягодка, голубушка), Людмилы Кузивановой «Андел» (Ангел) и завершается небольшим интервью Алёны Шомысовой с молодым артистом Республиканского музыкально-драматического театра Даниилом Чудовым.

АРТ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература сегодня

Т. Канова. Тихий говор. <i>Стихи</i>	4
Г. Бутырева. Новая книга года!	13
Ф. Конев. Снега великие. <i>Роман. Окончание</i>	14
А. Шомысова. Мортлы колö морт. <i>Кывбуръяс</i>	75
С. Напалков. Кык тув. <i>Повесьт</i>	82

• Зырянский мир: визуальная этнография коми

И. Жеребцов. Вспоминая Дмитрия Несанелиса.....	95
Д. Несанелис, В. Шарапов. «Моей кукле приснилось, что я умерла...»: тема смерти в традиционных детских играх.....	107

• Мифологический ликбез

П. Лимеров. Ен и Омöль: как создавалась земля.....	128
---	-----

• Арт-факт

И. Самар. Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова. История появления и сегодняшний взгляд на те события	136
Л. Боярская. «Милые бранятся – только тешатся!»	151
О. Орлова, А. Терещук. «Музыка как живопись, живопись как музыка».....	156

• Ы

Е. Козлов. «Зэрысь артмö лым чир котыр...» <i>Кывбуръяс</i>	178
А. Лосева. Гундыр. <i>Висьт</i>	184
К. Турышева. Ёртасьöм. <i>Висьт</i>	185
Э. Шлопова. Донай, тусюкöй, шöвктугöй. <i>Мойд</i>	186
Л. Кузиванова. Андел. <i>Мойд</i>	187
«Ворсысьон вермас лоны быдөн...»: Данил Чудовкöд ёрта сёрни	188

ВКОНТАКТЕ

vk.com/zhurnalart

Делимся с вами новостями
в группе ВКонтакте

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

АРТ

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республика литература,
публицистика, история,
культурология да
художественной журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Учредители (соучредители):

Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр».

Журнал «АРТ»

Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ТУ11-00456 от 26 декабря 2024г.

Тираж: 1200 экземпляров.

Цена свободная.

© Журнал «АРТ», № 1 (109) 2025 г.
Дата выхода в свет: 21 марта 2025 г.

На обложке использована работа
Анны Гордеевой.

Главный редактор:

Лимеров П. Ф.

Адрес редакции:

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Адрес издателя:

167000, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, офис 11

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»

с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.
Подписано к печати по графику – 14.03.2025.
Фактически – 14.03.2025.
Формат: 70х100 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,48. Заказ № 25-1624.
Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Подписной индекс:

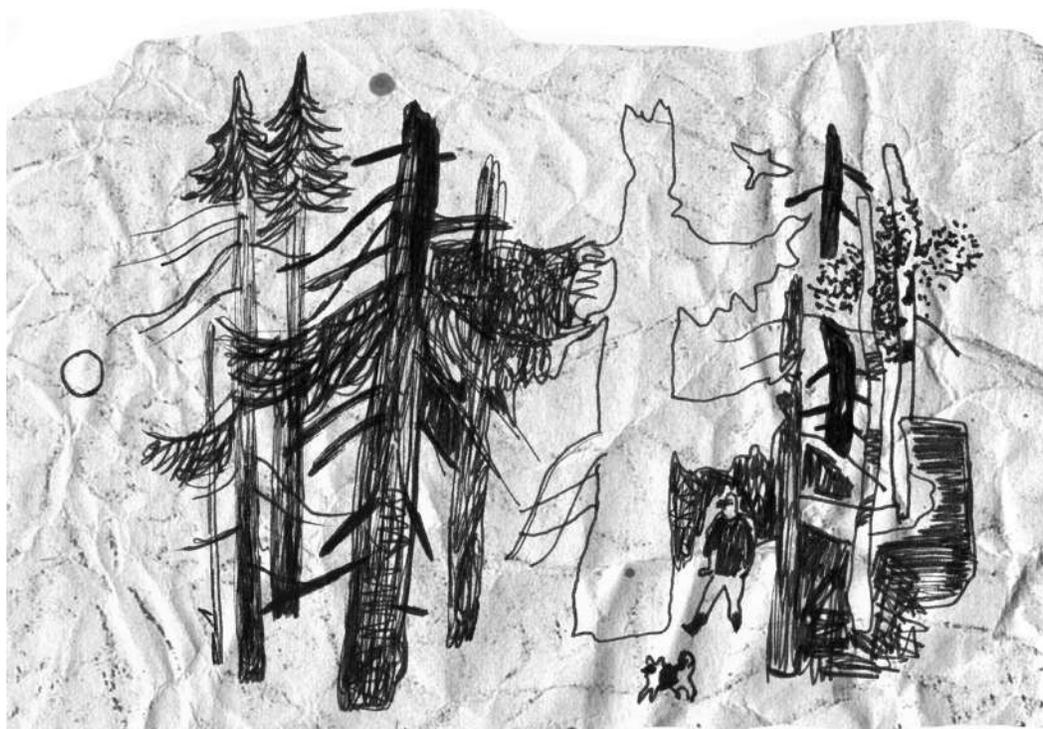
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «АРТ».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не обя-
зательно поддерживает точку зрения автора.

www.artlad.ru

Литература сегодня

Татьяна
КАНОВА

Татьяна Алексеевна Канова родилась в д. Кольель Сысольского района Коми АССР. Окончила с отличием физико-математический факультет КГПИ. Работала учителем математики в Межадорской школе. Публиковалась в журналах «Арт», «Войвыв кодзув» («Северная звезда»), «Север», «Двина», «Невский альманах», «На любителя» (Атланта, США), «Наш современник», «Глаголь» (Париж, Франция), «Родная Ладога», «Под часами», «Дон», в альманахе «Белый бор», в антологии «Наше время». Автор сборников стихов «Осиновая осень», «Немногословие души», «Я вернулась домой». Лауреат литературной премии имени А. Е. Ванеева, литературного конкурса «Лучшая книга года Республики Коми – 2023». Член Союза писателей России. Живёт в д. Кольель Сысольского района.

Тихий говор

Стихи

У памятника Пушкину

Вечный Пушкин
молча смотрит мимо нас –
никому его ничем не удивить.
Снова осень:
устремлённых на Парнас
всем воздушным флотом не перевозить!

Вечный Пушкин,
посмотри, к твоим ногам
принесли сегодня Слово и цветы.
Снова осень:
так вольготно здесь стихам
у твоей непревзойдённой высоты.

Вечный Пушкин,
погляди на паренька,
дерзко бросившего в нас твои слова.
Снова осень:
тяжесть славного венка
молодая примеряет голова.

* * *

Приходит осень.
Как её принять?
За стол просить? Или взащей прогнать?
Да, наглая, сама пойдёт к столу
и в красном распояшется углу.

А ну и пусть!
Налью-ка ей вина!
Хмельную чарку выпью с ней до дна.
Незванная пусть будет ко двору –
глядишь, и побратаемся к утру.

* * *

Я руки-то помыла ли?
Не помню!
А косу заплетала ль?
Не пойму!
Задумалась о чём?
Что мы – не ровня.
Что я-то приглянулась не тому.
Что жизнь в мои сомненья не вникала:
плевала, если грубо, и текла.
А я-то, горемычная, страдала,
всю молодость на грёзы извела.

Очнулась возле убранного поля.
А волосы затянуты платком.
А руки заскорузлые в мозолях.
И дерево посажено.
И дом...
И рядом тот, кому я приглянулась,
мешки с картошкой носит в погребок...
Я сентябрю в охотку улыбнулась.
Но грёзы спрячу нынче ж.
Под замок.

* * *

Деревенской улицы пустота...
Лета бабьего несказанный свет...
Но грустна парчовая красота:
в сентябре иного исхода нет.

Уцелевший радует георгин...
На калине гроздьями горечь дней...
Но, похоже, бабьему лишь один день остался:
осень возле дверей.

Он и она

Он книжек не читал. К нему не ходит муза.
В растянутых трико и дома, и в народ.
И пылкая жена ему, скорей, обуза,
но терпит, столько лет!, хотя, бывает, пьёт.

Изящная жена, не разглядев причину,
на лестнице стихов посетует судьбе:
за что ей выдал Бог заштатного мужчину?!
И нитку горьких слов нанижет о себе.

И выпорхнет в изыск литературной встречи,
и выстрочит чужим, как ей не повезло.
А он допьёт портвейн и вновь подставит плечи,
чтобы родной жилось и сытно, и тепло.

* * *

Я когда-то умела летать!
А теперь?
А теперь
крепко держит уставшая долгими зимами дверь:
распахнуть не могу, чтоб крылами её не задеть.
А летать-то охота!
Да, видно уже не взлететь.

А глаза всё равно в небе ищут лазурную синь.
Но прогноз обещает, что будет докучливый дождь.
И с портрета уже смотрит мама:
– Гляди не простынь!
Может, дома побудешь?
Да, может, и дождь переждёшь?

Но какое там ждать, если крылья зудят – не стерпеть!
– Мама, знаешь, поди, как безудержно тянет лететь.
И сломать бы препону, но снова наступит зима.
Как студёно без двери, теперь-то я знаю сама.

В родительскую субботу

По родительским субботам
ходят близких поминать.
В эту скорбную заботу
я старалась не вникать:

жизнь не баловала, точно,
но от горя берегла –
я ведь маменькиной дочкой
полстолетия была.

А теперь в её избушке
свет в окошке не горит,
моя матушка-старушка
на дорогу не глядит...

По пунктирам хвойных лапок
проводив в последний путь,
на кладбищенскую лавку
я присела – помянуть.

* * *

Незнакомой станции вокзал.
Погружённый в сумерки перрон
захолустным взглядом провожал
мимо проплывающий вагон –

В окоём вагонного стекла
вывески вокзальной не прочесть
Богом позабытого угла.
Может, выйти и остаться здесь?

мимо проплывала наша жизнь:
на столах дорожная еда,
скомканных постелей этажи,
немудрёных росказней вода...

Из потёмок пялился вокзал
на мелькавших окон яркий свет...
Проводник мне станцию назвал,
но сказал, что остановки нет.

* * *

Разбивая вдребезги стекло
 юной льдины,
выгробало старое весло
 на стремнину.
Утлой лодки серые бока
 обжигала
холодом неверная река –
 замерзала.
Но весло упрямее реки
 в эту осень.
И всего-то надо две руки.
 Надо.
 Очень.

* * *

Скукота предзимья, тусклый свет,
чудом одолевший толщу лет.
Морозящим муторным дождём
время истекает хмурым днём.

Серый лес, безрадостно-чужой,
серый луг, задушенный водой,
дряхлой пашни серая тоска...
Кажется, что серость – на века.

Но воздушный двинется поток,
небо рассупонится чуток.
Время, застывая на ветру,
инеем окажется к утру.

* * *

Видно, погреться
в мой дом заглянула зима.
Печь протоплю,
не жалея берёзовых дров.
Книга откроется
там, где захочет сама –
гостье незваной
я выбрала сборник стихов.

К чаю горячему
в доме одни сухари.
С чаем вприкуску
прочтутся любые слова.
Что не поймёт,
пусть заглянет зима в словари.
Что не приглянется,
выбросит пусть на дрова.

Декабрьские сумерки

Розовый снег на исходе декабрьского дня,
сумрачный лес и густое черничное небо...
В бездну прошедшего выманил вечер меня –
день растворялся в потёмках, как будто и не был.

Низкое небо окутало землю теплом.
Розовым снег оказался совсем ненадолго.
Тихо, уютно...
Но вечер попросится в дом:
тоже боится вчера пробежавшего волка.

Темень погасит зарю и зажжёт фонари.
Вечер сквозь дрему посмотрит на них из оконца...
Завтра из леса ко мне прилетят снегири
вместо застрявшего в небе декабрьского солнца.

* * *

Звёздного неба и звёздного снега
вдоволь подарит зима.
Пряча от холода, белая нега
дрёмой укроет дома.

Ночью студёной Большую Медведицу
взялся стеречь Орион.
Вьюжною ночью пургу да метелицу
лапает ветер-долдон.

Ветер уймётся. С трескотною стужею
сонный Ярило бредёт
в сказочной роскоши зимнего кружева
в полдень на Солнцеворот.

* * *

В вологодских кружевах задремавший ельник –
мастерством своим в лесу тешится зима?
Или по уши в муке, как заправский мельник,
у которого битком нынче закрома?

Или это тихий час королевы снежной –
взбитый пух её перин на камзолах слуг?
Или просто дед Мороз в полдень безмятежный
украшает серебром платья белых вьюг?

* * *

На большаке со мною ночь и холод.
И радость возвращения домой.
А в небе месяц безрассудно молод.
И роскошь звёзд в оправе неземной.

Ни снега скрип, ни лай знакомой шавки
не бережат студёной тишины.
К щеке прижался иней тёплой шапки.
Глухая тьма крадётся со спины.

Спешу домой.
Уже окно родное, бессветное
взглянуло на меня.
Ещё чуток, и всё, что за спиною,
растает у каминного огня.

Зимняя сказка

Ночь, мне сказки не рассказывай! –
сказки ведаю сама...
Месяц, ясным кем-то названный,
приморозила зима –
за окошком в тонкой наледи
хруст её оленьих пим –
месяц втрескался без памяти...

Мы с печуркою не спим:
от зимы обороняемся.
Жаром пыхают дрова,
на печи отогреваются
онемевшие слова.

В крещенский Сочельник

С Дедом Морозом легла в ледяную постель.
Дедушка в шубе – надеюсь, согреет меня.
С ветром и снегом за стенкой гуляет метель.
Святки уходят.

Я с ёлкой возилась полдня:
хвою смела и в коробку сложила шары,
чтоб не побились, укутала их мишурой,
нитку гирлянды свернула клубком.

До поры – это когда ещё! –
вынесла праздник долой.
Всё убрала!
Не ушёл только плюшевый Дед.
В стылой избе, как ребёнок, прижалась к нему.

Завтра меня пригласили на званный обед.
Завтра, быть может, живого кого обниму.

8 марта

Восьмого утром баба топором
ломала лёд, намёрзший у колодца.
А в небе расплескалось море солнца.
И птичий гомон слышался кругом.
И в сельском клубе ставили цветы
на праздником окутанную сцену...
А женщина, себе не зная цену,
привычно натаскала в дом воды,
и печку затопила, а потом
ещё полдня с обедом хлопотала –
восьмого марта гостя поджидала,
абы какого, баба-ледолом.

Простившая память

Помнишь, ты в юности с лёгкостью предал меня?
Сколько потом было в жизни обид и печалей,
сколько ошибок, назло тебе, сделала я...
Столько любви было выжжено в самом начале!

Долго болело и пеплом на сердце легло,
в поле судьбы разрасталось густой лебедью.
Любый мой, милый мой, как же тебя не сожгло
болью моею от горькой разлуки с тобою?!

Времени плуг запахал эту боль в толщу лет.
Сил не жалея, на пашне борюсь с сорняками.
В сердце моём разливается солнечный свет,
и прорастает простирая память стихами.

Тихий говор

Меня не вынесло на гребень
крутой волны –
ко мне присматривалось время
из глубины.

Сквозь необъятные просторы
и груды слов
едва сочтется тихий говор
моих стихов.

А роднику про шум прибоя
и невдомёк.
Но время глыбкое порою –
двенадцать строк.

* * *

То ли зачакну
над кружевом словоплетенья,
то ли в душе
оборвётся непрочная нить...
Дрогнет рука,
и затянется сердце сомнением:
надо ли мне,
отлюбившей своё,
говорить?

Август уже
умывается холодом прелым,
жухлой отавою
буйная стала трава:
юность давно,
робкой девочкой в платьице белом,
по кошенине
босыми ногами прошла.

В сумерках августа
росная пожня ознобом
выстудит всё,
что когда-то и грело, и жгло...
Вечно босая,
усталая, в платье убогом
юность седая
забросит своё ремесло.

В июне 1962 года

К матице крепили колыбель.
Древнюю, как наш крестьянский род...
С дудочкой бродил кудрявый Лель –
мама колыбельную поёт.

Жизнь по кругу вечному пошла –
матица качнулась надо мной.
Мама меня Таней назвала.
Мама принесла меня домой.

Люлька в толще лет запропадёт.
Без отца состарится наш дом...
Родина меня не оттолкнёт:
прирасту рябинкой под окном.

* * *

Я выдохну легко – ко мне вернулось лето:
и ночи хороши, и дни не тяготят...
В недолгой тишине полуночного света
слова чужих стихов со мной заговорят.

Молчавшая душа ответит – отзовётся...
Рассвет, застав зарю закатную, вздремнёт
едва ли с полчаса...
И тишина прольётся.
И птицы запоеют, и солнце зацветёт.

* * *

За мелководьем переката
река находит глубину.
Я, заполошная когда-то,
предпочитаю тишину,
неторопливое течение
судьбой подаренного дня
и отрешённость, как спасенье
от непохожих на меня.

Новая книга года!

Что пишет и как пишет поэт Татьяна Канова, уже немало сказано и будет сказано, наверное.

Почему же я, не прочитав ещё и всю новую её книгу стихов, схватилась за ручку и бумагу? Стало страшно не запомнить что-то очень важное, что открылось вдруг среди строчек? Что-то кроме просто истории не очень счастливой судьбы (любви), кроме пронизывающих слов о боли расставаний, о сожалении о несбывшемся?.. Но об этом было и в первой книге Татьяны Кановой, и если бы только в её книге...

Может быть, показалась иной её авторская интонация? Абсолютно авторская? И новая? Да, очень чистая, прозрачная, очень честная... Но и такое встречается в книгах стихов... Но здесь, мне кажется, меня поразило что-то другое, чего я до сих пор не читала у других поэтов. Возможно, пропустила.

Где-то уже на двадцать третьей странице её книги «Я вернулась домой!» я ответила себе, почему взялась писать этот «отзыв»-отклик... и что хотела сказать. Не следующим читателям. И даже не самой женщине-поэту, написавшей эту книгу. А человеку, который, однажды встретивший Её, разбудил в ней поэта.

«На перекрёстке дорог».

Вот ведь как бывает, «довелось мне зацепить за край твою судьбу своей судьбой когда-то». «Люблю, оказалось». В первый ли раз? Какая разница. И всегда ли жил поэт в её душе или проснулся только от этого имени?

*Когда «...огромное в зияющей ночи,
метнулось пламя гаснувшей свечи
на сквозняке распахнутых дверей –
на робкий зов откликнулся...»
«И заболела крыльями спина...»*

И смахнула Она слёзы руками и села у окошка пряхь – другую судьбу, судьбу поэта!

И поэт, да – Женщина пишет: «Спасибо разлюбившему меня... за рукописи слёз...» И живёт дальше, смирившись с избранностью своей судьбы, судьбы поэта.

Да, я восхищаюсь этой очень женской поэзией о любви, взаимной и невзаимной, запредельно самоотверженной, честной, но поэзия женщины после «неюбилея» меня уже не просто восхищает, но и наполняет светом!

Потому что опять весна, и «весна-то нынче больно хороша!» «А я остаюсь и надеюсь, что всё не напрасно: и глушь, и ухабы, и крыльев несмелый размах».

Не-ет, отнюдь не напрасно всё: и даже когда «стеклярусом на пол... пустые слова»...

И здесь поэт – искренняя, честная, безжалостная к самой себе:

*«Я ли твой сеятель, поле бумажное,
Я ли тоскою пленённая пленная,
Мне ли промолвить дано? Несказанное?
Мне ли обещано Богом нетленное?»
И обещано. И дано! И новых книг!*

Галина Бутырева
26.05.2024, Сыктывкар

Фёдор
КОНЕВ

Фёдор Егорович

Конев – кинодраматург, писатель, член Союза кинематографистов Республики Беларусь, член Союза писателей Республики Беларусь. Автор множества киноочерков о жизни и судьбах северян. Родился в 1935 г. в с. Мужы Ямало-Ненецкого округа Тюменской области. После службы в армии, вернувшись на родину, работал ответственным районной газеты «Ленинский путь». Окончил сценарный факультет Всесоюзного Госинститута кинематографии в г. Москве. В 1963 г. поехал в Сыктывкар, где открывалась республиканская телестудия. С 1968 г. – член сценарно-редакционной коллегии киностудии «Беларусьфильм» в Минске, с 1991 г. – зам. главного редактора киностудии.

Снега великие

Роман

Окончание. Начало в №4 2024 г.

Соседский сын по имени Григорий в лесу пропадал много, то охотился, то шишковал, то собирал грибы и ягоды. Шестнадцать-то ему уже стукнуло, года на три был старше Никиты, пожалуй. Невысокий такой, поджарый, безобидный парнишка. Держался особнячком, ни в какие ватаги не подавался и в мальчишеских сражениях не участвовал. Старательный рос мужичок, всё норовил по хозяйству помочь, время на забавы не тратил. Чудно даже было, что такой серьёзный с малых лет.

Весной, когда уже снег сходил, но болота ещё оставались стылыми, пошёл он за дровами со своей неразлучной собакой. Никита Егорович теперь уже и не помнил, как звали псину. Тогда все мальчишки таскали из лесу дрова на санках, запрягши в лямки своих собак.

Но Григорий на этот раз осмелился пойти вверх по Югану. Видно, соблазнила его думка, что там никто обычно не рубил, и лес стоял нетронутым. Сколь далеко он забрался, неизвестно. В самый полдень прибежал к дому и упал на крыльце. Родители кинулись к нему, а он толком ничего сказать не может, глаза от ужаса белые, и всё машет рукой в ту сторону, откуда явился. Что он там видел? Кого встретил? Что так его испугало? На крыльце и скончался от разрыва сердца.

Собака из лесу не вернулась. Одни предполагали, что она была в упряжке, а сани зацепились за дерево, и бедняга не могла вырваться. Но кто знал её, этому не верил. Григорий иногда оставит своего преданного дружка на привязи, когда ни к чему было, чтоб таскался за ним, так он запросто перегрызёт веревку и побежит, по следам отыщет хозяина.

– Парамон её забрал, – сказала уверенно, как говорили все, тётка Варвара. – Видать, старая подохла. А без собаки в лесу ему никак.

Тётка Варвара приходилась сродной сестрой матери Никиты и слыла женщиной странной, потому что умела заговорить зубную боль и многие другие хвори лечила травами

и шептанием. По сей день помнится она: лицо сухое, костистое, глаза тёмные, сидят глубоко в тени высоких надбровий, волосы накрыты вдовьим кокошником, а на виске выбилась седая прядь, и маленький Петька страсть как боялся этого пучка.

– Она не наша тётка, – шептал он на ухо Никите, – а Баба-Яга.

Тётка Варвара почему-то имела обыкновение приходиться вечерами чуть запоздало, после всех. Она приносила с собой две варёные картофелины, ломтик хлеба и кусок сахара. И все остальные подруги матери тоже приносили хоть что-нибудь с собой. Общим был самовар, пузатый, самодовольный, медный.

– Парамона видел Гришка-то, – заявила в тот вечер тётка Варвара. – Это он испугал.

Тётке Варваре тогда было за пятьдесят, братья воспринимали её глубокой старухой и не удивлялись тому, что она так хорошо помнила Парамона в человеческом обличье.

– Неужто так страшен? – спрашивали молодые бабы Варвару. – И на человека не похож?

Два брата замерли на печке, куда почему-то забирались при появлении тётки, наострили уши, чтобы ни одного слова не пропустить, и смотрели во все глаза на строгий лик рассказчицы. Тётка Варвара ответила не сразу, а задумалась, в избушке застыла мёртвая тишина, только самовар сопел, потом приглушённым голосом заговорила:

– В плечах-то широк был. Таких мужиков сроду не видела. Уж так был велик, что ходил по избе, пригибаясь, иначе головой задевал матицу. В лавке привозные сапоги не купит, все малы, сам на себя тачал, клал бересту в подошву, идёт, так далеко слышно. Под ним половицы гнулись, такой был здоровый, руки, что тебе лопаты, великан – и только. Посадит на ладонь-то девку и держит. Та как на стуле сидит. А голосище... Страх!

– Отчего ж в лес ушёл? – спросили Варвару.

– Веру имел.

– Все мы в Бога-то верим.

– Ты икону открыто не повесишь. Знаю, прячешь. Боишься за сына комсомольца. А он веровал открыто, прилюдно крестился. В милицию вызывали. Все допытывались – не поп ли? Коли поп, то одна дорога – в тюрьму.

– Это ж надо! – дивились бабы. – Мог ведь и тайком.

– Не мог он тайком, – вздыхала тётка Варвара. – Такой-то мужик прятаться бы стал!

Естественно, Парамон сильно заинтересовал братьев. Они строили свои предположения, где прячется отшельник. Милиция запросто нашла бы его в любом месте, но только не там, где начало берёт Юган. Он ушёл в эти непроходимые дебри и живёт себе среди болот. Но почему он испугал Григория? Мальчишку не пожалел. Что уж так-то?

Хотя мать и была моложе тётки Варвары, но должна помнить Парамона. И братья как-то пристали с расспросами, существовал ли такой человек на самом деле и правда ли, что он превратился в лешего, как утверждала тётка Варвара.

– Не здешний он был, – просто ответила мать. – Приезжий. Из Тобольска, говорили.

– Когда он в Мужах появился? – решил уточнить Никита.

– Да уж и не помню, – задумалась мать. – Я невестой была. Царя уже скинули, а колхозы ещё не появились.

– Двадцатые годы, – пояснил брату Никита и спросил мать: – А когда в лес ушёл?

– Пропал-то когда? – переспросила мать.

– Думаешь, пропал, заблудился?

– Не он первый, не он последний. Городской человек, тайгу не знал. Видать, пошёл-то по Югану. Хоть вы туда не ходите.

– Не-е, мама, не пойдём, – замотал головой Петька.

– На вторую осень я вышла замуж. Вот когда.

– В двадцать седьмом, – опять пояснил брату Никита и продолжал расспрос: – И впрямь великаном был?

– Очень большой, – кивнула мать. – Я так сначала боялась. Как завиху, бегу. А человек-то был добрый, безобидный. Мы привыкли к нему. Всем улыбался, такой вот. Встретится, обязательно остановится, поговорит, поспрашивает. Живи, скажет, ладушка, благ тебе желаю. И пойдёт себе.

– На что жил? Не рыбак, не охотник...

– А всё умел, помню. Печи клал. Затопишь – печь-то поёт. Нынче вон гляди, наша дымит и дымит. А то ещё кузницу открыл. Всем до него была нужда. И никому не откажет. Плату не со всех брал. Иным скажет: «Последнее отдаёшь, а я сыт и нос в табаке. Иди с Богом!»

Ночь проходила тревожно, Никита Егорович засыпал на какие-то полчаса и тут же просыпался. Вагон трясло, мотало, грохотали колёса, из окна тянуло сквозняком – всё непривычно, не по-домашнему. Очнувшись, Никита Егорович снова и снова вспоминал всё, что было связано с братом. Поначалу он удивился, что стал думать о Парамоне, когда вся душа встревожена здоровьем Петра, но потом понял, что иначе и быть не может. Парамон как раз принадлежал тому миру, в котором родились, выросли и жили два брата.

При встречах уже взрослые, даже очень зрелые братья мало говорили о нынешней политике, о ценах и жизненных неурядицах, а много вспоминали детство и всех тех, кем оно было населено.

Для Никиты Егоровича любопытным показалось теперь то, что Парамона все, кто о нём говорил, объясняли по-разному. Мать видела в нём большого и доброго человека, который по несчастью заблудился в тайге и погиб. Тётка Варвара считала – за Бога пострадал. Никита Егорович знал свою историю, а Пётр – совершенно особую.

Поезд катил в ночи, остервенело трясся и мотая Никиту Егоровича, словно вознамерясь скинуть его с верхней полки. Мехов

даже подогнул с краю тощий матрац так, чтобы получилось горкой, и уже лежал, как в люльке. Он успокоенно прикрыл глаза, и тут же выскочил из памяти, как петушок из часов, невысокий и костлявый дядька Микола, на котором пиджак висел, как на кресте. Такой уж был худющий, что мужики в бане потешались над ним, зубоскалили попусту.

– Осталось тебе скелет пропить, – говорили они.

Дядька Микола ни на кого не обижался, не было в его характере вовсе обидчивости, улыбался ласково и ждал, что ещё придумают. И становилось совестно самым толстокожим. Это был ссыльный человек, работавший фельдшером, – Николай Михайлович Лобанок.

Жил он непосредственно в больнице, оборудовав под жильё подсобную комнату, в которой хватало места печке да кровати. Там он только спал, а остальное время работал да общался с дружками. Любил ходить по гостям, но никогда не просил угощения, а рассказывал разные истории, на которые был великий мастак, и его обычно привечали.

Был дядька Микола всегда во хмелю, но не позволял себе напиваться до беспамятства и содержал одежду и тело в чистоте. Рубашка всегда выстиранная, хотя иногда и неглаженная – утюга не было, – брюки в аккуратных складочках, на ночь клал под перину, неизменно носил галстук, и всё было на нём изношено до крайней степени, но чисто, и сам всегда выбрит. Интеллигентный человек!

Больница в Мужах появилась в конце тридцатых годов, а до этого дядька Микола лечил все хвори и принимал все роды. Бабы говорили, что рука у него лёгкая. Потом появились врачи, и дядьку Миколу оттеснили, по сути дела выполнял работу санитарки. К тому же человек находился под казённым надзором, каждую неделю обязан был отмечаться в милиции, словно из Мужей возможно уехать незамеченным. Смех!

Когда Никита после демобилизации стал работать в редакции районной газеты, в его крохотный кабинет зачастил дядька Микола. Коли Никита занят, сядет у дверей и читает газету. А как выпадет свободный часок, заводит разговор. О чём только не рассуждали! Дядька Микола был философом. Много забылось из его рассуждений, но что-то помнится.

– Надеюсь, молодой человек, вам известно о Вавилонской башне? – спрашивал он, откладывая газету, которую успел трижды перечитать.

– Была попытка, – говорил Никита, – не ба достичь.

– Я дошёл слабым умом своим, – продолжал дядька Микола, – что именно тогда произошла величайшая трагедия человечества.

– И как же вас понять?

– «На всей земле был один язык и одно наречие». Так сказано в Библии. Но люди стали строить башню. А Господь этого не захотел и смешал языки. Люди перестали понимать друг друга. А не понимая, дом не построишь, не то, что башню до неба.

– Считаете, Николай Михайлович, что во всём виноваты языки? – без должной серьёзности спросил Никита. – Не смешались бы, так и войн не было бы?

– То одна сторона дела, – заметил гость. – И зови ты меня, братка, дядькой Миколой. Так мне приятней. Другая же сторона дела заключается в том, что люди забыли тот язык, который знали и который был один.

– И что с того, дядька Микола? Разве с того все несчастья начались?

– Тот язык, Никита, был божий. Господь с людьми говорил на одном языке. И этой-то благодати Бог лишил нас. Поэтому, Никита, наши молитвы не доходят до его слуха, и оттого на земле столько зла. Отвернулся он от людей, Бог-то.

Тогда строго было с религией, если бы кто подслушал, мог в райком донести, и Никиту вызвали бы на ковёр для прочистки мозгов. Он находился на идеологиче-

ском фронте и обязан был реагировать на поповские речи. Но Никита вырос среди верующих людей, и мать, и тётки тайком держали иконы и соблюдали посты, так что ему привычны были разговоры о Боге.

Но он не предполагал того поворота, который приняла отвлечённая беседа. Дядька Микола неожиданно сказал:

– Парамон говорил, что Бог от того отвернулся от людей, что они полезли в его дела. А ведь оно так и есть. Бог создал, а человек решил поправлять его. Непростительная дерзость!

– Вы что же, видели Парамона? – аж крутнулся на стуле Никита, весь преобразившись.

– Я с ним беседовал, как с тобой.

– Да когда же, дядька Микола? Он пропал в конце двадцатых.

– А я прибыл позже, – подхватил гость. – Меня причислили к нэпманам. А ведь был почитаемый доктор в белорусском местечке Слониме, имел собственный дом и достаток за труды. Не было случая, чтобы лекарь Лобанок не пошёл к больному, ливень на улице, ночь или стужа. За это отправили этапом к чёрту на кулички. И прости, братка, что твоя родина стала для меня горькой чужбиной.

Достав из нагрудного кармана пиджака плоскую фляжку, фельдшер ловко отвинтил пробку и сделал несколько жадных глотков, потому что весь хмель вышел из него, и он почувствовал себя непривычно. Отдышавшись и спрятав фляжку, дядька Микола молча сосал карамельку, глядя в пустоту и прислушиваясь к внутреннему состоянию. Когда там, внутри, опять всё уладилось, дядька Микола приветливо посмотрел на Никиту и продолжил:

– Перед самой войной кто-то постучал мне в окно. Была осенняя ночь. Я запалил керосиновую лампу и вышел на улицу. Передо мной предстал огромный человек в малице. Он держался за живот и сгибался от боли. Мне, опытному врачу, всё стало ясно. Не могло быть вопросов – кто и отку-

да? Я видел перед собой больного. Не буду останавливаться на подробностях, а скажу, что пришельца я провёл в операционную и благополучно вырезал аппендикс. Счастье его, что успел прийти, могло кончиться плохо. Это был Парамон.

– Он же не ушёл сразу? – спросил Никита.

– Ночью обошлось, никто не видел свет в окнах больницы, – ответил дядька Микола. – А потом отлежался в моей коморке. Трое суток я общался с ним. И теперь, братка, я могу сказать, что видел вольного человека.

– А если бы обнаружили?

– Не миновать лагерей, – просто ответил дядька Микола. – Но и то не пожалел бы...

– Что уж так? – удивился Никита.

– Я отчего пью? – в свою очередь спросил дядька Микола.

– Все пьют, – не раздумывая, ответил Никита.

– Не знаю, так ли. Но я пью от страха.

– Чего так боитесь?

– Кнута. Я раб. Однажды пришли в мой дом, забрали меня, сослали без суда. Могли снова прийти, бросить в лагерь, утопить, забить палками. Начальник милиции мне говорил: «Пристрелю, и мне ничего не будет».

– Теперь же освободили, – напомнил Никита.

Это был уже пятьдесят шестой год.

– От страха меня никто не освободит. Только смерть. А Парамон не захотел жить в страхе. И ушёл в лес. Я говорил ему в те три дня: «Смирись. Приди с повинной. Ты же человек. Как без людей?» А он мне ответил: «Выходит, могу без людей. А без воли – никак». Звёздной ночью проводил я его до Югана, и он пошёл. Теперь, может, и померу же. А может, жив. Не знаю, за что и выпить – за упокой или за здоровье.

Но долго дядька Микола раздумывать не стал, хлебнул из фляжки и озорно посмотрел на Никиту.

– Скоро мы с тобой расстанемся, – облегчённо вздохнул он. – Уедет дядька

Микола в родной город. Сколько он может сниться! Вот только брошу пить...

Но пить старый фельдшер не бросил и замёрз в пургу. Об этом узнали только весной: оттаял сугроб возле больницы, и он обнаружился. Немного не дошёл до крыльца.

А всю зиму не знали, куда человек подевался. Тётка Варвара не сомневалась, что подался фельдшер к Парамону.

Хоронили дядьку Миколу всем миром. Может, он и был уже никчёмным лекарем, позабыв науки от постоянного питья, но в нём жила добрая и страдающая душа. А северяне знают цену и добру, и страданию.

Когда Никита Егорович впервые рассказал Петру о том, что ему поведал дядька Микола, брат промолчал. Уже спустя какое-то время рассудил, что ничего странного нет в том, что Парамон приходил в больницу. Но в то, что в лес ушёл, дабы не жить в страхе, Пётр явно не поверил. Он на этот счёт имел своё твёрдое мнение.

Летом мужевским бабам было не до посиделок, работали от зари до зари. А зимой часто коротали вечера в избушке, которая являлась раньше баней. Никита Егорович и по сей день не понимал, почему они собирались в этой тесноте, ведь имелись дома куда как просторней. Может, что мать была всегда ровно приветлива. За весь век ни с кем не поскандалила, злого слова не сказала и за глаза, последний кусок отдаст, а только бы не обидеть человека.

Оттого и тянулись, что не одним печным теплом согревались в её избе соседки да подружки. Обиженные войной молодые вдовушки нуждались в сердечном-то понимании. А уж Агриппина всех выслушает и доброе словечко найдёт, хоть и сама не меньше других судьбой обделена. Да и летами ровня.

Когда запаздывала или вовсе не появлялась тётка Варвара, которую все побаивались, то гости болтали о разном и были словоохотливы. От них-то братья однажды и услышали про васяховскую Ирину.

Деревушка Васяхово находилась север-

нее, стояла на берегу Горной Оби, и подступала к ней со всех трёх сторон самая глухоманная тайга, которая в этих местах была равнинной, болотистой, вечно сырой.

Больше всего занимало женщин то обстоятельство, что Ирinya, будучи их ровесницей, долго не выходила замуж.

– Не было у неё, бабы, охоты за мужика идти, – сказала соседка Настасья. – Пригожая была, нашла бы себе.

– Уж что пригожая, так верно! – соглашался бойкий голосок Анны, что сидела у печи, и братья не могли её видеть. – А только я так скажу – с порчей она была.

– Да ну тебя! – отмахивалась Настасья. – Она от того замуж не шла, что судьбу свою предвидела.

Ещё долго бабы толковали о том, какой странной росла та Ирinya, как сторонилась подружек, всё рукодельничала, вязала да шила, а то замрёт во время работы и так размечтается о чём-то с улыбкой на лице, что боязно потревожить. Наряды себе наготовила, сундук ломился. Все бабкины сарафаны да кофты перешила. В редкий праздник наденет шелка – и любо, и завидно смотреть на неё.

Такая-то вот мастерица и нелюдимка ушла однажды в лес и пропала навсегда.

– Может, бедную волки загрызли, – вздыхала Степанида.

– Да какие волки! – не верила Анна. – Наряды-то пропали, целый сундук. Разве не слышали вы?

– Соседи, небось, растащили под шумок, – баском предположила Степанида.

– Так-то я и поверила! – не успокаивалась Анна. – К Парамону ушла. Сговор у них был. Вот что я думаю. Он потом за её вещами приходил.

Вот об этой Ирине и заговорили однажды братья. Уж и не важно в каком это году было, не вспомнить теперь, но довольно давно.

– Ты-то как думаешь? – спросил Никита Егорович Петра. – Помнишь, говорили о какой-то девушке?

Не сразу, но брат сказал тогда:

– Иринеи звали. Бежал он с ней.

– И чего было бежать? Сосватал бы. Мужик видный, на все руки мастер.

– Не получалось сватовство, – спокойно ответил Пётр.

– Отчего же?

– Родители не допускали. Она с детства была наречена. Старые люди слово держали.

– И как же эта Ирinya Васяховская сговорилась с Парамоном?

– Откуда мне знать? Да и никто того не знает. Они же тайком. Должно быть, приехала как-нибудь в Мужу. Увиделись.

– Любовь с первого взгляда?

– Ты плохо знаешь своих земляков, – усмехнулся Пётр. – Тогда люди были стыдливы, жили с достоинством. Чувства не выплёскивали. Какие бури возникали в душах, о том никто никогда не догадывался.

– По-твоему, Парамон умыкнул Иринею?

– По согласию пошла.

– Почему так решил?

– Иначе бы вернулась. Не на привязи же держал.

– Ты так уверенно говоришь, – упрекнул Никита Егорович брата, – словно знаешь наверняка.

– Да, знаю, – чуть нараспев ответил Пётр.

– Уж не сам ли Парамон доложил лично тебе?

– Его не встречал.

– Ты что хочешь сказать? – насторожился Никита Егорович.

– Иринею видел. Уже старухой.

– Ты видел Иринею? – не мог скрыть удивления Никита Егорович.

В начале шестидесятых годов Ирinya вернулась из тайги, и с ней был сын шестнадцати лет. Будучи в Васяхово, Пётр зашёл в одну избу. В тесной горнице с низким потолком он увидел за шитьём меховых чулок – липтича – костлявую с морщинистым лицом женщину, одетую в обычную для этих мест одежду – кокошник, кофту,

сарафан до пола. При появлении чужого человека она натянула на лицо платок и продолжала работать, чуть больше согнувшись. Петра предупредили, что женщина чурается людей, на вопросы не отвечает, и поэтому он её никак не досаждал, а исправил электропроводку и ушёл.

Вместе с ним на крыльцо вышла сестра Ирины, маленькая и бойкая на язык женщина, которая тут же заговорила о Васе, которого надо бы зачислить на работу в совхоз, чтобы имел зарплату.

– Что за Вася? – спросил Пётр.

– Да сын же Ирины.

Она стала говорить, что сельсоветское начальство растерялось поначалу, когда сестра появилась с сыном из лесу, но потом как-то очухалось. Видно, посоветовалось с районным начальством. Теперь председатель сельсовета старуху документально причислил к живым, но ломал голову над тем, как быть с Василием, которого надо определять в школу, а в первый класс шестнадцатилетнего увальня не поведёшь.

Когда Пётр увидел самого Василия, то подумал, что председатель прав: для такого богатыря и парты не найти. Это был очень крупный человек с отроческим лицом. Поначалу он поразил Петра своей огромностью, но скоро показался очень сообразительным и ловким.

– И что же с учёбой? – спросил Никита Егорович.

– Да он читал и писал, – ответил Пётр. – Отец научил. А такого рыбака и охотника в совхозе до него не было.

– Он сын Парамона?

– Сестра говорила, что были у Ирины дети, да рано умерли. Этот выжил. И весь пошёл в отца.

– А что же Парамон?

– Умер. Оттого Иринья и вернулась с сыном к людям.

Под утро Никита Егорович снова задремал и очнулся от возни и голосов проснувшихся пассажиров. Но он не стал спускаться с полки. Уже умывшись, подошла

Дарья, спросила, как он спал. Он ответил, что терпимо, но хочет ещё поваляться и завтракать не станет.

– Ты за Петра не тревожься, – шептала Дарья, дотрагиваясь до его волос рукой. – Его просто плохо лечат. Какие там лекарства? Откуда? Мы за него возьмёмся, и всё будет хорошо.

Дневные мысли отличались от ночных, как отличается ясный горизонт от затянутого маревом, всегда зыбким, таинственным и волнующим, из которого иногда выступают смутные миражи. Никита Егорович ближе к обеду всё-таки спустился с полки и устроился за боковым складным столиком. Они перекусили с Дарьей, поговорили о том, что в Лабытнангах, на конечной станции, их должны встретить проживающие там родственники.

– Всё будет хорошо, – говорила Дарья. – Если бы так всё серьёзно было, Петра увезли бы в Салехард, в окружную больницу. А раз он в Мужах, то врачи спокойны.

Никита Егорович слушал жену, но не отвечал, потому что говорить не хотелось при людях. Когда он немного поел, Дарья собрала еду, забралась под одеяло и стала читать иллюстрированный журнал. Она всячески показывала своим поведением, что совершенно спокойна, что целая сумка набранных ею лекарств поможет Петру и всё окончится на самом деле благополучно.

За окном бесконечно бежали заснеженные леса. Однообразное их движение притупляло взгляд, и Никита Егорович снова углубился в свои мысли и воспоминания. Но теперь он думал о конкретных жизненных вещах, оглядывая прожитое Петром время и пытаясь понять, к чему стремился брат и что он в этом мире ценит.

Девочки рано стали интересоваться Никиту. Петро такой прыти не проявлял. Он называл старшего брата бабником и относился к его увлечениям несколько презрительно. Мальчишкой он не понимал, как можно весь вечер танцевать в клубе с этими вертихвостками, а потом провожать-

ся до утра. Затем, уже подросший, молча осуждал за то, что у брата не было постоянства, сегодня одной увлётся, завтра – другой. А когда Никита Егорович женился и продолжал косить глаза на других женщин, Петро даже гневался.

– Ну, не буду, не буду, – успокаивал его Мехов.

– Совесть надо иметь, – ворчал младший брат.

Когда у самого возник интерес к девушкам и как это у него обнаруживалось, Никита Егорович пропустил по той причине, что в годы взросления брата находился в армии, а потом уехал в Москву учиться. Знал только, что была у него какая-то горькая любовь, но никогда Петро о том не рассказывал. Эта сторона его жизни почти не известна Никите Егоровичу.

После школы Пётр остался в Мужах и не поехал продолжать учёбу. Сестра уже была замужем, хлопот хватало в своей семье, и с отъездом Петра мать осталась бы совсем одна. Собственно, он дал возможность старшему брату закончить институт и определиться в жизни. А ведь природа одарила Петра многими способностями. Очень хорошо рисовал.

Теперь уже меньше этим занимался, а в прежние времена все плакаты в Мужах, все диаграммы и агитационные щиты были кисти Петра. С этих полотен смотрели розовощёкие доярки и плечистые рыбаки, счастливые дети с букетами и олениводы на фоне упряжек.

Занимался он этими художествами не по собственному рвению, конечно, а принуждал его райком комсомола. Пётр всегда был безотказным. За работу ему ничего не платили, называлось – общественное поручение. Без глупой пропаганды тогда начальство не мыслило жизни, придавало политическое значение наглядной агитации и очень было довольно, что в селе нашёлся умелец, на котором можно ловко ездить.

Работал Пётр и бакенщиком, и мотористом электростанции, и монтером. После тя-

жёлой работы приходил в клуб, где отвели ему комнату, и рисовал счастливые лики советских людей до глубокой ночи. А если аккордеонист Семёнов запивал, то брал старый клубный баян в руки и наяривал фокстроты и вальсы.

Ему нравилось возиться с красками и кистями, до многого он дошёл самоучкой и глаз от природы имел. Никита Егорович видел несколько пейзажей брата – безобразно мало! – и ему они нравились.

– Учиться тебе надо, – с болью говорил Никита Егорович. – Теперь я уже работаю, помогу матери.

– Деньгами?

– Ну, буду посылать.

– И она одна останется в этом доме?

Избушка к тому времени уже простояла чуть ли не сто лет, перекосило её, скособо-чило, стены прохудились, и зимой не прогреть было. В сильные морозы хоть малицу одевай. Мать-то надеялась, что сыновья на старом месте новый дом поставят. Но Никита уехал, а одному Петру было не по карману.

Никита Егорович всё мечтал заработать много денег и помочь брату. Но деньги не приходили, а время шло. И сельсовет в целях безопасности стал настаивать на том, чтобы избушку разобрали. Взамен дали квартиру в двухэтажном четырёхквартирном доме, что построили через улицу.

Оказалось хорошее светлое жильё.

И если прежде Пётр не мог оставить мать в холодной развалюхе, то теперь вроде отпала эта причина. Всё-таки учиться Петро надумал. Видать, наконец-то, решил, что дипломом обзавестись надо. К тому же подросла Маша, дочка старшей сестры Ольги, и жила у бабушки. Она была надёжной помощницей.

Поступил Пётр в Горный институт в Томске, чем сильно удивил брата. Чего это потомка олениводов в шахтёры потянуло? Он так и спросил в письме. Братец ответил, что в этот институт почти не было конкурса, чем и объясняется выбор.

Таким образом, Пётр приобрёл профессию маркшейдера. Чем эти люди занимались, Никита Егорович понятия не имел. Но кое-что прояснилось, когда брата направили в Воркуту и он стал трудиться на шахте. Как-то при встрече Пётр обмолвился, как потрескивают деревянные стояки под многомиллионной тяжестью породы. Одной этой детали Никите Егоровичу было достаточно, чтобы представить, в каких условиях работает брат.

Жил он в общежитии в постоянном окружении таких же трудяг, и, судя по всему, единственным утешением была им родная водка. Никита Егорович как-то пошутил, что русская водочка от того такая горькая, что она не обычный веселящий напиток, а слёзы бесконечно страдающей России.

– Может, оно так и есть, – не усмехнулся даже Петро.

Он не любил говорить о своей воркутинской жизни, о своей работе, которая явно была ему чужой, о своих друзьях-товарищах. И Никита Егорович облегчённо вздохнул, когда узнал, что брат отработал положенные три года и тут же уволился. Он вернулся в Мужа и устроился в совхозе на должность инженера по охране труда. На самом деле налаживал и ремонтировал всю технику от доильных аппаратов до финских холодильников с вместимостью в десятки тонн.

И уже никуда больше его не тянуло. Что уж там его так держало, в Мужах? Ведь знал Никита Егорович – сколько мёрз. Работа была не кабинетной. Обрыв какой на линии, пурга не пурга, едет. Да что там говорить! Тяжёлой работы ему досталось. Все ровесники бежали в город. Петро же как тот кот: отвезли на поезде за пятьсот вёрст, а он всё равно домой вернулся.

По поводу женитьбы Пётр каждый раз отшучивался, и только после смерти матери на сороковом году соединил свою жизнь с женщиной, с которой, видимо, прежде встречался. Это оказалась живая,

общительная кубанская баба, лёгкая на веселье, на песни и танцы, в быту шумная и крикливая, но отходчивая, незлобная и в споре уступчивая. У неё была дочь от первого мужа, которую Петро полюбил, как родную. И та к нему сильно привязалась.

– Моя жена, – важно сказал Петро приехавшему брату, хозяйским движением показав на невысокую, полную, с рыжеватой завивкой женщину.

Живут они в ладу. Дарья говорит – характерами сошлись. Сын родился, Серёжка. Тот же хохолок на макушке, как у Петра в детстве.

Устав сидеть, Никита Егорович взобрался на свою верхнюю полку и даже вздремнул. Проснулся от того, что жена поправила сползшее одеяло. Они встретились глазами.

– Ночью не будешь спать, – сказала она, серьёзно и озабоченно глядя на него.

– Я говорил во сне? – догадался Никита Егорович.

– Стонал. Что-то приснилось?

Он не мог ответить, потому что опять пребывал в каком-то странном состоянии полусна и полуяви. Короткий северный день кончился, за окном сгустились сумерки, в вагоне зажгли свет. За перегородкой капризничал ребёнок и противно повторял одно и то же «не хочу!», мать что-то ласково бубнила, соседи по купе в очередной раз перекусывали, по проходу прошли шумные парни, дыхнув перегаром, вагон жил своей заведённой дорожной жизнью, скучной, однообразной, зевотной, а перед мысленным взором распахивались слёзно милые сердцу картины. И снова возникали из тревожного зыбкого марева какие-то моменты детства и виделись так чётко, словно не за многими годами остались те события, а происходили в этот миг, и Никита был участником не тогда, а сейчас.

Как же оно случилось – начало жизни? Какой свет увидели братья, что всю жизнь вспоминали детские годы? Что там осталось?

– Может, поесть хочешь? – спросила участливо жена. – Ты не изводи себя. Надо думать о хорошем, а то беду накличем.

– Я понимаю, – ответил Никита Егорович и закрыл глаза.

Из тайги сбегали в Обь многие мелкие притоки, по-местному – соймы. О теперешней молодёжи Никита Егорович ничего не мог сказать, он толком не знал её, но его ровесники слышали от родителей десятки страшных историй об этих таинственных лесных речках.

В те времена, когда Никита Егорович был молод, в сойме ни один рыбак сети не ставил. Говорили, что двое бестолковых надумали как-то перекрыть сетью устье Кедрового сойма, что находится выше Мужей. И оба утонули. Нашли их легко, они запутались в собственной сети, конец которой зацепился за уключину лодки. Как они так умудрились угодить в сеть, никто понять не мог.

На исходе, у самого, обычно узкого, устья сойм широко разливался и становился очень глубок. Вода была такой чёрной, что солнечные лучи пробивали её на вершок, не более, а ниже покоилась тьма. Кто мог осмелиться нырнуть в эту чёрную глубь, которая достигала, по бабкиным уверениям, преисподней? Таких смельчаков в прежние времена не находилось.

В свои последние приезды в Мужы Никита Егорович видел на Югане – а это самый большой сойм в округе – и рыбацкие сети, и ватаги купающихся мальчишек. И не было в этом ничего удивительного, сойм неузнаваемо изменился. Уж о том, что всю поверхность воды затянула нефтяная плёнка, говорить излишне, такая картина теперь по всей раздольной Оби. Но речка стала обжитой: на берегу стояли дома, огороды спускались к самой воде, бродили собаки, бабы полоскали бельё, моторные лодки проносились, поднимая белые волны. Да где же чертям-то, духам водяным, ужиться с этим гамом и шумом? Может, ушли к истоку, в болота, откуда брал начало Юган, а может, вымерли от недостатка чистоты.

А в прежние времена по осени мальчишки ходили на Юган ловить шуругайчиков, мелких щук. Обмелевшая река по эту пору теряла угрюмую таинственность, светлая вода звонко бежала по камням. Собственно, это уже и не сойм был, а обыкновенный ручей. Делали из проволоки петлю, и она заменяла крючок на удочке. Щучка стоит в воде, петлю подводишь под неё, дёрнул – и на берегу.

Когда Никита брал с собой Петьку, тот радовался каждой удаче, и они вылавливали штук до пятидесяти шуругайчиков. Петька любил нести улов сам, гордо вышагивая впереди. Но дорога лежала через кладбище, и когда показывались кресты, Петька делал вид, что устал, пристраивался рядом, чтобы старший брат тоже брался за кукан, нанизанный рыбками. И тогда Петьке было не так страшно идти среди могил.

Каждый раз Никита останавливался на вершине холма и смотрел на лесистую долину, над которой местами стояли дымы, как будто с неба упали облака. Это парились болота, летом от жары, а зимой – жиуны – от мороза.

– Вот где партизанам было бы хорошо прятаться, – говорил Никита.

– Идём домой, – начинал канючить Петька, которому тут не нравилось. – Да ну их, партизан!

– Разведи костёр, – продолжал Никита предполагать, – и не различишь, где дым, а где туман.

При этом часто он думал о Парамоне. Ему почему-то не хотелось верить, что такой сильный человек мог заблудиться и погибнуть в лесу.

– Да идём же, – ныл Петька и дёргал кукан.

Ничего удивительного в том, что человек столько лет прожил один в лесу, для Никиты не было. Оленеводы веками обретаются в чумах далеко от села, и ничего странного. На полгода наберут припасы и уходят в тундру.

Эти соображения он выложил Петьке. А тот за свою жизнь трясётся, ему бы скорее с кладбища убраться, однако сообразил:

– Да как без соли?

– Соль и муку он мог взять на обмен.

– Как это?

– Знаешь, сколько там зверья? Непуганое место. Запросто пушниной запасётся.

– И что? Да ладно тебе. Идём. Мама уже беспокоится.

– С теми же оленеводами мог наладить обмен. А то подбросил в охотничий домик три лисьих шкурки, а соль забрал. Там всегда спички есть, соль. Мука может быть. Про нашего соседа Семёна в газетах пишут – передовик, стахановец. А может, вовсе не он добывает пушнину. А? Что скажешь?

– Здоров ты придумывать, – недовольно ворчал Петька и опасливо поводил головой.

Непонятное чувство влекло Никиту в ту долину, словно кто-то звал, но этого никто не слышал, а только он улавливал чутьём. Рассказывала та же тётка Варвара, что так бывает и что хорошим это не кончается. В соседнем посёлке жила женщина по имени Домна. Почудился ей голос мужа. Будто зовёт на помощь. Или бабы сами это придумали. Но отчего-то поплыла через реку Домна в самую непогоду, когда волны разыгрались так, что с берега на них страшно было смотреть. И утонула. Вот тебе и зов! Понятно же, кто её попутал.

– Слабо тебе пойти со мной, – говорил, будто в забывчивости, Никита.

– Куда? – скидывал округлившись глаза Петька.

– К Парамону в гости.

– Мама тебе что говорила? Нельзя туда ходить.

– Знаю, что нельзя, а надо.

– Зачем тебе надо? Зачем?

На этот вопрос Никита не мог ответить. Он только чувствовал, как тянет его непонятная сила. Но как объяснить брату, чего в дебрях найти хочет, если ничего не терял?

И дело не в Парамоне. И совсем даже не в нём. Неугомонной влекущей силой было непомерное любопытство, которого сегодня в натуре Никиты Егоровича осталось мало, в самую меру житейской необходимости. А тогда оно не давало покоя, как лихорадка какая, прямо на рожон лез, если что хотел разузнать.

В кино увидел водолазный шлем и захотел спуститься на дно реки, посмотреть, какие там рыбины плавают. Уговорил друзей слепить из глины подобие шара, а вместо очков стекляшки вставить. Две половинки высушили и уже на Никите решили склеить той же глиной. Пока засыхал шов, чуть не задохнулся. Тем и кончилась затея подводного путешествия, не начавшись. Было ему тогда не более шести лет.

Весной Никита места себе не находил. Каждый день бегал на кладбищенский холм и смотрел на затянутую сизой дымкой долину, откуда доносился могучий гул, сотрясающий воздух вокруг и землю под ногами. Это длилось недолго, меньше недели, потом грохот исчезал. В голове Никиты возникало столько вопросов, что он спать не мог. Ещё маленький спрашивал у мамы:

– Что это?

– Буредан, – отвечала мама.

– Что такое – буредан?

– Вода шумит.

– Почему шумит?

– Проснулась потому что. Вот мама, к примеру, тихо спит, а как очнулась, так всё ворошится, ухватом стучит, подойником гремит, на тебя ворчит. Правда же?

– А почему вода шумит, а потом не шумит?

– Потом успокоится, течёт тихонько.

– А почему только Юган? А в Оби больше воды, но тихо?

– Вот подрастёшь, узнаешь сам и маме расскажешь?

– Папа не ходил туда, где вода шумит?

– Что, ему делать нечего было? Он, сынок, много работал.

– А выходные у него были?

– Да какие выходные? Придумаешь тоже!

– А по святым праздникам он не работал?

– В большие-то праздники – нет.

– А в эти дни почему не шёл? Боялся?

– Папа ничего не боялся.

– И я тоже не буду ничего бояться, – заключал Никита.

– Ах, ты герой такой! – спохватывалась мама. – Ремня ты не пробовал у меня. Только посмей туда пойти!

Такие разговоры возникали время от времени по весне. Петька, игравший до этого где-нибудь в углу, затихал и прислушивался, от усердия раскрыв рот. Потом, когда мама уходила на улицу, он подзывал брата к себе вкрадчивым шёпотом. Никита подходил и опускался рядом на пол.

– Знаешь, кто там живёт? – спрашивал он, распахнув узкие глазёнки.

– Ну, кто?

Подняв на уровень плеч руки и растопырив скрюченные пальцы, Петька надувался, делал страшное лицо и старался басить:

– У-у-у!

– И что это за «у-у-у»? – насмешливо спрашивал Никита.

– Он тебя съест, – выдыхал Петька.

Он не хотел, чтобы Никита шёл к истоку Югана. Он боялся потерять брата.

Но по весне просыпался буредан, он гудел над всей округой, словно неведомое чудовище ревело в тайге. Бабы суматошно крестились, мужики в немом удивлении покачивали головами, но житейские заботы отвлекали их. А Никита сидел за школьной партой и ничего не понимал, что говорила учительница. Он думал только о том, как получается буредан, то есть водопад на равнинной местности, насколько он велик и почему исчезает.

Ему исполнилось двенадцать лет, а Петьке – семь, когда было принято окончательное и бесповоротное решение идти вверх по Югану.

На крутом холме собралась не вся гвардия, а только те, кому Никита доверял полностью, на кого он мог положиться без всякого сомнения. Они пришли по одному, как было велено, то есть соблюдая конспирацию. Никто не должен знать, что затевалось. Да и сами участники ещё не знали, чего ради Никита позвал.

Вероятно, ещё накануне Петька догадался, что готовится важный сбор, проснулся в самую рань и увязался за Никитой. Отделаться от него не было никакой возможности.

– Ты ещё маленький, – толковал Никита.

– Я только издали посмотрю.

– Что посмотришь?

– Как вы змея запустите.

Разговор о змее действительно был. Никита при товарищах развивал мысль о том, как соорудить огромного змея и поднять на нём человека. Дело только оставалось за тем, где найти такое полотнище – трёх метров ширины и пяти длины. Почему-то Никита остановился на этих размерах, без расчётов полагая, что такого паруса будет достаточно для подъёмной силы. Он сам собирался взлететь. Правда, потребуется хорошая бечева, которой тоже нет. Но был хвост – настоящая судовая швабра без черенка.

Почему Петька решил, что змей уже готов?

– Ладно, иди, – отчаялся отговаривать брата Никита. – Только сам же пожалеешь.

Кроме Петьки перед Никитой стояли пятеро крепких ребят. Все в поношенных малицах со спущенными капюшонами, простоволосые, было тепло. Кто-то обул кисы, кто-то подшитые валенки. Васька Собрин подпоясался сыромятным ремнём, за который заткнул топор. Это был низкорослый коренастый мальчик со смуглым лицом, на котором выделялись чёрные с ненецким разрезом глаза.

Шурка и Ким были родными братьями, но с разницей в два года. Кто не знал, что они кровные по родству, никогда не до-

гадался бы – такие разные. Один белёсый, даже ресницы светлые, лицо всегда мелко шелушилось, отчего казалось, что присыпано мукой, долговязый, худой, одни кости да кожа. Второй чернявый, глаза смолистые, в плечах широкий, сбитый парнишка. В драку лез первый и бил короткими ударами, как боксёр. Его боялись, кулаки были твёрдыми, как свинчатки.

Ещё двое – Мишка и Алёшка – приходились Никите родственниками. Маленький, какой-то сморщенный, как увядший гриб, Мишка был всегда невесел, понуро глядел под ноги и шмыгал носом. Он и говорил-то односложно, с великой неохотой, и то, когда пристанут с вопросами. Но в стычках просыпалась в его хилом теле какая-то кошачья злость, зелёные глаза вспыхивали яростью, и он набрасывался на противника втрое сильнее себя с бесшабашной храбростью, часто повергая в бегство, потому что кусался и царапался.

Был этот Мишка старшим сыном тётки Насти, которая умерла от аппендицита, то есть получалось – двоюродный брат. Алёшкина мать приходилась племянницей отцу Никиты. Этот парнишка был крупный телосложением, отличался большой силой и – как часто бывает с богатырями – не любил драться, обладая беззлобным характером.

– Чего позвал? – недовольно спросил Шурка, любивший по утрам поспать, и зевнул.

Остальные ребята молча уставились в ожидании ответа. Одному Ваське Собрину, правой руке своей, Никита сообщил накануне, что затеял поход к истоку Югана. Теперь Васька должен был сказать ребятам, чего ради собрались. Разговор предстоял непростой, идти к буредану никому не мечталось.

– Кто трусит, пусть шагает домой, – решительно начал Васька Собрин, сдвинув к переносице брови. – Пойдут только добровольцы.

И он порывисто махнул рукой в ту сто-

рону, откуда из глубин тайги доносился могучий и неустанный грохот буредана. Никита невольно зыркнул глазами на брата и чуть не рассмеялся. Тот открыл рот и распахнутыми глазами смотрел на Ваську, начиная понимать, в какую катавасию угодил.

– Чего там не увидели? – хмуро проговорил Мишка, не поднимая глаз.

Конечно, Васька Собрин мог сказать, что это приказ, и никто не посмел бы ослушаться. С дисциплиной в команде было строго, а такие понятия, как трусость и предательство, в те первые послевоенные годы для мальчишек считались страшными. Если кто проявил слабость, лучше из дому не выходить, будут дразнить на каждом углу, сопливые малыши станут тыкать пальцем – трус!

– Построились, – тихо и властно сказал Васька Собрин.

Ребята без особой охоты встали плечом друг к другу.

– Кто согласен идти на буредан, шаг вперёд! – приказал всё тем же негромким голосом Васька.

Возникла опасная заминка, никто не осмеливался шагнуть вперёд первым, а важен был пример. И тут Петька, стоявший в сторонке, громко заявил:

– А я вашим мамам скажу, вот.

– Тебя кто сюда звал? – обернулся к брату Никита.

Петька отбежал на несколько шагов и повторил угрозу:

– Скажу, скажу. Вам попадёт.

Ребята боялись не вицы и ремня, к боли относились с презрением, но они видели, как тяжело приходится матерям. Отцов унесла война, тут уж ничего не поделаешь. Но погибнуть самим по собственной глупости – это не иметь сердца, матери не переживут. Никита понимал, что творится в душе каждого. И он стал говорить.

Но прежде он много думал, как так получается – в пору таяния снегов буредан шумит, а потом его не слышно. Так есть он или нет? В учебнике по географии нарисо-

ван Ниагарский водопад. Так это понятное явление – с огромной высоты обрушивается вниз целая река.

А тут? Гор нет, ровная долина. А грохот стоит такой, что страх.

На днях в голову Никиты пришла безошибочная разгадка чудесного явления природы. И поэтому он уверенно сказал друзьям, что они стоят перед великим открытием.

– Мы слышим рёв настоящего водопада, – заявил далее Никита. – Что происходит?

Будущие первопроходцы замерли, даже Мишка оторвал взгляд от земли и настороженно уставился на Никиту. Он сам не любил читать книжки, сидел в каждом классе по два года, но печатному слову верил, и каждый раз книгочей Никита завораживал его своими рассказами. Он оттого и был насторожен, что заранее знал – Никита заговорит, как шаман какой...

– Вы спросите, – развивал мысль теоретик, – где та гора, с которой падает вода? А нет её. Вода падает, но не с горы.

– С неба, что ли? – скривил губы художничий Шурка, самый недоверчивый из пятерых.

Но уже стало для Никиты ясно: друзья забыли обо всём на свете, и нет теперь для них ничего важнее, как узнать, откуда падает вода, создавая такой грохот.

Стоявший в стороне Петька тоже заинтересовался и сам того не заметил, как оказался рядом с братом. Никита глянул, а непокорный вихорек торчит как раз под рукой. Но он не стал наказывать за угрозы, а сказал твёрдо и уверенно:

– Вода падает в яму, – Никита широко повёл рукой. – Там, среди тайги, находится огромный колодец, настоящая пропасть. Эта яма расположена в самом русле Югана. За зиму вода всасывается в землю, и яма становится пустой. Весной туда устремляются потоки. Это и есть буредан. Он перестаёт шуметь, когда яма наполняется водой и становится обычным омутом, только страшно глубоким. Мы должны увидеть,

пока не поздно, как всё есть. Это редкое явление природы, и мы сделаем открытие.

Сам Никита был совершенно уверен, что говорит правду, потому что другого объяснения буредану не находилось. Эта его уверенность передалась друзьям, но не всем. Шурка шмыгнул костлявым носом, скривил губы и спросил занудливым голосом:

– Откуда яма появилась?

Можно было ответить, что Никита пока не знает, однако надеется выяснить на месте. И это ещё одна причина похода. Но такой ответ не поднял бы на подобающую высоту боевой дух ребят. Когда Чапаев скакал впереди на белом коне, бойцы-герои не сомневались, что летят к победе. И Никита, будучи командиром, не мог допустить, чтобы товарищи хоть капельку усомнились в его познаниях. Благо на днях он прочитал в окружной газете статью под рубрикой «Краеведение».

– Как появилась? – повторил Никита, с полной серьёзностью отнесясь к вопросу Шурки. – Все вы знаете, что такое шахта. В кино видели. Они бывают глубиной в несколько сот метров. Откуда у нас могла появиться шахта? А вот могла.

И Никита стал пересказывать статью, забыв забыв её чуть ли не дословно:

– Два тысячелетия назад наши края населял легендарный народ сибиряков. От него и пошло имя Сибири. Этот народ жил по берегам Иртыша, на его притоках и со временем спустился по Оби до нынешнего Салехарда. Он был сильным и развитым. Добывал железо, другие металлы.

Говорить напрямую, что шахты остались с тех времён, Никита не осмелился, потому что опасался перебора. Но он окончательно убедил своих слушателей, когда сообщил:

– Манси называли древних сибиряков – «сипыр», «супыр» и «сепыр». А ханты – «себар», «сопра». Тебе это ничего не говорит?

Никита многозначительно уставился на Ваську. Тот пожал плечами и посмотрел на остальных.

– «Сопра», – повторил Никита. – А твоя фамилия как звучит?

– Собрин, – испуганно произнёс Васька.

– Думаешь, случайно? – спросил Никита.

И все изумлённо уставились на Ваську, словно увидели перед собой живого предшественника давно исчезнувшего народа. Должно быть, в каждом шевельнулось даже завистливое чувство. Они носили простые и понятные фамилии: Ануфриев – от Ануфрия, роч – по коми означает «русский» – оттуда Рочев, вок – это брат, пожалуйста – Вокуев. Но никто не знал, почему – Собрин. Оказывается, Васька остался от древнего народа и сам об этом не знал до сегодняшнего утра. Его род уходил на два тысячелетия назад. Это было потрясением для него и для его товарищей.

– Шаг вперёд, – повторил Никита команду, улавливая, что наступило то самое время, когда слова не пропадут попусту.

Как затревожился Петька? Как забегали глазки? Хоть бы кто-нибудь остался с ним! Все пошли за Никитой. А бежать одному домой через кладбище было ещё страшнее. Как, должно быть, билось в груди его сердце! Но суровый Никита спускался к Югану, не оглядываясь. И Петька побежал за всеми. Помирать, так вместе.

Талая вода сверху и снизу проточила настоящий каньон в трёхметровой толще снега, который намело за зиму в низину, где проходило русло Югана. Боязно было подойти близко к отвесному краю, внизу бурлил по камням поток, если свалишься, то понесёт по узкому снежному ущелью до самой Оби, а там уж не выбраться вовсе.

Было ещё раннее утро, село только-только просыпалось, но это происходило там, за холмом, а здесь не наблюдалось никаких признаков человеческого житья, кладбищенские кресты и те скрылись за выпуклым взлобьем пригорка.

Ребят окружала девственная природа. Поначалу они шли по голой долине вдоль Югана, держась на безопасном расстоянии от него, в метрах пяти-семи. Впереди

начинался лес, он охватывал всё видимое пространство. Двигались прытко, шагалось легко, волглый снег схватил ночной мороз, и по нему можно было кататься на самодельных коньках.

Сбивались еловые, а ещё лучше лиственничные дощечки т-образно, если смотреть по ходу, и крепились к валенкам бечёвкой. Такие коньки мастерили мальчишки сами, заводских-то не было, и обивали снизу полосками жести, содранными с фанерных ящиков из-под папирос.

Но в лесу такого катка не будет, как на открытом месте, там придётся выбирать дорогу. И на лыжах через густой подлесок не проберёшься. Оттого Никита и велел приходиться в пимах да валенках.

Первая заминка случилась в метрах пятидесяти от леса. Все одновременно почувствовали, как под ногами опустилась твердь, и застыли в онемении. Потом уже услышали могучий вздох. Это было похоже на то, как в большие морозы ухаёт лёд на реке, но только звук казался более глухим и широким, что ли, всё пространство охватил.

Настоящий испуг охватил ребят, когда они увидели в метре от себя трещину на ширину ступни, которая пробежала через всё поле. Кто из них не любил забегать на льдины во время ледохода? Было страшно и весело, когда рядом начинал вырастать ропак. Льдина под ногами раскалывалась, и тебя выносило на берег со сколом или ты успеваешь убежать сам. Так ведь можно ли сравнивать? Там весь берег усеян людьми, мальчишки друг друга подзуживают, девчонки визжат и тем громче, испуганней, чем ты отчаянней ведёшь себя.

А тут ни души вокруг. Пройди трещина на метр ближе да окажись шире, и провалились бы все, не выбраться.

– Снег осел, – спокойно объяснил Никита, одолев минутное оцепенение. – Снизу вода подточила, пустота образовалась, вот толща снега и ухнула. Сколько тонн будет, а? Вот это масса!

Он потрепал вихор брата, который прижался к нему и дрожал.

– Испугался? – спросил Никита бодрым голосом и обратился к товарищам: – Говорил же – не ходи, маленький ещё. А раз пошёл, нечего трястись.

Совестно было равнять себя с малявкой, и все постарались показать, что несколько не испугались, что дело привычное – осела трёхметровая толща снега. Всего-то! Шурка даже подошёл к трещине и заглянул вниз.

– Глубоко, – сказал он.

– Пошли дальше, – деловито произнёс Васька Собрин, потомок древних сибиров. – Цепью надо идти, вразброс.

И всё было хорошо до леса. Но когда достигли опушки, возникла вторая заминка и уже куда серьёзней оказалась. Тайга начиналась с ельника. Деревья, на добрую треть засыпанные снегом, всё равно казались высокими. Они были разлапистыми и росли густо, касаясь ветками друг друга.

Когда ребята ступили в рощу, то не сразу поняли, что случилось. Но все остановились враз, а Мишка отстал. Он увидел обращённые к нему лица и насторожился.

– Вы чего?! – крикнул он, находясь в пяти шагах.

– Он кричит, – удивлённо посмотрел на Никиту Ким.

И тут всем стало ясно, что они стоят посреди полной тишины, а грохот буредана остался там, где ещё стоит Мишка. И, не договариваясь, все устремились назад. Тут же уши заложило привычным шумом.

Переглянувшись между собой, все уставились на Никиту. Петька схватил брата за руку и уже не отпустил.

– Что это? – спросил Шурка.

Его светлые водянистые глаза смотрели, не мигая. Никита видел, что все ждут от него ответа, но он-то не знал, что сказать. Он сдержанно кивнул Ваське Собрину, и тот догадался, потянул за плечи к себе Петьку. А тот уцепился цепко и не разжимал пальцы. Никита еле освободил руку и шагнул к деревьям. Только он оказался под кронами

елей, как шум буредана исчез. Он стоял посреди первозданной тишины и смотрел на друзей.

Их разделяли несколько шагов, и между ними проходила незримая граница, которая не пропускала могучий рёв буредана. Никита лихорадочно вспоминал всё, что приходилось когда-либо читать о чудесных природных явлениях, но ничего не всплывало из памяти, словно прохудилась она и всё из неё улетучилось.

И тут Никита допустил непростительную ошибку: он шагнул к ели, решив прижаться ухом к стволу. Почему-то подумал, что шум поглотили деревья и теперь должны гудеть, как телеграфные столбы. Уж лучше бы он этого не делал!

Раздвинув длинные лохматые ветви, Никита сделал шаг, и тут же под ногами обломился наст. Никита провалился в рыхлый снег и ушёл бы с головой, если бы в последний миг не ухватился руками за еловую лапу. Друзья, конечно же, вызволили из ловушки – сам погибай, но товарища выручай, – но они увидели, как в образовавшейся яме снег стал темнеть, набухать влагой, то есть внизу была вода и неизвестно какой глубины. Не уцепись за ветки, и Никиту затщило бы под снежную толщу.

– Я дальше не пойду, – заявил Мишка, когда отступили назад из ельника.

– Я тоже, – подхватил Ким, отряхиваясь от снега. – Называйте трусом.

Этим было слишком много сказано. Может, у Кима и не случалась такая минута в жизни, когда осмелился бы открыто признаться в трусости. Да и Мишка не шутил. Этот сказал – всё, хоть на куски режь, не переломить. Шурка, конечно, останется с братом, он даже и заявлять об этом не захотел, само собой ясно. Молчали Алёшка и Васька Собрин, насупленно глядя на Никиту.

Полгода назад у Алёшки забрали отца. Он в сорок третьем году вернулся с фронта без одной ноги и стал работать завхозом рыбокопа. Никита слышал, как женщины говорили за чаем, что не мог Константин

на казённое позариться, а ему приписали большую растрату. Начальниками были приезжие люди, вороватые, человека намеренно подвели под тюрьму.

Мать Алёшки с тех пор слегла и всё не может поправиться, а сестрёнка ещё малая. Так что всё на Алёшке держится, он и дрова из лесу возит, и за водой ходит, и вместо матери в сельсовете печи по утрам топит. Без него мать не выправится, сестрёнку в детдом заберут. Не имеет он никакого права рисковать собой.

И это читалось в его глазах. Он не просил, просто смотрел на Никиту, и всё было ясно по его лицу. Никита мог сказать: «Идём». И Алёшка пошёл бы, вздохнув. Сердце бы надорвал от жалости к матери и сестрёнке, а товарища не бросил бы.

– Оставайся, – сказал ему Никита и перевёл взгляд на Ваську Собрина.

Это был надёжный друг. И это был отважный мальчишка. Никита с ним пошёл бы в разведку. Васька на турнике двадцать раз подтягивался. Он мог бежать на лыжах хоть сто километров. Ну, не сто, так пятьдесят точно. Кидался вниз со страшной Почтовской горы с весёлым гиком и летел с трамплина дальше взрослых. Он ночью мог пойти на кладбище, войти в тёмную баню и взять за кольцо, что в ноздрях, колхозного быка Бурого, который поднял на рога скотника Ивана Дьячкова.

– Тебе очень нужно? – спросил Васька.

– Что мне нужно? – спросил с некоторым вызовом Никита, чувствуя, что остаётся один.

– Открытие сделать?

– Очень.

– Туда никто не ходил, – кивнул на лес Васька.

– Открытие делает тот, кто идёт первым.

– Может, лучше летом? – предложил Васька.

– Тогда не слышно буредана.

– Ну и что?

– Так зачем же идти, если не увидим буредан?

– Мы плохо подготовились. Только топор взяли. А надо бы – ружья.

– Обойдёмся.

– А если волки? – спросил Васька.

– Ты не пойдёшь со мной? – напрямик спросил Никита.

– И ты не ходи, – сказал Васька. – Буредан никуда не уйдёт от нас. Помнишь, ты говорил о снегоходе?

Из Салехарда в Мужа приходили аэросани. Кабина располагалась на двух больших лыжинах, а одна маленькая находилась впереди для управления. Аэросани двигались от работы пропеллера и бежали по снегу здорово, одно загляденье.

Такой двигатель Никита с друзьями не могли заиметь, но лыжи смастерить и соединить не составляло большой хитрости. На ровном месте можно будет использовать парус. Вопрос только оставался один: где найти полотно, когда Шурке мать сшила штаны из последних занавесок с петухами.

Тогда пришла в голову Никиты идея колеса с лопастями, как у парохода. Лыжи не дают увязнуть в рыхлом снегу, водитель ногами крутит колесо, оно загребаёт снег, и происходит движение. Можно на каждого сделать лёгкий снегоход, и получится мобильный отряд. Запросто проезжай, где угодно – в лесу, поле, по ледовой реке.

– На снегоходах мы доберёмся до буредана, – сказал Васька Собрин, – как нечего делать.

– Когда? – спросил отчуждённо Никита.

– Будущей весной, – ответил Васька.

Никита понимал, что никогда и никаких снегоходов не будет, как не будет огромного воздушного змея. В сельском магазине нет гвоздей, нет инструментов, но если и были бы, то нет денег. А слюной доски не склеишь.

Васька был хорошим другом, он давал возможность Никите отказаться от похода. Теперь Никита мог сказать, что все правы, не стоит зря торопиться, надо подготовиться хорошо и на снегоходах помчаться в тайгу. Это означало, что не отказались от

великого открытия, а только пошли на разумную отсрочку.

Но Никита не мог воспользоваться Васькиной подсказкой. Можно сделать вид, что отложили поход, но про себя-то каждый будет помнить, что трусили и командир тоже. Никита знал, что если отступит сегодня, завтра его будут уважать меньше. Это солнцу простительно иметь пятна, а командир должен быть безупречным.

– Пойду один, – сказал Никита.

Он вытащил из-за пояса Васьки топор. В тайгу без топора или ружья не ходят.

– Мы тебя не пустим, – сказал Алёшка.

Переложив топор из левой руки в правую, Никита сдержанно усмехнулся.

– Не ходи, – сказал Васька Собрин, и в голосе его прозвучала мольба.

Нельзя было более медлить, Никита чувствовал, что с каждой минутой воля слабеет. Он уже знал по своему жизненному опыту, что стоит чего-то однажды испугаться и всё, потом уже страх не преодолеть. Он помнил, как спрыгнул в реку с высокой кормы лихтера. Они стояли бок о бок с командиром «южан» Кириллом Томилиным. Поспорили, кто прыгнет с этой жуткой высоты солдатиком. Свидетелями были обе армии, более полусотни мальчишек. Никита краешком глаза увидел, как Томилин посмотрел вниз и отшатнулся назад. Тогда Никита, глядя перед собой, шагнул в пустоту. И жив остался, и цел. А томилинцы бежали с позором. Потом они прогнали своего командира и поставили на его место другого.

Командиром можно не быть, но если уж есть, то будь настоящим.

Но более всего Никита не мог последовать примеру друзей потому, что желание увидеть буредан стало сильнее страха. Он так долго об этом мечтал! И не давали ему покоя мысли о том, что рядом может находиться чудо, а никого это не интересует, потому что людям важнее заниматься скучными повседневными делами, чем совершить открытие. Нельзя годами спокойно

жить, не зная, как ответить на вопрос:

– Что это – буредан?

Можно простить женщин, они и не обаяны совершать подвиги. Но не стыдно ли мужчинам бояться? Неужели и Никита должен вырасти таким человеком, который ничего не будет знать о буредане? Шумит, мол, и шумит. Пусть! Сам перестанет, шуметь-то. Это же позор!

Заткнув топор за верёвочный пояс, Никита повернулся и пошёл в лес. И тут услышал крик брата, который до этого незаметно стоял за спинами ребят и прислушивался к разговору, страстно желая, чтобы все пошли домой. Но когда Никита двинулся один, Петька рванул вперёд.

– Я с тобой!

Подбежав к Никите, он повернулся и бросил оставшимся:

– Труссы!

Но те остались на месте, им было больно от стыда, но страх сковал их и не отпустил. Никита очень обрадовался Петьке, всё-таки не один, но вслух сказал хмуро:

– Оставался бы.

– Мы же быстро, – торопливо заговорил Петька, стараясь снизу заглянуть в глаза брата. – Только увидим буредан и тут же назад.

– Конечно, – обещал Никита.

– Ты не провалишься больше? – с тревогой спросил Петька.

Должно быть, ему легче было, когда говорил, потому не мог умолкнуть. Никита обнял брата за плечи и сказал:

– Не бойся. Ты со мной?

Идти вдоль Югана было опасно. Под снегом текла вода. И неизвестно, насколько она изъела снежную толщу. Провалишься, и с концом.

Долина тянулась между холмами. Справа тайга полого и долго поднималась к горизонту, а слева находилась крутая гора. Но до неё нужно было добраться.

– Иди по моим следам, – сказал Никита. – И немножко отстань.

Поискав глазами, он не нашёл подхо-

дящего хлыста, к ёлкам подходить опасно, снег вокруг них рыхлый, рассыпчатый. Никита взял в руку топор, а верёвочный пояс передал брату.

– Если увязну, бросаю конец.

Едва ли Петька мог вытянуть Никиту, если бы он снова рухнул, как недавно, однако верёвка давала хоть какую-то надежду младшему брату.

– Доберёмся до горы, там будет безопасно, – добавил Никита. – Путешественникам всегда приходится рисковать.

Как ни боязно было оторваться от Никиты, но Петька послушался. Никита ступал осторожно, нащупывая подошвами твёрдый наст. Он чувствовал, что снег уже не как утрешний, он стал мягче, податливей. Это весеннее солнце начало пригревать, поднявшись высоко в небе. Следовало добраться до горы, пока наст удерживал. Если он будет проламываться под ногами, далеко не пойдёшь, да и близко тоже. Никита уже подумал, как в таком случае быть. Придётся наловчиться и наломать еловых лап, набросать кучу, под которой наст не растает, и дожидаться на этом островке вечернего морозца.

Братья круто уходили от Югана. Прошло более часа, как они расстались с ребятами. Горы не было видно за деревьями. Шли вслепую, но стараясь, чтобы тени находились всё время справа наискосок.

Гора возникла сразу, лес прямо утыкался в пологую стену. Братья опустили на снег. Они лежали рядом и смотрели на светлое небо. Никита легонько пихнул Петьку.

– А ты молодец! – сказал он.

– Мы победили? – с надеждой спросил Петька.

– Ещё не знаю, – сказал Никита. – Сейчас заберёмся в гору. Там будет видно.

Гора поднималась метров на двадцать. Карабкаться пришлось долго, несколько раз скатывались вниз и начинали подъём снова. Оказавшись на вершине, братья услышали мощный грохот водопада. Они даже забыли об усталости. После перво-

зданной лесной тишины они обрадовались шуму буредана. С высоты открылась им долина, поросшая – как показалось сначала – кустарником. Но это из глубокого снега торчали верхушки деревьев, ольхи да берёзы.

И вся долина была испещрена бороздами, которые расходились веером. Начальное верховье Югана состояло из множества потоков, вытекающих из разных болот. Если бы Никита не свернул в сторону горы, а продолжал путь напрямиком, то попал бы в сплошной лабиринт снежных каньонов, в котором запросто можно заблудиться.

Только теперь Никита почувствовал холодок на спине от страха. Весеннее солнце поднялось уже высоко, и снег под ногами стал рыхлым. Там внизу, среди сплошных водных потоков, они теперь не могли бы и шагу сделать. Уже и на горе ноги увязали, но тут место было обдутое ветрами, и толщина снега не достигала колен. А там, под обмякшим настом, не существовало опоры, ниже набухла вода. Никиту с его товарищами снежная толща могла просто всосать в себя. И, представив, как это могло произойти, Никита закрыл ладонью глаза.

– Что случилось? – обеспокоился чуткий Петька.

– Эхо, – прошептал Никита.

– Что ты сказал?

– Нет буредана, – сказал Никита, – есть эхо.

Но Петька не понимал его, он задрал облупленный конопатый нос и смотрел на Никиту забавно, как щенок.

– Мы не слышали шума в лесу, – стал объяснять Никита. – А почему? Потому что низина. Эхо появляется выше. Сложи ладошки и крикни, получится громче. Правильно?

Петька старательно закивал.

– Видишь, сколько ручьёв? – показал на долину Никита. – Все они журчат внизу, в снежных каньонах. Звуки сливаются в одно, отдаются эхом от холмов. И мы слышим

грохот. Буредан есть, и его нет. Он из множества ручьёв. Но когда растают снега, эхо исчезнет. Понял?

– Мы сделали открытие? – спросил Петька, от серьёзности насупив брови.

– Пожалуй, да. Мы в Мужах одни с тобой знаем, что такое буредан.

– Теперь можем идти домой? – спросил Петька.

– Да, запросто, – ответил Никита. – Только дождаться надо ночи, пока не окрепнет наст.

Они провели на горе целый день. О чём-то же говорили! Почему-то забылось. Должно быть, Никита рассказывал прочитанные книги, изображал индейцев или героических красных матросов... Да мало ли кого! Фантазии было непомерно много в ту пору. Помнится, как возвращались ночью, как боялись идти через кладбище. И вдруг среди могил зашевелились чёрные фигуры. Братья замерли, уверенные, что это поднялись мертвецы. Но услышали голос матери.

– Слава тебе, Господи! Вон они...

Братьев окружили тётки, сестра, дядя Ваня, мать...

Куда же всё уходит? В какую бездонную пропасть исчезает всё, что когда-то было сущим?

Теперь Мужы разрослись настолько, что дома уже стоят рядом с кладбищем. В одном из них совхоз дал квартиру Петру. В последние годы Никита Егорович приезжал туда. Они стояли как-то на маленьком балкончике, видели угол кладбищенской ограды, остальную часть заслоняло длинное здание детского сада, и Никита сказал:

– Не шумит буредан.

– Когда это было!

– Помнишь, мы шли к нему? – спросил Никита.

– Теперь по тем местам ездят на вездеходах, – с каким-то сожалением сказал Пётр.

– Куда же он девался? – удивлялся Никита. – Гудел-то как!

– В детстве остался наш буредан, – посмеялся Петро и дотронулся до плеча брата ладонью. – Эхо исчезло.

Он был в отличном настроении, его плоское лицо светилось добродушием. Никите Егоровичу думалось в тряском вагоне, что брат и радость переживает иначе, как-то по-своему, откровенно, раскованно, по-детски всей душой. Никита Егорович и смеётся когда, не может отделаться от затаённой грусти. А чувства Петра чистые, как неразбавленные и несмешанные краски. Тогда он радовался приезду брата.

– Ты же сам говорил – нет буредана, есть эхо?

Неужто оно так, что детство – праздник, а вся остальная жизнь – будни? И праздник тот живёт в нас эхом до нашего смертного часа.

Нестерпимо захотелось Мехову скорее увидеть брата и подробно, не торопясь, даже без малой суеты поговорить о чём-то очень важном, возможно – о главном, о сути...

Проехали Вологду, Котлас, Ухту, Печору, Инту...

За окном лежала тундра, плоская, без единого деревца. Никита Егорович видел те самые великие снега, что ему приснились в мартовскую ночь, по которым шагал на широких коротких лямпах неунывный Би к своей любимой. Но теперь при дневном свете его не было видно. А может, слишком далеко ушёл...

После станции Сейда скорый укатил на Воркуту, а Меховы пересели на местный поезд и подались в сторону Оби через Урал. Соседи по вагону посоветовали выйти в Харпе, не доезжая конечной станции, по зимнику будет короче до Салехарда.

Когда поезд остановился, в вагон заскочил мужчина и стал предлагать такси. Дарья и Никита Егорович быстренько собрались и последовали за тем мужиком. Он нашёл ещё двух пассажиров, и машина покатила по хорошо укатанной снежной дороге.

Было пасмурно, мороз перевалил за тридцать градусов, и каменные многоэтажные дома выглядели уныло, словно им тоже зябко и невесело. Ничего для себя примечательного Никита Егорович не увидел в этом посёлке, а машина уже выкатилась в тундру и понеслась в молочном пространстве, выхватывая фарами клочок дороги перед собой.

До Салехарда добрались довольно быстро, вышли возле аэропорта, и тут начались новые огорчения. Выяснилось, что уже пятый день самолёты местных линий не летают, мела сильная пурга, и посадочные полосы в посёлках занесло. Первый день, как ветер стих, и всё теперь зависит, насколько быстро очистят аэродромы на местах.

Огорчённые этим обстоятельством, Меховы решили поехать в город к родне. В Салехарде жила со своей семьёй Надя, двоюродная сестра, дочь погибшего под Сталинградом брата матери Мехова. Надя ждала их, из Мужей известили, что Меховы едут. Она обняла Никиту Егоровича, который не успел полушубок скинуть, и заплакала.

Оказывается, трое суток Мехов ехал уже к покойному брату. Вспоминал живого, собирался поговорить о чём-то главном... Вот и посидел, побеседовал.

– Вам звонили, – объяснила Надя, – но вы уже вышли из дома и уехали на вокзал. Трубку поднял Ефим. Завтра хоронить будут. Ещё успеете.

Самолёт назавтра не полетел. Ждать в Мужах уже не могли, хотя знали, что Меховы в Салехарде. Но сколько они там ещё пробудут? На третий день по христианскому обычаю похоронили Петра Егоровича Мехова, и шло за его гробом всё село.

Улететь в Мужу удалось через день.

На заснеженном кладбище чернел большой могильный холм, усыпанный искусственными цветами. Плакала Дарья, припав к могиле. Стояли вокруг родственники, вытирали платками слёзы. Никита

Егорович смотрел на комки мёрзлой глины и думал, что это розыгрыш, что этого не может быть на самом деле, что это сон. Вся его суть – и душа, и разум – сопротивлялись верить, что под этими серыми ненавистными комьями глины, наваленными в кучу, лежит его брат.

В последующие дни Никита Егорович каждое утро ходил на кладбище к могиле брата, подолгу стоял онемело, и душа без слёз испеклась до изжоги. Белый свет стал наполовину темней. Мехов это чувствовал. Может, глаза стали хуже видеть, но мир стал другим.

В Мужах Меховы пробыли девять дней. Никита Егорович повидался со всеми родственниками, у всех побывал дома, посидел за чаркой, каждого послушал.

На девятый день родня собралась в квартире Петра. Было тесно, и стол накрывали несколько раз. Целый день поминали. Приходили друзья-товарищи, сотрудники. Лида дарила на память в газетных свёртках что-то из одежды Петра тем, кто могилу долбил в вечной мерзлоте, кто помог в похоронах. Выпив по рюмке, люди уходили, оставив добрые слова о покойном. Пьяных не было.

Много всего услышал Никита Егорович о своём брате, люди любили Петра Егоровича непритворно. Чем-то запал он в души односельчан. И все при этом повторяли одну и ту же особенность – жил тихо, незаметно, а без него не обходились.

Задел за живое один разговор, который произошёл в перерыве между застольями. Одни ушли, другие подходили. И среди новых гостей оказался учитель из Овгорта, старинный друг Петра.

Никита Егорович заинтересовался им, отвёл к окну в большой комнате и усадил в конце стола. Сидели в уголке близко друг к другу и негромко беседовали под суету женщин, которые накрывали стол.

– С Петром Егоровичем мы давно знакомы, – говорил Тыликов, с хантыйскими чертами лица человек.

Ему было под пятьдесят, короткие волосы куржой прихватила седина, неторопливая манера говорить, скупые жесты и умение уважительно слушать сразу вызвали расположение к нему. И на самом деле он оказался толковым собеседником.

– Пётр Егорович меня старше на семь лет, – продолжил Тыликов. – Но я никогда этой разницы не чувствовал. Я уж и не помню, как мы познакомились. Да и не могло быть ничего особенного в этом знакомстве. Все мы тут немножко знакомы. Кто с какого посёлка, примерно знаем. Это ведь не миллионный город. Пётр Егорович говорил, что вы живёте в таком большом доме, в который можно заселить все Мужы.

– Пожалуй, так, – согласился Никита Егорович.

– Вот видите! Не так уж и много у нас народу. Я иду по Мужам, всех узнаю. О приезжих не говорю. Приезжают какие-то, уезжают. Что мне до них! А местные все знакомы. И в других посёлках так же. Иной раз не знаю имени, а тут же угадаю, чей родом. И в том, что мы с Петром Егоровичем заговорили однажды, ничего странного нет. Другое удивительно, вам скажу, полчасика не прошло, как стали друзьями. Со мной такого, может, и не бывало. Встречались же прежде, здоровались. А тут вижу – совсем свой человек. Как приедет в Овгорт, сразу ко мне. А там ведь у вас родня... В Овгорте-то у нас бывали?

– Давно уже. В семидесятые, должно быть.

– Это давно, верно сказали.

– Вырос Овгорт-то?

– Я не сказал бы... Чего ему расти? Производства-то нет. Семьи оленеводов живут, охотники, животноводческая ферма ещё держится. Он как-то так – и не растёт, и не убывает. Но, конечно, с семидесятых изменился. Новую школу построили, больницу, электростанцию. Пётр Егорович электричество наладил. Как теперь без него?

Посёлок Овгорт находился в ста километрах от Мужей и стоял на берегу Сыни,

обского притока, бегущего с Урала.

– Никто в совхозе так не разбирался в технике, – продолжал Тыликов. – Хотя и был инженером, а чёрной работы не боялся. Да и никто лучше его не сделал бы. Мотористы наши загонят двигатель, а как починить – не знают. Посёлок в темноте сидит. Ждём Петра Егоровича. Вот он приехал, и все знают, скоро свет будет.

Так подошёл разговор к тому, к чему и стремился Никита Егорович, что и намеревался для себя выяснить.

– В мае он долго пробыл в Овгорте? – спросил Мехов.

– Долго что-то, – стал вспоминать Тыликов. – Чуть не с месяц. Я в технике не разбираюсь, но серьёзная поломка была. Каких-то деталей не хватало. Пётр Егорович ждал. Потом получил. Возился много. Всё ругал наших мотористов. «Ну, как можно, – говорит, – такое допустить?» А чему удивляться? Эти ребята не просыхали. Пьёт народ, Никита Егорович, сильно пьёт. И что делать? Много я думаю, отчего пьёт, и не пойму. Пришёл бы такой президент, который понял бы это. Больше ничего не надо. Как поймёшь, можно дело исправить.

– Опять сухой закон?

– У Горбачёва ничего не вышло, потому что он тоже не понимал, отчего пьёт народ. Хорошо человеку, бутылку покупает. Плохо, опять за бутылку хватается. Да что такое? Как вы думаете, Никита Егорович?

– Не хочю об этом, – тихо сказал Никита Егорович. – Вы мне расскажите, как Петро в мае-то чувствовал себя.

– Жил он на станции, – опять углубился в память Тыликов. – Вот что меня удивило. Там для мотористов каморка есть. Столик, топчан. Но печки нет. Когда двигатель работает, и так жарко. Я сколько его упрасивал – квартирой у меня. Да и родственники у вас там ещё остались. Тоже приглашали к себе. Всё-таки в мае ещё холодно было.

– Отчего же не соглашался?

– Теперь-то я знаю. Он уже болел. Я видел, что очень похудел. Но он отмахивался,

говорил, что после операции это. Но сам-то знал, что болен. И не хотел, чтобы другие заметили. Я как-то поздно решил навестить его. Подошёл к станции и слышу – стонет. Забежал, спрашиваю – что такое? Он лежит на топчане, прикрылся полушубком. Во сне, говорит, во сне. Сон, говорит, плохой приснился. Я тогда поверил. Заварили мы с ним чай, посидели.

– О чём говорили, не помните?

– Всё вас вспоминал Пётр Егорович. Рассказывал мне, как вы потолок делали на даче. Как ездили в Полесье. Он очень часто о вас говорил. То детство вспомнит. То школьное время. Он вами гордился. Сильно любил. Нравилось ему у вас на даче. Посидеть бы, говорит, у окна. За окном – яблоня.

Помолчав немного, Тыликов сказал, разведя руками:

– Зачем ему надо было мёрзнуть, столько работать? Такой уж был человек. Я стал замечать, что чувствует он себя неважно. Говорил ему – поберёг бы себя. Да он отмахивался по своей привычке. А кто сделает вместо него? Вот и вся его логика. Никогда не жаловался. И на этот раз терпел боль в одиночку. Всё, говорит, у меня будет нормально. По весне, говорит, поеду к брату. Жена, говорит, брата в аптеке работает, достанет нужные лекарства. И все дела!

Накрывшись полушубком, лежит Петро на грубом топчане. И так ясно это увиделось, что Мехов прикрыл глаза ладонью. Представилось, как попили приятели чаю, как ушёл Тыликов, а Петро остался в пропахшем соляркой помещении и лежал одинокий в ночи, мыслями своими уносясь далеко-далеко.

А в этом далеке проснулся в темени старший брат и услышал хриплое дыхание, которое доносилось из кухни.

– Жизнь не черновик, не перепишешь начисто, – сказал с болью и неожиданно для себя вслух Никита Егорович.

Не поняв перехода в разговоре, Тыликов несогласно покачал головой и рассудил:

– Пётр Егорович прожил так, как прожил. Он был очень совестливым человеком, я это знаю. Если бы даже обещали ему годы, он не сумел бы жить иначе. Как я понимаю, главной в этом человеке была – совесть. Я учитель. От меня зависит, какими будут мои ученики. Но, видимо, не всё зависит. Я с печалью вижу, что совестливых людей становится всё меньше. Пьющий и бессовестный – вот кого много становится. Я говорю неприятные вещи, но не закрывать же глаза! С такими, как Пётр Егорович, уходит целый мир. Когда-нибудь люди спохватятся и поймут, что потеряли. Не поздно ли будет? Надеюсь на одно – без совести люди испугаются жить. Без совести у всех клыки вырастут.

– Кто знает, что будет, – вздохнул устало Никита Егорович. – Разобраться бы в том, что было.

– Вот и Пётр Егорович так говорил, – шевельнул рукой в сторону Мехова учитель. – Он всё хотел понять своё детство. Что, говорит, за время такое было? Помнится, говорит, как один долгий солнечный день. И я снова бегу за братом. И мы спешим... Куда? Я запомнил его слова. И вам передаю доподлинно.

– Он меня звал, а я...

– Писал о болезни? – недоверчиво спросил Тыликов.

– Нет, не писал. А звал... Не догадался я, не услышал.

– Его можно было спасти?

– Я так буду думать всегда.

К столу садились люди, чинно здороваясь с Меховым и рассуждая о том, как жалко, что не застал он брата, однако не его вина в том, что опоздал, не близкая дорога, небось.

Никита Егорович больше молчал или отвечал односложно, да и не досаждали его разговорами гости.

– Мы его боли не поймём, – сказал Тыликов и выпил рюмку один, ни на кого не посмотрев.

Когда Меховы прилетели в Мужу, встре-

тила их в числе других родственников и Ольга, сестра. Никита Егорович и Дарья пошли с ней по укатанной санями улице.

– Как умирал? – первое, что спросил Никита Егорович.

– Два последних дня почувствовал себя плохо, – ответила Ольга. – К нему приходила медсестра и колола опиум. Десятого она тоже пришла, сделала укол. Он прилёг на диван. Лида присела рядом, взяла его голову на колени. Он уснул. И Лида почувствовала – всё. Как жил тихо наш Петро, так и умер.

Гости говорили вполголоса, бабки часто крестились, белыми платочками вытирали сухие губы и сидели, уставясь в пустоту, замерев перед неизбежным. Мужики говорили о повседневных делах, но отрывочно и без интереса, им было тягостно за поминальным столом, хотелось захлестнуть душу водкой и взречь песню от тоски.

А Никита Егорович всё пытался представить умирающего брата, но не возникало его лицо, а почему-то опять и опять тянула память в далёкое прошлое, как омутная вода в глубь.

За далью времени виделась родная отцова избышка неким ковчегом. Он лежит с братом, который доверчиво прижался к нему, на тёплой и широкой печке. Зыбкие тени бегают по стенам и потолку. Внизу сидят женщины и рассказывают страшные истории, сами пугая себя и крестьясь. А на улице шастает трескучий мороз, шарит по стенам, отчего старые брёвна потрескивают, и всё-то хочет пробраться к людям, к маленькому Петьке и застудить его сердце, которое так часто-часто бьётся рядом. Никите кажется, что они в избышке одни во Вселенной и нет никакой другой жизни, а только стужа окружает со всех сторон, и она такая огромная, такая чужая, как сама смерть. В книжках рисуют старуху с косой, и Никите с малых лет казалось, что это по-нарошку. А вот стужа... Её не нарисуешь, а она есть. Она-то и настоящая.

Северный человек чаще всего не знает, отчего возникла печаль. И впрямь ли

то печаль? Может, согласие с природой. Взгрустнула берёза под вечер. Ну, и северянин тоже, за компанию. Хмурится река перед грозой, потемнело небо, и на душе северного, природного человека стало пасмурно.

Так и с ним бывало, как помнится Никите Егоровичу. Но долгая городская жизнь притупила чувства. И давно забытое родство с природой словно бы пробудилось, когда Мехов пришёл на тот холм, откуда когда-то отправился он с приятелями к буредану.

Перед глазами Никиты Мехова простирался всё такой же великий простор, который в детстве казался ещё более неохватным. Стоя спиной к человеческому жилью, Никита Егорович вдруг всей своей сутью ощутил могущество природы и почувствовал стылую печаль, которая исходила от великих снегов. По весне эти снега сойдут шумными ручьями, и не станет их, но как величава природа сегодня в белом пышном своём одеянии!

Ничто не вечно, но какой высоты достигает красота...

И стоя на холме, Никита Егорович понял, что его младший брат был и остался частью земли и неба, которые любил, чувствовал и почитал. Душа его полностью и навеки слилась с этой природой, то есть не умер он, а тихо обратился в иное свойство, для живых людей непостижимое. И не могло быть иначе, потому что жил Пётр в ладу со всем сущим, и природа за это любила его ответно.

А если так, то Никита Егорович ещё свидится с братом, не навеки расстались...

СМЕХ

Село начиналось на вершине холма и километра три спускалось по долгому пологому скату, пока не утыкалось в болотистую пойму, где извилистая лесная речка с расхожим для этих мест названием Юган

впадала в Обь. Оно вытянулось вдоль берега Оби, лицом было обращено к реке, а с тыла его огибал Юган, который по весне разливался широко, и тогда село оказывалось на полуострове.

Уже в те годы строительство пошло в сторону Новостройки, что располагалась выше по реке и было после войны построено ссыльными калмыками. Теперь село во все разрослось, слилось с Новостройкой и дальше не старалось тянуться вдоль реки, а разбухало в ширь, напрасно надвинувшись на Юган, вода которого прежде была колодезной чистоты, а теперь её нельзя пить, как и обскую.

От тех лет мало что осталось, старые избы снесли, настроили двухэтажные дома, село неузнаваемо переменялось лицом, одно название сохранилось – Мужж.

В том селе, ещё хранившем старинный облик, много лет назад Никита Егорович Мехов встретил свою Дарью Алексеевну. Произошло это невероятное событие до института, в середине следующего лета после демобилизации. Работал он тогда в районной газете ответственным секретарём. Ещё в школе пописывал стихи, выступал с ними в клубе на концертах самодеятельности, слыл поселковым поэтом, и райкомовское начальство доверило ему газетную должность.

От приятелей Никита однажды услышал, что приехала новая аптекарша, красивая девушка, но не стал торопиться со знакомством и за ненужным лекарством не побежал, чтобы хоть посмотреть, что за пташка. Тогда у него была подруга, пухленькая смешливая учительница по физкультуре, с которой ходил во все компании и, конечно, на клубные танцы. Так что к новенькой возникло не такое уж большое любопытство. Хотелось просто удостовериться, на самом ли деле так она хороша, как говорили приятели.

В те времена – самый конец пятидесятых – в кино ходили в Мужжах все от мала до велика. Новые картины крутили по два-

три сеанса, и зал был каждый раз полон. Бывало, семьями идут, солидные мужжи шествуют, бабки плетутся про войну посмотреть, поплакать. Большинство из них вдовами остались, да так и вековали.

Молодёжь обычно собиралась раньше и толпилась возле крыльца. Кинотеатр стоял в центре села и на главной улице. От тротуара до высокого крутого крыльца площадка была устлана плахами. Тут гуртовались парни, перекидывались шутками, громко хохотали и поглядывали на девушек. А те почему-то всегда поднимались на верхнюю площадку крыльца, как на подиум, словно старались показать себя и свои новые наряды, шептались там и хихикали в ладошки, постреливая быстрыми взглядами на парней.

На этот раз Никита пришёл тоже на полчаса раньше и болтал с ребятами о повседневных пустяках, сам говорил, других слушал и вдруг увидел её. Случайно этак, рассеянно повёл взглядом по крыльцу и онемел. Он сначала не поверил своим глазам, а чтобы колкие на язык ребята не заметили смущения, закашлялся понарошку и отошёл в сторону. Он встал так, чтобы все думали, что разглядывает афишу, а на самом деле устремил взгляд на крыльцо, где среди грудастых сельских девах стояла она.

Первая мысль была – летит! Она чему-то смеялась, закинув назад голову и сверкая ослепительно белыми зубами. Стянутое широким поясом платье опускалось колоколом, отчего талия казалась ещё тоньше. У Никиты возникло такое чувство, что девушка невесома, она не стоит на досках, а чуть парит. Все остальные были ужасно тяжеловесны в сравнении с ней. Он многих из них обнимал и тискал, они волновали его, а теперь будто очнулся от сна. Он понимал, что несправедлив и жесток к своим подружкам, но что-то с ним случилось. Эта приезжая была совсем другая, особенная, и он её узнал.

Вот отчего произошло потрясение – он её узнал! Об этой смуглой, с двумя тяжёлы-

ми косами девушке он читал в стихах своих любимых поэтов. Он всё пытался представить блоковскую Незнакомку или пушкинскую Татьяну. Вот она!

До этого времени девушки будоражили его плоть, всё за пазуху лез, как оставался с кем наедине. Да и они того хотели, хоть и отбивались. А как себя вести с такой, Никита не знал и очень растерялся. Он пришёл в такое смятение, что вместо кино вернулся домой и до полуночи пытался писать стихи.

Приходили привычные слова, знакомые, изношенные, а чувство было так ново, что они его выразить не могли. Взял томик Лермонтова, стал читать, и не раз на глазах накопили слёзы.

Я не хочу, чтоб свет узнал

Мою таинственную повесть...

Он тоже был одинок, как Михаил Юрьевич, и несчастлив, ему виделось грустное будущее, тяжёлая стезя отвергнутого, непонятого изгоя. Не плоть взывала на этот раз, а страдала душа.

И предчувствия Никиты оказались напрасными. Даша – так звали новенькую – помучила вдоволь.

– Я о вас всё знаю, – сказала она, когда он в клубе впервые пригласил на вальс. – Мне девчата рассказывали. Так вот. Со мной не старайтесь. Ничего не получится. У меня есть жених. Он скоро приедет.

Тут же в клубе подошёл к Никите один из ребят и сказал:

– Близо не подходи. Она моя.

Фамилия у него была, помнится, Данилов. Никита ответил ему грубо. После танцев Данилов и его приятелями налетели на Никиту, и случилась потасовка. Благо ребята были на хорошем взводе и кулаками махали невпопад. Назавтра они винулись перед Никитой и ругали Данилова, который их обманул, сказав, что у него с новенькой прямо-таки внезапная любовь.

Всю зиму Никита осторожничал, скрывал свои чувства и даже старался показывать, как к ней равнодушен. На танцах иногда приглашал, но говорил о сторонних

вещах. Вообще-то он с малых лет умел заговаривать людей, забалтывать. Что-то накапывало на него, внутри становилось жарко, слова кружили в голове, как снежинки в метель, и сами сыпались с языка. Дед-то был, по словам матери, шаманом, только скрывал это, чтобы не забрали в тюрьму. Видимо, против начальства не существовало у него приворотного клика, оттого боялся.

Ещё в школе какое-то время старшеклассники захватывали его в большую перемену и тащили к себе. Там усаживали на парту, окружали тесным кругом и просили рассказывать. Поначалу ему это очень нравилось, в собственных глазах вырастал и смешил ребят историями, придуманными тут же. После этих импровизаций Никита уставал, чувствовал опустошение и стал убегать от старшеклассников.

Этот свой дар он несколько раз проверил на Даше и заметил, что взгляд её стал не таким уж отчуждённым. К тому же в газете стали появляться его стихи, которые явно были адресованы ей, но сам Никита не признавался в том, а, наоборот, усиленно отрицал. Но она-то догадывалась.

– Я никогда не поверю тебе, – сказала по случаю. – Ты ненадёжный. Все девчата говорят.

– К тому же у тебя жених, – ответил он. – О чём разговор!

От её подруг Никита узнавал, что жених настойчиво пишет письма, но она не хочет, чтобы он приезжал. Потом случился полный разлад между ними. Подруги говорили, что узнала о его измене и не смогла простить. Она была и осталась максималисткой.

Когда Никита поступил во Всесоюзный институт кинематографии, то завёл переписку с Дашей, и она охотно отвечала. Он вкладывал в эти письма все свои словесные способности, всю свою умственную прыть. В них он рассказывал обо всём, что узнавал сам, что открывалось ему, философствовал и сыпал именами с великой щедростью. «Сегодня была встреча с

Виктором Шкловским. Прелюбопытный старик. И какая память!» «Наша Волкова, преподавательница, водила курс в мастерскую Эрнста Неизвестного. Говорили о сталинских репрессиях». «Пригласили писателя Тендрякова, обсуждали его последнюю повесть. Много было критических замечаний...»

Видимо, его жадное увлечение новой своей жизнью её занимало. Да и что в том удивительного, что московский студент вскружил голову провинциальной мечтательной девочке!

Уже казалось Никите – одержал победу. Когда летом приехал, то она встретила с явной радостью. Но вот же болван! И всегда у него так было. Добивается благосклонности, трудов не жалеет, из себя выходит, выше головы прыгает, а как преуспел, скучно становится.

В то время много в нём было самоуверенности, прямо-таки выпирало из него московское высокомерие – щи лаптями не хлебаем! – и она это почувствовала. Он слишком рано решил, что синичка в руках, и появилось в его отношениях к ней какое-то снисходительное попечительство. Никита по природе своей не был глуп, но его заносило. И, должно быть, увидел он себя в ту пору таким Пигмалионом, которому предстояло создать Галатею. Он стал поучать, какой ей надо быть в современном мире. А она-то была уверена, что лучше всех, Василиса Прекрасная, только царевича ей и не хватает.

– Ты мне тогда не понравился, – говорила Дарья после. – Слишком много воображал. В письмах ты был интересней. Почему-то решил, что я просто сохну по тебе. А это было не так. Я тогда страсть как любила читать. И была по уши влюблена в Андрея Болконского. Мне показалось, что в твоих письмах звучат его мысли, его чувства. А ты приехал и стал относиться ко мне, как к прежним своим подружкам. Прямо я должна была от счастья таять перед тобой! Это я-то, гордячка!

В общем, уехал Никита в то лето не солоно хлебавши. Даша не пришла даже на теплоход, чтобы проводить.

– Книжки тогда на меня удивительно действовали, – признавалась потом Дарья. – Мадам Бовари, Анна Каренина, Наташа Ростова – все они были для меня родными. Но такой переживательной жизни, какой жили они, вокруг меня не было. И это не огорчало меня, всё-таки я была практичной девушкой. Заведуя аптекой, сталкивалась с разными людьми. И видела, что книжные герои – это одно, а окружающие меня люди – это другое. Вот это понимание и открыло мне глаза на тебя. Мне стало ясно, что мы совершенно разные. Ты всё-таки витал в облаках, а мне нравилось на земле. Мне нравилось жить в Мужах, работать в аптеке, бегать на танцы, встречаться с подругами, обживать квартиру. Я была очень счастлива от простой человеческой жизни. И таким же был Витя Кожевин. Потому он появился.

В следующую зиму Даша перестала ему писать. Тогда она подружилась с Кожевным, был такой красавчик, сын начальника почтового отделения, смышленый юноша с лицом карточного валета. Он был моложе Никиты, учился тремя классами ниже, поэтому незаметно для него возмужал и вдруг стал соперником. С Дашей они были одногодки, очень подружились, и всё шло к свадьбе. Уже мать Кожевина приходила на квартиру будущей невестки, помогала по хозяйству, и сама Даша бегала с работы обедать к будущей свекрови.

Видимо, Кожевин настолько был уверен в невесте, что не торопил события. Мог жениться до армии, но не стал делать этого из уважения к Даше. Он дал ей время ещё подумать, и она это нашла благоразумным. Его забрали в солдаты и отправили под Абакан. Даша читала его длинные письма и отвечала также многословно, носила в сумочке его фотографию и перестала бегать на танцы, а только ходила в кино и остатки вечеров проводила в обществе обожаю-

щей её тётки Моти, матери жениха.

Возникла бы нормальная семья, жили бы молодые душа в душу, и тётка Мотя при них цвела бы поздним цветком – хризантемой. Но хищный коршун уже размахнул крылья, уже наострил безжалостные когти злодей. Когда одна из двоюродных сестёр написала о возможных переменах в жизни Даши, Никита и впрямь забегал по потолку.

Вот же человеческая натура!

Ведь уже смирился с тем, что отношения разладились, так и не возникнув толком. Первая встреча возле кинотеатра осталась в памяти светлым видением. Но московская студенческая жизнь влекла его, как весенний поток, и уносила всё дальше от горделивой Даши. Наступили времена, которые потом назвали первой оттепелью.

Была пора надежд, Никита с друзьями пел старые революционные песни, которые звучали по-новому, с волнующим подтекстом, и верилось, принесут Отчизне свободу и честь.

Это было время громких слов, романтических порывов, гражданского сознания. И в это время Никита оказался в кругу удивительных ребят, талантливых и умных, при мысли о которых и теперь светлеет в душе. Никита Егорович и людей-то делил по тому признаку, что они вызывают в нём – свет или мрак. Большинство проходит мимо, не цепляя памяти и сердца серой своей одинаковостью, но были и такие, что оставили чёрные пятна в сознании, несмываемые следы. Но в целом судьба к Никите Егоровичу оказалась милостива. Уже за одно то, что в начале зрелости она одарила многоликой дружбой, он ей благодарен.

Однако милые друзья и великие идеалы не помешали вспыхнуть в душе Никиты самой обычной жгучей ревности. Еле дождался летних каникул и ринулся на Север, яко раненый зверь. Он налетел на бедную Дашу, словно вихрь. Жила себе девочка тихо, вышивала мулине, трогательные кошечки смотрели со стены, стояли на этажерке

любимые книжки, лежали на столе стопочкой письма жениха, хранились в альбоме открытки, присланные им.

А были тогда на изломе пятидесятых и шестидесятых годов всё ещё модными в Мужах слащавые открытки, на которых в кучерявом ореоле целовались голубки или красивая парочка и надписи извещала: «Люби меня, как я тебя, – будем вечные друзья». И всё в таком роде, и всё чувствительно. Солдат Кожевин предполагать не мог, какие он мины замедленного действия посылал возлюбленной.

По приезду Никита на второй день выбрал час и пошёл по тротуару мимо аптеки. Он издали увидел Дашу и узнал по летучей неповторимой походке. О его прибытии она, видимо, уже слышала, поэтому совершенно не удивилась, а поздоровалась нарочито холодно. Думала, наивная, что легко отделается.

– С приездом! – сказала ещё ради приличия и тут же добавила: – Я спешу, мне открывать аптеку.

– И я жду не дожусь, когда эта аптека откроется, – сказал с чувством Никита.

Она подозрительно покосилась на него. Тут выскочила из соседнего дома её напарница по работе, тоже молодая девушка по имени Тамара и уставилась на Никиту с таким видом, словно он преступник и намеревается похитить заведующую аптекой вместе с её сумочкой, где находятся ключи. Даша обрадовалась подруге, будто сто лет не видела, уцепилась за её локоть, как за спасательный круг, и они побежали во двор, где находилась задняя дверь аптеки.

Проводив подружек милостивым взглядом, Никита поднялся на крыльцо и стал ждать, когда откроют изнутри вход. Тут подошла бабка Аксинья, поздоровалась, стала говорить, что Никита правильно делает, что приезжает, нельзя забывать родные места, а то некоторые уедут и даже не пишут, и это никуда не годится. Маленькая со сморщенным в кулачок лицом старушка говорила однотонно, словно читала молитву,

а острые глазки стреляли по сторонам, всё примечая.

Распахнув дверь, Даша чуть не уткнулась в грудь Никиты, он сознательно встал у самого порога. Даша поспешно отступила, ушла и остановилась за стойкой со стеклянным верхом.

– Давайте в порядке очереди, – сказала она строго, явно желая побыстрее отделаться от него.

В белом халате и колпаке Даша походила на ангела, её смуглое лицо с тёмными глазами показалось Никите таким поразительно красивым, что он чуть было не лишился дара речи. Но это равносильно тому, как рыцарь уронил бы меч. Куда это же!

– Я человек воспитанный, – поклонился Никита, – и пропущу бабушку.

– Да я не спешу, – начала бабка Аксинья, видимо, намеренная дотошно поспрашивать о лекарствах, которые помогли бы ей в бесчисленных хворях. – Это вам молодым всё надо бежать.

– Как не спешишь? – очень удивился Никита. – А кладовщик Семён? Только что же видела. Смотри, упустишь. Лови, пока трезвый. Он пьяный – жмот.

– Ой, и вправду! – засуетилась старуха. – Я, дочка, за микстурой.

Лекарство было готово, Даша подала бабке флакончик с наклейкой, и та засеменила к двери. А на пороге спохватилась.

– А зачем мне кладовщик? – задалась вопросом старая.

– Валенки выдаёт, – ляпнул Никита первое, что пришло в голову.

– Ну? – удивилась Аксинья и юркнула в дверь.

– Шутник, – осудительно покачала головой Даша. – Весёлый стал, вижу. Мне очень некогда, извини. Что тебе надо?

– Лекарство. Зачем приходят в аптеку?

– У тебя что-то болит?

– Не то, что болит, а какая-то ерунда происходит.

Из-за перегородки выглянула любопытная Тамара. Вот же кикимора! Вместе

росли, можно сказать, а делает вид, что не узнаёт. Это она оттого ведёт себя так, что полностью на стороне Кожевина. Уже к Даше и не подходит!

– Понимаете, девочки, – стал серьёзно объяснять Никита. – Что-то с моим сердцем. Вот всё хорошо, да? Но вдруг начинает колотить по рёбрам, как пьяный кулаком в дверь. И всё бы ничего! Так намедни выскочило. Я ловил его, как кошка мышку.

И Никита понёс такую несусветную чушь, что самому потом стыдно было вспомнить. Но уж разгулялся в своих фантазиях! Удержу не было. Одного боялся, что кто-нибудь зайдёт и помешает.

Даша поначалу смотрела на него прямо-таки ледяными глазами. Тут он пустил заряд из анекдотов, сыпанул картечью. А тогда была золотая пора этого жанра устного творчества. Обычно же запомнил их плохо, а на этот раз сами откуда-то выползли из потёмок, да все, что слышал. И добился всё-таки своего – через четверть часа обе девушки хохотали, как дети. И на самом интересном месте, когда стал рассказывать, как пошёл на концерт Райкина, он сделал вид, что вспомнил нечто необычайно срочное, посмотрел на часы и панически схватился за голову.

– Как я мог забыть! – воскликнул Никита и объявил: – Первая часть концерта окончена, девочки. Антракт!

– А лекарство? – с издёвкой спросила Тамара.

– Подумайте, мои ласточки, как меня излечить.

Два дня Никита не показывался на глаза. Он был занят тем, что ловил на реке плывущие бесхозные брёвна, вытаскивал на берег, распиливал с сестрой Ольгой на чурки, потом таскал в гору, колот и складывал в поленницу. Младший брат Пётр тогда работал бакенщиком и времени на помощь уделял мало. Но иногда приходил на берег, смотрел, как Никита корёжится с бревном, и снисходительно говорил, пряча усмешку:

– Это тебе не лекции слушать.

Потом сходил к воде, ловко подцепляя вагой хлыст и закатывал на песчаную отмель. Никита Егорович помнит брата того времени – весь из мышц, обветренный, густые волосы копной, веет от него здоровьем, спокойствием и уверенностью, стопроцентный северянин, лишнего слова не скажет, с любым делом управится.

В следующий раз Никита как бы случайно встретился с Дашей возле кинотеатра. Даша тут же упрекнула:

– Кто-то обещал вторую часть...

– Артист был шибко занят, дровишки таскал.

– Какой молодец! Натаскал?

– А то не видела поленицу!

– Обязательно посмотрю. Как же!

– Может, после кино прогуляемся? – этак небрежно бросил Никита. – Или боишься тёти Моти?

Последние слова явно покоробили Дашу, она вспыхнула и отошла к подругам. Но после сеанса пошла одна и явно не торопилась. Никита пристроился рядом.

Бывают дни, а то и часы, которые определяют жизнь на многие годы вперёд. Таким зачином оказался тот погожий июньский вечер, когда ещё ничего не предполагавшая Даша разрешила Никите проводить её до дома.

На высоких каблуках и в шёлковом платье с короткими рукавами не пойдёшь за село: сыро, и комары заедят. Даша хотела переодеться. Оставить на крыльце Никиту тоже вроде неудобно было. И она пригласила к себе. К тому же занимала половину дома, то есть две комнатки, а у соседей была бабка, которую зря не держали на границе державы, не пропустила бы ни одного шпиона, потому что являлась бдительной до крайности.

– Можно фотки посмотреть? – спросил Никита, увидев на столе пухлый альбом.

– Да, пожалуйста, – бросила Даша, не подумав, что подставила солдата Кожевина под сокрушительный огонь, которого не пришлось ждать особенно долго.

В альбоме были любительские фотки, не всегда чёткие, на которых застыли для вечности счастливые мгновения. Иначе и не подумаешь – запечатлённые лица друзей и самой Даши сияли от улыбок. Радость жизни переполняла чашу. Что ни фотография, то сияние глаз. Не улыбался только один человек – ефрейтор Кожевин. Оказалось, что счастливый соперник уже успел дослужиться до одной лычки. Дальше так пойдёт – в генералы выйдет. Он был строг и суров, как и долженствует быть человеку в армейской форме.

И тут среди фотографий Никита увидел те самые слащавые открытки, которым по сей день благодарен. Прямо-таки подфартило ему, карта сама полезла в руки. В особый восторг привело его то, что каждую открытку ефрейтор дополнил своей подписью. Глазастая девочка в бантиках протянула пышный букет. Каллиграфическим почерком: «Тебе. Витя». Озеро, луна, лодочка, парочка. Пояснение: «Это мы. Витя». И, конечно, целуются голубки. Ефрейтор пишет: «Любовь». И всё. Как, должно быть, трепетало сердце, когда выводил эти буквы!

– Напиши ему, что это пошлость, – сказал Никита.

– Что? – не разобрала слов Даша, которая переодевалась за перегородкой.

– Он хороший парень, – продолжал Никита. – Я же его знаю. И поражает, что любит такое мещанство.

Соседская бабка заходила за спичками и дверь в свою половину оставила открытой. Теперь, должно быть, сидела поблизости и напрягала слух.

В чёрных сатиновых шароварах, резиновых ботиках и в белом свитере Даша походила на плакатную комсомолку, но полные для хрупкой фигуры груди очень даже были реальны, и Никита поспешно отвёл взгляд.

– Выкинь ты их, – сказал он, показывая на открытки. – Как можно посылать любимой девушке такую чудовищную безвкусицу? Я принял бы за оскорбление эту пошлятину.

Ему подумалось, что круто взял с места, но уже не мог остановиться, возжа попала под хвост. Он просто страдал от того, что люди всё ещё покупают такую продукцию. Как можно?! На растерянную Дашу обрушились имена Ренуара и Гогена, Крамского и Врубеля, Моне и Мане. Бедная девушка воочию представила, как Ван Гог режет кухонным ножом своё ухо, чтобы люди не были глухи к подлинной красоте. У неё выступили слёзы на глазах от сострадания к Модильяни, который умирал с голоду, потому что туполобые люди не покупали его картины, а тащили в свои дома всякую низкопробную мазню.

Почему Даша не возмутилась, не защитила своего ефрейтора? Должно быть, Никита не дал ей опомниться и был так искренен в своём праведном гневе, что её тонкая душа почуяла правду. Ей не очень нравились эти голубки и парочки на открытках, но она их берегла, потому что присылал жених. Теперь ей было немножко стыдно за его вкус. А Никита знал, что будет ещё стыдней. Уж он-то постареется!

– Ты готова? – будто бы только теперь заметил Никита. – Идём?

Альбом он захлопнул с великим презрением и даже покачал головой, молча осуждая.

Когда проходили общую прихожую, Никита заметил бабку, которая сидела у вешалки в полной растерянности. Она ничего не поняла и очень расстроилась.

– Куда идёшь? – спросила она Дашу недовольным голосом.

– Погуляю немного, – ответила рассеянно девушка.

– Смотри, недолго, а то Мотя придёт – тебя нет.

– Да ладно вам! – дёрнула плечами Даша.

Напоминание бабки явно ей не понравилось. Но старая не напрасно предупреждала. Что Даша согласилась пойти на Юган, дерзко с её стороны. Тогда ещё в Мужах почитались дедовские нравы. Правда, она

была не местной, приезжей, и к ней такого строгого спроса не предъявляли кумушки. А местные девушки боялись уединиться с парнем, тут же пересуды пойдут. Конечно, ухищрялись, встречались влюблённые, но проявляли при этом такую находчивость, что подпольщики лопнули бы от зависти.

Но тётё Моте в любом случае будет положено ещё раньше, чем Никита и Даша дойдут до Югана. И девушка знала об этом. Однако всё равно пошла. Значит, важно ей было послушать Никиту.

Тогда ещё село не так разрослось, и сразу за двухэтажной школой начиналось мелколесье. Если пройти через него с полверсты, то можно оказаться на берегу Югана, который тут огибал холм и устремлялся к Оби. Это было высокое место, обдувалось со всех сторон – комарья меньше, – и в детстве Никита много пропадал здесь со своими приятелями, в основном бились на деревянных мечях или стреляли из луков по мишеням.

Сюда он привёл Дашу. Он не умолкал, говорил постоянно. Молчал языком, как тонуший руками. Это по прошествии времени Никите Егоровичу вспоминается всё чуть с юмором, а тогда он выложился весь. Может быть, и никогда после не был таким отчаянным, не добивался победы с такой настойчивостью. Он выплеснул всю душу, трижды вывернулся наизнанку. А надо признать – изнанка была тогда настоящая, приглядная, без червоточины.

В дневнике тех лет написано:

«В чём же смысл жизни? В чём счастье? И смысл, и счастье – в глубине чувств. Человек до тех пор человек, куда может бескорыстно любить, плакать и неистовствовать. Счастье в полноте живительных переживаний.

... Чем эгоистичнее человек, тем беднее для него мир. Эгоиста привлекает только то, что ему лично дорого. Каков его кругозор, таков и мир. А кто живёт интересами других, тот имеет много миров, у него больше предпосылок для счастья.

...Смысл жизни каждого отдельного человека в том, что он делает то же, что делают многие, но делает так, как не может никто. Для этого надо быть своеобразным. А как быть своеобразным? Оставаться естественным. Природа создаёт разных людей, но люди сами подгоняют себя под одну колодку, подражая кому-то или приспособившись к условиям. А надо мужественно оставаться самим собой».

Конечно, там, над Юганом, он со страстью высказал эти мысли. Вокруг была ещё не тронутая тогда человеком природа. Внизу морщилась рябью лесная река, вода которой казалась чёрной. Мальчишки опасались купаться в Югане, он вытекал из болот, был леденисто-холодным, и пугала темень его глубин.

А сразу за рекой начиналась настоящая тайга с островерхими елями и пихтами, она полого поднималась всё выше и у горизонта казалась синей. Ещё недавно, перед самым приездом Никиты, медведь задрал корову на том берегу. Какие, должно быть, дебри, непроходимые буреломы и ржавые болота находились в этой тайге! Как, должно быть, славно было стоять на холме, видеть далеко вокруг и слушать о возможной бурной и многообразной жизни, о заманчивом будущем, что так волновало в девятнадцать лет неопытную Дашу!

– Я вчера увидел Галину, – говорил Никита. – Помню, сидели за одной партой. Прелестная была девочка! А за эти годы успела народить пятерых детей. Забурилась в семью полностью. Я её не узнал, толстая, переваливается с боку на бок, как утка. И не о чем поговорить. Стоим, раскрываем рты, как рыбы, и пучим глаза друг на друга. Да что же это? Вроде такая интересная девочка была. Во что превратилась?

Ума хватило Никите не заговорить о своих чувствах к Даше. Всё бы этим испортил. Он смешил её, ввергал в сомнения, заставляя задумываться, но всё это делал как старый добрый знакомый. И более того – намекнул о какой-то там девушке, которая

есть у него в Москве. Он делал вид, что ему глубоко безразлично будущее замужество Даши. Каждый, мол, сам выбирает судьбу. Каждый имеет свои представления о жизни. У него такие вот, он о них говорит. Но вольному воля. Можно ведь и подобной Галине быть, если это устраивает.

В памяти Дарьи тот вечер тоже остался. Она почему-то больше запомнила, как смеялась.

– Я умирала, – рассказывала она не раз сыновьям за общим семейным застольем по случаю какого-нибудь праздника или дня рождения. – Папа ходил на руках и при этом читал стихи. Он меня так смешил, что я чуть не плакала. Каким же он был интересным!

– Папа ходил на руках? – с недоверием обычно спрашивал младший, выразительно глядя на солидного телесами Никиту Егоровича.

– А какие стихи сочинял! – восклицала Дарья и начинала просить: – Ну, вспомни. Про какой-то камень...

– Ясненько! – потирал руки старший, подбираясь к бутылке. – Тогда ты и влюбилась в нашего папу?

– Наверно, – признавалась Дарья.

Стихи Никита Егорович не помнил. Но недавно копался в старых бумагах и наткнулся на одни вирши, отмеченные пятьдесят девятым годом.

Я сижу на камне,
На белом, как утренний снег.
Я сижу на камне,
Потому что так нравится мне –
Сидеть на камне
Белом, как утренний снег.
Но если бы нравилось мне,
Я лежал бы под камнем
И удивлённым прохожим
Показывал бы язык.

Конечно же, этот поэтический перл он сочинил для Даши. Кажется, ей одной и читал. И, конечно, ему тогда казалось, что он оригинален. Куда там! Настроение было тогда озорное, дерзкое. Думалось, что

классики слишком хрестоматийны и скучны, что писать нужно современно, ломая старые каноны. Друзья Никиты издевались над сюжетом и говорили о потоке жизни. Правда не терпит форму, она должна выражаться вольно.

Чувство молодости пьянило Никиту. Шестидесятилетние люди казались глубокими стариками. Даже не мыслилось прожить столько. Зачем тлеть, когда надо вспыхнуть? Никита был уверен, что больше сорока пяти не проживёт. И то много!

О смерти думалось легко и беззаботно. Не она была страшна, а скука, обыденщина, серость. Лучше пробежать стометровку, чем уныло плестись километры. Бурлила кровь, и сердце билось в ином ритме. В душе было солнечно, оттого не пугала тьма.

Теперь Никите Егоровичу перевалило за шестой десяток, и почему-то ему не казалось, что слишком много было этой жизни. И ценности своей она не теряла. Сегодня он тому Никите сказал бы, что жизнь подобна хорошему вину, чем более выдержки, тем забористей. Но едва ли тот понял бы Никиту Егоровича.

Уходил по долговому плёсу белый, как сон, теплоход. Никита стоял на палубе, в кормовой её части, и смотрел на село, которое быстро удалялось назад. Дома становились всё меньше и потом уже слились в одну тонкую полосу на кромке сизой тайги.

На пристани стояла Даша. Они договорились, что будут смотреть в сторону друг друга, пока теплоход не скроется за мысом. Сама обещала, он не просил. Он-то знал своих, мужевских. Тут же зашают сплетни – не дождалась жениха, со студентом закрутила, вертихвостка. Девка-то хорошая была. Вот ведь что! Да это Никита во всём виноват, ни одной юбки не пропустит. А ему-то что, он парень! Девке надо думать. Чего доброго, не остереглась. А Мотя-то, Мотя! Уже ведь при людях невесткой называла.

– Я думала о тебе и никого не боялась, – сказала потом Даша. – На пристани оставалась ещё одна женщина. Мне потом сказа-

ли, что это твоя мама. А до этого я не знала её. Она плакала. Мы посмотрели друг на друга и ничего не сказали. Потом, когда мы встречались, она всегда как-то смотрела на меня хорошо. Как же я потом полюбила её! У тебя, Никита, такая родня!

В то лето у Никиты не было мысли жениться, да и она об этом не помышляла. Да и ерунда это полная – фиксировать любовь документом! Они питали уверенность, что судьба их соединила навсегда. И этой уверенности было достаточно, чтобы перенести любую разлуку.

Тогда Никиту поразило, какой она оказалась отважной. Тётя Мотя со слезами умоляла одуматься. Мол, Никита – легкомысленный молодой человек. У него в Москве обязательно есть девушки. Да и учится он такому ремеслу, чем серьёзные люди не занимаются. Наслышана она, тётя Мотя, – откуда? – об этих киношниках, только и делают, что жён меняют. Никита оторвался от земляков, станет другим, Дашу забудет. А Виктор вернётся с армии и простит её за короткое заблуждение. С кем не бывает?

Потом уже за долгие годы совместной жизни Никита Егорович понял, что Дарью трудно убедить, но если что-то утвердилось в её упрямой головке, то стоять будет на том до конца. Никита сумел уверить её, что жить мещанкой и плодить себе подобных – жалкая участь. Она утратила ту будущность, которая уготовлена была с Кожевиным. Даша готовилась страдать за народ.

– Какая же я была дурочка! – восклицала она теперь перед сыновьями. – Я же была готова за вашим папой следовать в лагерь. Он говорил о борьбе со сталинистами, которые снова могут победить, и тогда пересадят массу людей. Его, конечно, в числе первых. И я собралась с узелком поехать за ним, как декабристка. Я же тогда была восхищена Волконской, Трубецкой, этими удивительными женщинами, и себя считала такой. И ведь поехала бы! Я ничего не боялась.

Ругая мещанство и растительную жизнь, Никита сам себе подготовил опасную ситуацию. Даша решила учиться в Ленинградском медицинском институте, уже послала документы. Ей казалось, что поступает правильно и предусмотрительно: образованный Никита со временем станет тяготиться малограмотной женой.

Неизвестно, как бы сложилось у них, опоздай Никита хоть на день. Оказавшись следующим летом в Салехарде, по дороге в Мужы, Никита узнал, что Даша по каким-то делам приехала в окружное аптекоуправление. Он тут же поспешил к ней, и они встретились у покосившихся ворот.

Почему-то по сей день помнятся тесовые ворота трёхметровой высоты, которые всегда оставались приоткрытыми, потому что основанием вросли в землю по давности лет. Когда-то это было подворье зажиточного человека, а теперь в посадистых амбарах находились склады с медикаментами.

Случилось так, что Никита и Даша столкнулись в узком проёме между створами ворот и растерялись от неожиданности. Помнится, был солнечный день. Даша в лёгком атласном платье с бретельками на плечах прямо-таки поразила своей красотой. Толстые косы были уложены на голове, отчего девушка казалась выше. Никита смотрел на неё, не узнавая. Что-то с ней случилось за эту зиму, какая-то произошла милая перемена, исчезла некоторая угловатость и появилась волнующая женственность.

– Ты мог меня не застать, – первое, что сказала Даша, не поздоровавшись. – Я уезжаю в Ленинград. Поступлю в институт. Но главное – мы будем близко. Станем чаще встречаться. Я соскучилась по тебе, Никита.

– Когда уезжаешь? – спросил оглушённый Никита.

– Сегодня. Мне даже направление дали.

– Что же не писала о своих планах?

– Хотела обрадовать.

– Сейчас умру от счастья.

– Что с тобой, Никита? – испугалась она.

Отпустить её в Ленинград это значило – потерять. Там хлопцы не слепые. Она даже не представляла, как мила. Никита столкнётся не с одним ефрейтором, а целая армия искусных ловеласов предстала перед мысленным взором. И он струсил.

Вот, собственно, почему женился – из трусости. Но это, конечно, не совсем так. Коли точнее – от боязни потерять свою Дарью.

– Никуда я тебя не отпущу, – сказал мрачно Никита.

– Я учиться хочу.

– Это от тебя никуда не уйдёт. Я приехал с намерением жениться. И прошу твоей руки.

Намерение это возникло минуту назад.

И, выходит, поженились Дарья и Никита Егорович, не имея на то охоты, да вот прожили в согласии тридцать пять лет и ещё надеются покряхтеть на свете. Давно они другие, от тех молодых, почитай, ничего не осталось. Разве какие тряпки в чемоданах запасливой и прижимистой Дарьи. Иной раз и не верится, что когда-то готовы были пойти на страдания ради своего народа. Да и народа того нет, рассыпался он на разные национальности, и те не ладят между собой, каждая себя выше ставит и только о своей боли кричит, будто не под одним Богом ходят.

Уплыла юность, как белый теплоход, на палубе которого играет музыка, на мостике стоит капитан в белом кителе, пассажиры машут белыми платками, и белые чайки кружат над рекой... Как давно это было! Далёкие времена, другая эпоха.

За многими сотнями вёрст от Мужей в городской квартире собралась семья Никиты Егоровича – жена да двое взрослых сыновей – по случаю тридцатипятилетия супружеской жизни родителей. Сидели за обеденным столом в гостиной, Дарья-искусница наготовила столько всего вкусного, что хватило бы и на гостей, но Никита Егорович уговорил никого не приглашать, чтобы не замутить хорошее настроение

сторонними разговорами и обязательными криками – «Горько!».

У них ведь и свадьбы не было. Просто расписались, и всё.

– Я не хотела замуж, – говорила Дарья за столом. – Я мечтала получить высшее образование. Это какой-то ужас! Папа уговорил меня, и я вернулась в Мужж. Мы расписались. Не понимаю, что со мной происходило. Я считала себя такой разумной. А вышла за студента, который через месяц уехал в Москву. Если бы не мама Груня, свекровь, моя вторая мама... Какая это была женщина! Я оставила свою квартиру. Ненормальная была! Я переехала в её холодный дом. Но с мамой мне было очень хорошо. И папины тётки меня полюбили. Я подружилась с Петькой. Вместе кончили вечернюю школу. Вот человек, который всегда меня понимал! Какие у нас с ним были разговоры!

Она всегда называла младшего брата Никиты Егоровича уменьшительным именем, а тот уже и в годах не обижался. Так у них повелось с давних пор, Дарья относилась к нему не как невестка, а скорее – как старшая сестра, хотя были они одногодками.

Женившись, Никита уехал учиться. Зимой на несколько дней приехала Дарья в Москву. С великой опаской сообщила, что у неё будет ребёнок. Никита сказал, что очень рад. Как-то не думалось о ребёнке. Но если он заявил о себе, то это уже его дело. Значит, пусть появляется и живёт. На белом свете места хватит. Дарья несказанно обрадовалась его словам. Она боялась осложнить жизнь своему студенту и готова была...

– Даже думать об этом не смей! – крикнул грозный муж.

Родился Алёшка в Мужж, никаких забот Никите не принёс. Папаня только теоретически представлял себя родителем. Ребёнок рос на руках бабушки в окружении Никитиных тёток и остальной многочисленной родни.

Во время всего застолья, тихого и согласного, Никита Егорович старательно пытался припомнить что-то очень важное. Поначалу ему показалось, что это был вечер на крутом берегу Югана, свидание с Дашей, но потом понял, что не о том тосковала сегодня его душа. Что-то было в жизни такое, чего не стало, но что когда-то имело огромное значение, и это связано с Дарьей.

Всю жизнь он относился к ней тепло, а с возрастом всё больше дорожил ею, да и она с ним сроднилась так, что стали единой сутью. Давно нет её длинных кос, волосы поредели, поплёкшее лицо и вялая шея, конечно же, говорили о возрасте, но Дарья была боевитой женщиной, за жизнь держалась цепко, по утрам бегала, раз в неделю в парилку ходила, минуты не посидит в унылом безделье.

– Движение – жизнь, – говорит она бодро Мехову. – Это сказали древние греки. Но ты же не веришь древним грекам.

Она смеётся, машет рукой и продолжает готовить, стирать, гладить, убирать, мыть, при этом успевает покрутиться перед зеркалом и повздыхать вслух, что не найдёт подходящего пальто в магазинах.

– К пальто сумочка понадобится, – напоминает Мехов.

– И сапоги, – подхватывает она. – А какая на мне шляпка?

Затрезвонит телефон, бежит, хватается трубку, и слышит Мехов восторженный голос:

– Ой, Таня? А я только о тебе подумала.

С одной поговорила, другая звонит.

– Ой, Валя! А я только подумала, чего это не звонишь?

Толковала им, как лечиться, какие таблетки пить, что принимать до, а что после еды.

Судя по телефонным разговорам, все её подружки были безнадежно хворыми, впроу гробы заказывать. Но Никита Егорович видел некоторых – ядрёные бабы. Знать, больше бояться болезней, чем на самом деле хворают. Для них Дарья – главный автори-

тет. Верят больше, чем врачу-профессору.

А ведь была ещё одна пламенная страсть – дача. Это же вождёльнная каторга! Готова ночами с фонариком обхаживать свои петрушки да помидоры.

– У меня нынче в огороде всё выросло, – говорит она по осени, и большей гордости в природе быть не может.

Сколько энергии в этой женщине! И всё-то надо, и всё-то важно, и всё-то её занимает. Мехов завидует своей Дарье, слушает её наставления, кивает, соглашаясь, а по уходу её забирается в кабинет и часами сутулится над письменным столом, пока не возникает знакомая боль в левой стороне груди.

Сегодня Дарья нарядная, в любимом своём бордовом платье, немножко выпила вина, разговорилась. Никита Егорович не раз слышал о том, о чём она рассказывает, но слушает с вниманием, потому что много было тепла в её голосе.

– Папа уехал в Москву, а мы остались – мама, Петька, я и маленький Алёшка. Я так полюбила тогда папину родню. Тётя Наташа, тётя Пана, Рита... Утром проснусь, мама Груня самовар подогревает. Опять я проспала всё на свете. Алёшка мой маленький сосёт хлебный мякиш в тряпице. «Да что ж ты, мама, не разбудила?» – говорю. Пожалела. Вчера мы с Ритой на танцы бежали. Пришли поздно. Нас Петька провожал. Ой, я была спокойна за Алёшку. Мама с ним, тётки придут, целый вечер чай распивают. Утром я покормлю грудью и убегаю к Рите. Она работала в библиотеке. А вечером мы идём с ней на танцы.

Слушая жену, Никита Егорович никак не мог освободиться от чувства, что ему чего-то в ней не хватает. Что же это такое было? После института он устроился в Сыктывкаре, работал на телевидении, получил квартиру, привёз жену с первенцем, и с тех пор жили почти неразлучно, так что взрослели, а потом и старели на глазах друг друга, и он ничего не мог упустить. Но вот же забыл что-то важное, и это явно казалось внешности Дарьи.

Потом он замечтался под слова жены и представил те зимние дни и вечера, что проходили без него, и долгие чаепития, и лица ещё молодых тогда тёток, и хлопотливую мать, которая то и дело подходит к качалке. Потом гости уходят. Мать остаётся с внуком, баюкает его и вместо колыбельной рассказывает об отце, Никите, каким он рос проказливым, как она боялась за него, как по нему тоскует.

А в клубе капризный аккордеонист, штатный массовик-затейник, уже успел заложить за воротник и в одиннадцать часов объявил конец вечера. Молодёжь недовольна, ещё ноги не устали, ещё домой не тянет. Но затейник уходит, потому что дружки могут не дожидаться и допить остатки.

Тогда Рита, которая приходится Петру сродной сестрой, говорит Дарье:

– Попроси братика, он тебе не откажет.

– Ну, идём, – соглашается Дарья. – Ты меня поддержишь.

Они заходят в комнату, где среди реквизитного хлама сидит Петро и рисует счастливого оленевода. Опять райком комсомола поручил ему наглядную агитацию.

– Да мне завтра сдавать надо, – пыхтит недовольно тот и тычет кистью в нос оленевода.

– Я тебе кто? – заявляет Дарья, когда все аргументы исчерпаны. – Я тебе невестка.

– Да я завтра обещал...

– Я тебе не какая-нибудь, а любимая невестка, – наступает Дарья. – Может, у тебя есть другая?

И уже сидит Петро на пустой сцене и старательно играет «Дунайские волны», а пары кружатся, кружатся...

– Потом мы с Ритой решаем идти домой, – рассказывает Дарья. – «Проводи нас, Петя», – командуем мы. Они с Ганькой, со своим закадычным другом, идут за нами, своих девчонок оставили. Он меня слушался. Как-то однажды смотрю – мама собралась за водой. Это же из проруби тащить в гору. Я говорю: «Петька, ты что хоть?» А он копаётся в приёмнике, что-то там пая-

ет. Пугается: «Что такое? Что такое?» Мама руками машет: «Вай-вай! Не надо его отвлекать». «Ничего, – говорю, – мама. Здоровый парень будет сидеть, а мы с тобой, слабые женщины, станем воду таскать в такой мороз?» Петька удивляется: «Я же вчера на-таскал. Что, у вас бочка дырявая?» «Не забывай, – говорю я строго, – в доме ребёнок, его купать надо». Для него это аргумент. Тут уж всё, бросил любимое занятие, встал, пошёл. Вдобавок мимоходом скажет Алёшке: «Вырастешь, оцени. Чарку поставь».

Племьяш запомнил, хоть сам ещё не говорил, а ухватил заветные слова и уже взрослый не раз сиживал с родным дядей за бутылочкой. Они очень были дружны, находили что-то общее в долгих разговорах, и полное согласие теплилось между ними.

– Как мне тогда хорошо было! – который раз прижимала к сердцу руки Дарья. – Мы с Ритой приходим с танцев, а дома сидят тётя Наташа, тётя Пана, соседка Глафира. Алёшка играет в кровати, сытый, сухой, на меня – ноль внимания. «Мать-то не узнаёт», – говорит тётя Наташа. Шутят, смеются. «Чаю хочу, – говорю. – Умираю». А мама Груня уже несёт самовар на стол. Шаньги испекла. Мы все садимся за стол. Пьём чай с шаньгами. Я такая беспечная была. Твои тётки, твоя мама такие добрые были ко мне. И Петька с нами был.

Наполнив рюмки, Никита Егорович предлагает выпить за лучшую рассказчицу нынешнего застолья. Дарья, чуть откинувшись телом назад, смотрит на мужа, и лицо её выражает весёлое изумление.

– Как это я за тебя вышла? – с недоумением спрашивает она. – Я же по твоей вине не получила высшего образования!

– Нужно оно тебе?

– Была бы заведующей.

– Тоже мне – высота! Если бы замминистра!

– Я могла подняться по служебной лестнице, – говорит она серьёзно. – Меня из Мужей приглашали в округ. Но я тогда лю-

била свою аптеку. Если бы не ты, осталась бы в Мужах. Ты всю мою жизнь перевернул.

– Вот же негодяй!

– Нет, ты хороший. У меня к тебе нет претензий. Но мы с тобой совершенно разные. Понимаешь? Мне нужен был другой человек, чтобы жил моими интересами, чтобы я могла посоветоваться, поговорить с ним. Вот шторы нужно купить. Походили бы по магазинам, искали. А с тобой разве можно? Тебя домашние дела совсем не занимают. Магазины ты терпеть не можешь.

– Бедная, одинокая женщина!

– Да, бедная и одинокая, – соглашается со вздохом Дарья. – Мне нужен был такой человек, как Петька. А я тебя любила. И люблю, дура такая.

И тут же отмечает тост Никиты Егоровича, а предлагает за мужевскую родню, за всё хорошее, что было в ту пору, что осталось навеки в душе и так тепло вспоминается. Она пригубила из фужера и продолжила нетерпеливо:

– Петька тогда смешной был, – вспоминала Дарья своего шурина. – Я уже была заведующей аптекой, меня выбрали в профком, я даже в райком ходила на какие-то совещания. Такой важной себя считала. Что ты!

– Всегда была такой, – отметил Никита Егорович.

– Какой?

– Важной.

– Нет, мне тогда жилось хорошо, весело. Я помню, как много смеялась. Просто так. Это, видимо, от того, что забот не было. С работой ладилось, училась, бегала на танцы, получала твои письма.

И она стала рассказывать о том, как Петька с Ганькой приходили в аптеку. Придут и топчутся, шепчутся о чём-то, купят витамины да опять не уходят. Дарья с ними рада поболтать, но беспрерывно заходят люди, ей не до них. А их вроде это и не смущает. У них какое-то своё дело.

– Что вам ещё? – спросит Дарья, как отхлынут посетители.

– Нам ещё витаминов, – скажет Ганька.

– Нельзя же так много, – предупреждает Дарья.

– Мы прозапас.

– Какой ещё запас?

– Нет, мы это самое, – вступает в разговор Петька, – погреться зашли.

Негде им больше погреться, кроме аптеки. Петька тогда работал бакенщиком, и зимой выпадало много свободного времени. Ганька окончил школу и пока нигде не работал.

Друзья прямо-таки стали завсегдатаями аптеки, бабка Аксинья так часто не приходила. Та всё спрашивала о новых лекарствах, потому что старые не помогали от её хворей, очень уж слабыми становились. А её болезни не сравнить было с недомоганиями других старух, которые больше прикидывались, а на самом деле и лечить-то их не стоило бы, зря только время тратить. Бабка Аксинья считала по-настоящему больной только себя, при этом успевала каждый день шустро обегать село и узнать все новости.

Эти двое в отличие от бабки покупали только витамины. Другие лекарства их не интересовали. Уже спустя годы Дарья спросила Петра, чего они тогда таскались с Ганькой в аптеку. И он ответил:

– Посмотреть, как ты смеёшься.

Смеялась она и на самом деле удивительно. Говорят, глаза – зеркало души. Может, оно и так. Но только смех выдаёт человека полностью, со всеми потрохами. За смехом не скроешься. Глаза можно построить, они человеку поддаются, а смех всегда непритворен. Можно, конечно, нарочито хохотнуть, деланно хихикнуть, но то не смех. Он тогда настоящий, когда от него не удержаться. И уж тогда человек весь на виду, как раскрытая книга. Ясен и беззащитен, как дитя.

Смех у Дарьи был каким-то лучистым, то есть вдруг она вся вспыхивала. Так внезапно солнце пронзит водную рябь, и глазам становится щекотно от множества играю-

щих бликов. Казалось, что её лицо светится изнутри и становится ещё красивей. И даже не в том дело!

Оставаясь на месте, она как-то вся устремлялась к собеседнику с такой прямо-таки молитвенной благодарностью, с таким дружеским приятием, что становилось радостно и слёзы накалились в груди.

Сколько раз испытал эти блаженные минуты Никита Мехов! Сколько раз ныло сердце от глупой и невольной ревности, когда она смеялась, глядя в лица других! Он верил ей – всегда верил, – но почему-то по-детски дулся, когда она дарила свой смех другим.

– Такие потешные были с Ганькой, – сказала Дарья. – Приходили посмотреть, как я смеюсь. А Петька-то? Дома будто не видел.

И она грустно улыбнулась, просветлённо поглядев на сыновей. Но тут же глаза её наполнились слезами, она поспешно достала платок и поднесла к лицу.

– Сейчас бы сидел с нами, – сказала она дрогнувшим голосом. – Обязательно приехал бы к этому дню.

Сыновья стали успокаивать её, говорить о том, что не надо о грустном, не для того собрались, потом Ефим поставил танцевальную музыку, Алексей подхватил маму, и все трое стали бойко прыгать под современный ритм, и Дарья смеялась, ещё глотая слёзы.

А Никита Егорович будто застыл, потому что теперь догадался о том, что весь вечер его подспудно тревожило и ускользало из памяти. Он мысленно увидел Петра, сидевшего напротив за этим столом, молодого, лет сорока. Каким-то образом речь зашла о лекарствах. Должно быть, Дарья завела разговор. И Пётр с уверенностью здорового человека стал говорить, что они – таблетки да микстуры – один вред несут, что надо прислушиваться к своему организму, а уж он точно подскажет, что делать.

Услышав такие слова, неистовый фармацевт Дарья встала на дыбы, аж глаза заблестели.

– Ужас! – всплеснула руками она и посмотрела на Петра с таким выражением на лице, словно увидела пещерного человека. – Петька, ты меня убил! Да если бы не лекарства...

– ...человечества уже не было бы, – назидательно подсказал Никита Егорович.

– Ты, голубчик, молчи, – выставила в его сторону ладонь Дарья. – Сколько раз я тебя спасала лекарствами! Помнишь, мог гангрену получить?

Страстная речь о пользе лекарств отвлекла Дарью от стола, Мехов наполнил рюмки, братья выпили и стали очень серьёзно кивать, соглашаясь, потом ещё повторили... Когда она замолкла, Петро показал на бутылку:

– Хорошая микстура. В аптеке продают?

– Да она вас убьёт! – возмутилась Дарья и удивилась, заметив пустую посуду: – Когда это вы успели?

Петро прикинулся испуганным:

– Мы же не знали, что она у тебя последняя!

Чтобы Дарья да шурина не выставила! Правда, наговорит с короб, какой это вред – водку пить. Она, родненькая, оказывается, хуже яда. От неё разные болезни возникают. Особый вред приносит печени, почкам, селезёнке, желудку, мозгам и нервной системе. Остальные органы тоже могут пострадать.

– Зараза какая! – возмущённо проговорил Петро, принимая бутылку из рук невестки. – Я и не знал! Да мы её, вражину такую, враз уничтожим.

И ему становится потешно от своих слов, он захлёбывается смехом, прямо давится, потому что остановиться хочет, а не может. Ему хорошо, в гости приехал, его тут любят, он с братом ещё выпьет, поговорит от души. Дарья сперва строго смотрит на него, потом ей становится уморительно от ужимок Петра, и она сама начинается смеяться. А глядя на них, и Никита не удерживается... Но и у него смех обрывистый и нескладный. А Дарья прямо-таки заливается

колокольцем, сияют глаза, сверкают зубы, и столько в лице радостного приятия, что сердце Никиты щемит от печали, что не остановится мгновенье.

Вот что старательно пытался выловить из памяти Никита Егорович – лучистый Дарьин смех. Он смотрел на жену, которая танцевала с сыновьями, видел её весёлое счастливое лицо и вспоминал, как она смеялась когда-то. Потом кончилась музыка, Алексей и Ефим обняли мать, она хохотала, стиснутая ими. Но не тот, не тот смех! Не прежний, не солнечный, словно лучей убавилось в глазах, какой-то настороженный, того гляди – оборвётся, и в миг – слёзы.

Целый вечер вспоминала мужевскую родню, Никитиных тёток, свекровь – маму Груню, Петра... И соседок тоже. Как сидели за столом, посреди которого пыхтел пузатый самовар. Велико ли счастье-то – чай да шаньги? Оказывается – ещё как велико! И в том оно, что все они, незабвенные, были живы. Должно быть, с уходом близких тихонько мы сами гаснем.

А мало их ушло!

Снова из приёмника вырвалась забористая музыка. По нынешней моде замельтешили ногами сыновья, бойко задёрнулись под барабанный ритм. И Дарья запрыгала, поводя поднятыми руками, но танцевала вольно, как душа просила, как тело хотело, да в какой-то миг глянула на сидевшего за столом с потерянной улыбкой мужа, и таким озорством блеснули глаза, что сердце Никиты Егоровича больно защемило.

МАЕТА

На зимнее солнце не больно было смотреть. На сером небе оно выделялось точкой, и от него отходили четыре долгих луча, образуя крест. Мехову это запомнилось оттого, что связано со словами матери. Ему было четырнадцать лет, собирался в комсомол, и мать не противилась общей моде. Боялась, что иначе выгонят из школы.

Но однажды показала на небо и сказала доверительно:

– Погляди. Вон откуда крест. Не люди придумали. Ты про себя об этом не забывай.

В тех словах заключилось всё её напутствие. Комсомолец из Никиты получил никудышный, без огонька. В партию он не вступил. Но и в церковь не ходил даже тогда, когда все туда побежали за скорым спасением. Но мамины слова о том, откуда крест, запомнил и хранил в душе.

Для матери небо было реальным обиталищем Бога и всех его приближённых – святых и ангелов. Когда поднаторевший в науках Никита начинал доказывать, что неба нет, она только отмахивалась. Кто, мол, знает? Так ведь самолёты летают – приводил убойный довод сын. «А небо-то выше». Потом уже спутники появились. И она своё продолжала – небо выше.

Нынче Никита Егорович Мехов проснулся в таком дурном настроении, что белый свет был не мил. И в голову лезли такие мысли, что от них становилось тошно. «Что же это такое – жизнь? – думал он. – Божий дар или греховный соблазн? Бог меня одарил жизнью или сатана пустил по миру?»

Попробуй сходу ответь. Будь семи пядей во лбу, задумаешься. Это тебе не ребус.

Минут через пять после того, как жена и сын ушли из дому по своим делам, Никита Егорович пошёл на кухню, поставил чайник и задумался у окна. Обыкновение смотреть на небо осталось у Мехова с детства. Вот и теперь, стоя на кухне, он уставился на узкую полоску сини, что появилась между серыми тучами, и от этого стало не так одиноко. Он вспомнил далёкое зимнее солнце и слова матери...

Квартира находилась на четвёртом этаже, и летом кроны высоких берёз почти закрывали обзор. Теперь через голые ветки он видел пустырь, который надвое делил канал с бетонными берегами. По утрам здесь жильцы дома выгуливали собак, те-

перь никого не было, кроме двух старых людей, что брели куда-то в отдалении друг от друга.

Заметив на подоконнике свою руку, Мехов отчуждённо уставился на неё – пухлую, во многих морщинах, ещё не ставшую стариковской, но уже ничем не похожую на ту, мальчишескую, какой когда-то была и которую он помнит. Та юная плоть умерла в нём, и ничего от неё не осталось. И эта, сегодняшняя плоть, будет дряхлой, если дано ещё пожить. Человек меняется всю жизнь, и не только внешне. Разве можно сравнить душу мальчонки, жившего с мечтами и надеждами, с той, что обитает теперь в грустном человеке по имени и фамилии Никита Егорович Мехов? Да ничего общего!

«Но если душа бессмертна, то какая же останется после смерти, та ли – крылатая, или нынешняя, изъеденная сомнениями? – задался великим вопросом Никита Егорович, да тут же мысленно отмахнулся от него. – Что о душе! Я-то не вечен. Вот что правда. И мало осталось. А где жизнь? Была ли? Не приснилась? Страшно оглянуться – вдруг там ничего нет».

Нынче уже под утро ему приснилось, что врачи вынесли приговор: неизлечимо болен, осталось телепаться всего ничего. И вот он почему-то стоит на трибуне и произносит речь. А сидят какие-то незнакомые люди. Комната невелика, и народу мало. А он им говорит, чтобы они его не жалели, сами рано или поздно умрут, а надо ему успеть что-то сделать. И это единственно важно.

Очнулся и всё гадал – что? Что ему надо успеть? Оттого, что никак не мог вспомнить, настроение ещё пуще мрачнело.

«Что же я такое должен? – думал Никита Егорович у окна. – Я на пенсии, списан на берег. Перед кем долг? И что уж такого было в моей жизни, чего я не завершил? Сам же чувствую – боязно оглянуться. Вдруг – прошли годы, а следов не осталось. Жуть какая-то! Зачем человек живёт, если в его конкретной жизни нет никакого смысла

и никакой необходимости? Может быть, я ошибочный?»

Никите Егоровичу приходилось встречать людей, которые, скорее всего – и впрямь по ошибке родились на свет и совершенно не нужны оказались природе. На них сыпались все несчастья, им просто ни в чём не везло, словно природа каялась за свою промашку, всячески старалась исправить огрех и стирала, как художник ластиком, неправильный рисунок. Но такие люди удивительно были живучи и выносливы. Просто удивительно! И совсем уж странно то, что они, как правило, оставались добры.

Жил такой человек в Мужах, в родном селе Никиты Егоровича, звали его – Иван Николаевич, а прозвище было – Тоша Вань. По-коми – Бородатый Иван.

А что Ивану выпала злая судьба, так это уж так, это без сомнений.

Родился он, видимо, в самом начале века. Родители и все остальные люди стойбища умерли от цинги, а остался жив только он, пятилетний мальчонка. Его нашёл один охотник. Был он многодетным и по этой причине продал находку местному князьку. При нём Иван и рос. Князёк в старости обезножел, и батрак Иван таскал его на руках и на загорбке. А потом в стойбище пришёл отряд красногвардейцев. Князька кто-то из бойцов прибил прикладом, а Ивана повезли в Мужа. Там его держали под замком и каждый день били. От него хотели узнать, куда спрятал князёк золото. Иван, конечно же, ничего не знал о богатствах хозяина и говорил об этом. Но ему никто не верил.

Скорее всего, у князька никакого золота не было, род его обеднел, исхудал и кончился на нём. Одно только название осталось.

Однако Ивана пожалели и до конца не добились. А может быть, не успели, потому что пришёл отряд белых и выбил из села красных. Белые пробыли в селе недолго, но случайным выстрелом убили женщину, которая приютила Ивана и отхаживала его от многих ран и ушибов после тюрьмы. От

неё осталась покосившаяся изба, в которой хозяйничали мыши. И эту избу отобрали бы вернувшиеся красные, но уж больно она была трухлява. Несколько раз Ивана таскали в милицию по поводу золота, но уже не били. Новый начальник почему-то поверил, что парень ничего не знает. Иван был рад, что его оставили в покое. Он даже осмелился попросить разрешения срубить новую избу на месте старой.

Когда поставил избу, то привёл в неё сироту Анюту, не видную из себя, забитую, но добрую, сердечную девушку. Она так его полюбила, что чуть ли не за четыре года народила четырёх мальчиков. Вот те четыре или пять лет и были единственно счастливыми у Ивана. Но он ещё не знал, чем заплатит за короткую радостную пору.

Тогда уже всех селян загнали в колхоз. Председателем был приезжий человек, партийный. Это он послал беременную Анюту метать сено. Она упала с навильником у скирды, и другие бабы не смогли спасти, изошла кровью. Выкидыш случился.

И стал Иван одиноко поднимать сыновей. На колхозные трудодни не прокормиться было. Иван брался за любую работу, только бы давали кусок хлеба или поношенную какую одежонку. Золотарём стал, нужники чистил. А парни росли, им всё больше надо. Надрывал Иван жилы так, что света божьего не видел.

Как ребята окрепли, помощниками стали, вроде легче жизнь пошла. Но тут новая напасть. Пьяный председатель загнал племенного жеребца Валета. Сердце у животного лопнуло. А Иван был в то время конюхом. Всю вину председатель свалил на него. Мол, не доглядел. Горячего жеребца, мол, холодной водой напоил. Мог Иван за вредительство загреметь надолго. Но судьёй была жена председателя. Она зла Ивану не хотела, видела, как мужик корячится, поднимая сыновей на ноги. Ей важно было мужа от беды отгородить. И так повела дело, что Ивана посадили всего на два года. Отсидел в Лабитнангах, севернее, но в род-

ном округе. Работал на лесоперевалочной базе. Детей забрали в интернат, они ещё в школе учились.

Вернулся Иван до того худой, что кости сквозь кожу просвечивали. Он таким и остался, маленьким, сухоньким, но был жилист. Работал как заведённый. Чтобы на завалинке посидел или с мужиками потрепался – этого за ним не наблюдалось. Всё хлопотал, как муравей.

Перед самой войной с детьми срубил просторный дом. Мечтал женить сынов, внуков учить. Но сыновья ушли один за другим воевать и не вернулись. С тех пор Иван отпустил бороду и превратился в старика. А ему ещё не было пятидесяти. Его тут же, незамедлительно прозвали Тоша Ванем.

Послушнее человека не было в селе, и его ставили на такие работы, за которые никто не брался. Ивану, казалось, всё равно – чистить выгребные ямы или колоть для пекарни дрова. Он так же, как прежде, заведённо работал, но теперь иногда забывал приходиться за платой. Жил на воде и хлебе.

Люди жалели его, потому что он был самым безобидным. А если кто попросит в чём помочь, Иван никогда не отказывал.

Дом не знал догляда и старел. Ивану было всё равно. Он приходил на ночь да в дурную погоду прятался. А так всё чего-то делал. Обычно нищие ходят и милостыни просят. Иван тоже в старости стучался в двери.

– Не надо тебе, Наталья, изгородь поправить? – спросит одну хозяйку.

Той помог, пошёл до другой.

– Может, чего сделать надо?

Бабы понимали – от одиночества это, от полной неприкаянности. И хоть какую да работёнку давали, посильную. Потом стали замечать, что не всё у него ладно с головой. Заговариваться стал, забываться, приучился ходить на Крестовую гору. Есть такая в окрестностях Мужей, за Юганом, до неё идти семь вёрст по отлогому скату. Кто-то уви-

дел, как стоит там, раскинув крестом руки, рассказал в селе, и не осталось сомнений – помешался умом старик.

Смертью своей Тоша Вань не досадил односельчанам. Хлопотать с похоронами никому не пришлось, ушёл в тайгу. Одни говорили – заблудился по слабости разума. Другие толковали – сам ушёл, почуяв конец.

Чего он вспомнился, Тоша Вань? По причине мрачного настроения? Или всё пытается Мехов найти ответ – что же ты есть, жизнь?

В отрочестве, бывало, Никита закончит прокос и обязательно оглянется назад, словно не верилось, что прошёл столько. Теперь за его спиной лежала не полоса скошенной травы, а целая жизнь. В молодости Мехов устремился вдаль, за тыщи вёрст удалился от родного берега, но за долгие годы ничего не забыл и, кажется, помнит каждую морщинку отцовской избы. В той избушке затеплилась его жизнь, в ней проснулась душа и позвала куда-то неугодная и шалая.

Предки по отцу были оленеводами, веками каслали с места на место по тундре, от них достались гены, должно быть. А мать из оседлых крестьянок, в неё младший брат пошёл, Пётр, того в родные места магнитом тянуло.

Куда-то же Никита спешил, что-то же хотел найти в этом мире, какая-то ж мечта вела...

Теперь Никита Егорович с высоты своего возраста ясно видел, как сложилась судьба того мечтательного подростка, теперь-то он знал, что за чем следует, что случится осенью, что будет зимой, когда влюбится впервые, на ком женится, сколько детей наживёт, как трижды разминётся со смертью, чего обретёт, кого и когда потеряет.

Тот мальчик сидел перед раскрытой книгой, прочитав первые страницы, и она волновала его до сердечного трепета манящей тайной, а Мехов дочитывал повесть, и всё ему было ясно, пожалуй, кроме финала.

Нет уже былой шевелюры на голове, в пробор лежат поредевшие волосы, и внутри, выходит, впору всему утихомириться, войти в спокойное русло, а не выходит, не сообразуется, опять встал не с той ноги.

Как животные предчувствуют непогоду, так он, северянин по сути, то есть происхождением природный человек, заранее чуял некую перемену в быту. Вроде уже стал привыкать к тому, что жизнь текла умеренно, как равнинная река, и ждать особенно нечего – что могло, уже случилось, чего не достиг, уже не осилить.

Но финал-то книги не был прочитан. А уж любой мало-мальски опытный читатель знает, что все разгадки в конце повествования. Судьба же человеческая поискусней сочинителей: никогда не ожидаешь, что она выкинет через пять минут. А дальше и загадывать нечего.

«Так я же с утра об одном думаю, – внезапно догадался Никита Егорович. – Мама, Тоша Вань... Я же о кресте думаю. И вся-то маета моя от того, что в голове одно – крест».

Со дня смерти младшего брата Петра прошло полтора года. Этим летом Никита Егорович собирался поехать на его могилу и поставить крест вместо дощатого обелиска, но опасался того, что жена одного не отпустит, а сама не согласится на поездку. Сыновей просить и вовсе толку нет, оба заняты по горло. Да и сдались им эти Мужики!

Вечером, когда все трое ужинали, Никита Егорович неожиданно заявил, что собирается в дорогу, и июнь для этого самое подходящее время.

– Далеко собрался, папа? – спросил педантичный Ефим, подбираясь к куриной ножке.

Был он великим любителем поесть. Старший брат говорил, что за праздничным столом нужно смотреть, что выбирает Ефим, и смело брать то же, не ошибёшься – будет вкусно.

Как только Никита Егорович заикнулся о

Мужах, так тут же Дарья всплеснула руками и взволнованно заговорила о том, что этим летом нечего даже думать о поездке, он не мог забыть, что у неё путёвка в Трускавец, что с почкой всё хуже, камень растёт, и нельзя рисковать, а родной Петька подождёт до будущего года.

Поглядывая на родителей, Ефим доел курицу и поднялся из-за стола.

– Ладно, выясняйте отношения, – дотронулся он до плеча матери, – а я пойду. У меня срочная работа.

Он удалился в свою комнату, где ждал его компьютер. Работы было и впрямь невпроворот, готовился к защите кандидатской диссертации. В груди шевельнулась было обида – хоть бы из приличия посидел! – но потом Никита Егорович вспомнил себя молодым и только усмехнулся. Тогда в жилах текла не квелая кровь, некогда было думать о скорбном, да, собственно, и не хотелось, потому что впереди виделась долгая жизнь, и всё печальное откладывалось на потом. Здоровый человек прав в своём эгоизме – всему своё время, надо жить, пока живётся, а безрадостное может подождать. Не травить же себя постоянным унынием, это противно природе. Классик прав – надо жить!

– Хочу крест поставить, – сказал Никита Егорович жене.

– Поедем в будущем году, и поставишь, – ответила спокойно Дарья.

– Могу не успеть.

– Ты что? – нахмурилась она. – Давай брось мне! Что это за разговоры ещё? Ты должен долго жить.

– Да я не о том, – махнул рукой Никита Егорович. – У меня такое ощущение, что мне срок дан. Не сделаю вовремя, будет плохо. Ну, как тебе сказать? Я помню, с другом летели из Воркуты. Уговаривали пилотов, чтобы забрали нас. Они были знакомы. Говорят, следующий рейс через три часа. А мы всё своё. Посадили в багажный отсек. А следующий самолёт разбился. Будто чуяли. Вот и теперь такое же чувство – будет

поздно. Не для Петра, у него – вечность, для меня. Я не так буду жить. Понимаешь, Дарья?

При этом Мехов подумал, что природа даровала ему без всяких условий, просто в силу своей тороватости, шестьдесят с лишним лет. Он потратил то время, и ему никто не вернёт назад ни одной минуты. Никита Егорович знал об этом с юных лет, природа не хитрила, а сразу надоумила – помни, что тратишь. Это не деньги, те заново заработать можно. Это не дом, иные погорельцы по три раза в селе строились. Это не любовь, одна ушла, вторая придёт. Это жизнь.

Знал с молодых лет, а задумался впервые, когда осталось всего ничего. Но ведь никогда не поздно хотя бы одно единственное раскусить – чего ради приходил на белый свет. Оно бездумному – всё равно, а духовному человеку – важней всего определить свою суть. Это много – понять себя. Может быть, времени как раз на это и осталось.

– Я хочу, Дарья, – сказал Никита Егорович, – сам сделать крест. Алёшка поможет.

– Зачем это?

– Чтобы отвезти.

– Да ведь далеко-то как!

– Далек.

– Если бы без пересадок. А то ведь в Москве, Сейде, Лабытнангах, Салехарде... Ближе нельзя заказать?

– Можно. В Тюмени. Как многие делают. По реке доставят. Никаких хлопот.

– А нельзя в совхозных мастерских сварить? Есть же там сварочный аппарат.

– Ты не поняла.

– Почему нельзя будущим летом? – потерянно проговорила Дарья. – И чего не поняла?

– Я должен сделать крест и пронести. Правильно было бы – пешком. Но мне не осилить дорогу. Слишком далеко забрался.

Над могилами близких мы плачем больше о себе, потому что с ними уже случилось, а у нас ещё впереди самое необъяс-

нимое и самое неотвратное – смертушка наша. Мать ли она вторая, сестра ли прилежная, жена ли последняя – это кому как, а только приберёт каждого, не оставит без внимания.

Назови ты её каргой, волчицей лютой, вражиной, огульным матом крой, а толку от того не прибудет. Коси коса, пока роса... А уж время для старухи с косой самое благодатное настало, мрут мужики, как в большую войну. В прошлый приезд в Мужы Никита Мехов узнал, что в селе самому старому шестьдесят семь лет. Остальные до пенсии еле дотягивают. Женщины как-то ещё держатся, старух можно встретить, а мужики ломаются в самую пору.

Младший и единственный брат Никиты Егоровича умер пятидесяти пяти лет от роду. И снова всё те же назойливые, как мухи, вопросы – зачем они с братом приходили в этот мир? С чем приходили? Случилась ли она, жизнь-то?

– Нельзя будущим летом, – сказал Никита Егорович. – Надо мне нынче. Я же говорю – срок дан. А ты поедешь в Трускавец.

– Что? – распахнула глаза Дарья. – Это я тебя одного отпущу? Даже не думай.

– Мне надо. Очень надо.

– Не говори глупости! – махнула рукой Дарья. – Одного не отпущу. Да и сколько будет стоить дорога! Две поездки не выдержим.

– Я сказал, Дарья, что надо, – твёрдо произнёс Никита Егорович. – И не будем спорить.

– Понятно, – закивала Дарья и стала собирать грязные тарелки. – Надо помыть...

Дарья старательно тёрла губкой блюдце под краном, а плечи её вздрагивали.

– Ну, что ты? – растерялся Никита Егорович, шагнул к ней и дотронулся до локтя.

– Ты прав, – ответила она. – Если надо, то что же?

– Всё будет хорошо, Дарья.

Бросив в раковину блюдце и губку, Дарья обернулась и обняла его мокрыми руками.

– Сколько же я тебя мучила! – заговорила она с открытым отчаянием. – Всё-то мне мало! А ты всегда хотел жить иначе. Не знаю – как. Не моего ума это дело. Но я знала, видела, как мучался. И терпел. Только теперь осмелился. А я опять за своё. Это же твоя жизнь! Как я смела её менять по-своему? Прямо ненавижу себя! Всегда была тебе обузой. Только и делала, что мешала. Как я могла заговорить о каких-то деньгах? Да машину продадим, нужно будет. Гараж. Дачу. Сколько нам осталось!

– Ну, успокойся, – гладил её по спине Никита Егорович.

– Может, ещё не поздно.

– Что не поздно, Дарья?

– Начать новую жизнь. Ты же этого хочешь?

– В шестьдесят-то с лишним лет! Новую жизнь?

– Зачем я тебе только нужна была? – не выходила из печали Дарья.

Хотел тыльной стороной ладони вытереть слёзы на её лице и размазал чёрную тушь.

– Ну вот! – рассмеялся Никита Егорович. – Придётся помыться. И снова подкраситься.

Весь апрель стоял холодный, чуть ли не каждый день валил мокрый снег, и на улице было премерзко. А в мае потеплело, вспыхнуло солнце, стало его сразу много, словно вырвались на волю копившиеся за тучами тепло и свет. Зелень буквально брызнула из земли. Природа заторопилась, стала нагонять упущенное время. Прямо на глазах раскрывались набухшие почки, и деревья принялись набирать цвет.

Предварительно договорившись, Никита Егорович в пятницу вечером подкатил на своём старом «Москвиче», который уважал за его покладистый и послушный характер, на окраину Заславля и забрал сына.

Дом Алёшки располагался удачно, надо было делать крюк всего километров

на десять, если ехать на дачу. Стоял он на хорошем месте, на покатоном склоне, сходящем к речке. За ним громоздилось множество особняков, а он был открыт солнцу и смотрел окнами на лесные просторы. На крепком бетонном фундаменте, в котором находились подсобные помещения, удобно и аккуратно устроилось двухэтажное кирпичное здание под плоской шиферной крышей. На три человека – сам, жена и дочь – дом был уютным и просторным.

Устроившись рядом на переднем сиденье, Алексей первым делом спросил:

– Ну, и как, пап, житуха?

– Всё отлично, – ответил Никита Егорович. – У тебя?

– Порядок!

Он был не крупного телосложения – увы, не выдалась ростом порода Меховых! – но очень пружинистый, быстрый и в работе сноровистый.

– По работе не тоскуешь? – посмотрел на отца Алексей. – А то я был у тёщи, места не находит.

– Нет, не тоскую, – ответил Никита Егорович. – Не это меня занимает сегодня.

Каждый человек лицом напоминает какого-нибудь зверя, птицу или рыбу. Приглядеться внимательно – можно угадать точно. Алёшка в минуты удивления ходил на молодого лисёнка, настырного и любознательного. Так и теперь поглядывал на отца – глаза и насторожены, и блестят от любопытства, словно замер за кустиком и дальше не высовывается.

– А что занимает сегодня?

– Мне твоя помощь нужна, – сказал Никита Егорович.

– Нет проблем, – ответил сын.

– Должен буду оторвать от дел.

– Всякое дело можно отложить.

Трудновато приходится мужику – надо содержать дом. Отопления пока нет, и когда будет, неизвестно. Угля за зиму уходит – тонны, а стоит дорого.

Да что там говорить? Цены растут, в глазах рябит. Кому удаётся добывать деньги,

тот в усы не дует: всё появилось, всё можно купить. Но зарабатывать всё трудней – заводы стоят, учреждения еле дышат. Кому нужны дизайнеры? За оформление книг тоже платят копейки. Но воровать не пойдёт. Халтурить не станет.

Приглядываясь к людям, Никита Егорович замечает, что многих надломил какая-то усталость, в глазах появилась безысходная грусть, а это означает, что надежда истаяла и веры нет. Другие обозлились до самого нутра, эти через что угодно перешагнут, чтобы деньги достать. Им скажи о совести, о стыде, в глаза плюнут. От совести сыт не будешь, дитя не накормишь.

Но видел Никита Егорович много таких, как его Алёшка. И больно ему за них пуще всего. Эти сохранили гордость, лица не теряют. Нужник пойдут чистить, но чтоб деньги были честными. Они своему ребёнку не протянут украденный шоколад. Не подарят жене кольцо с чужого пальца. Им всего-то и нужно – работа.

Вот их сохранить важно – ядро. Тогда и будет продолжение жизни государства.

– Крест надо сделать, – сказал Никита Егорович.

– Материал есть? – спросил Алексей, насколько не удивясь.

– Труба из нержавеющей.

– Всё уже продумал?

– Надо вместе прикинуть.

– Прикинем.

Встречных машин попадалось немного, дорога была не из главных, вела не на Москву или Брест, а в Полесье. Да и катил народ в конце недели на свои сотки, в одну сторону. Когда Никита Егорович свернул на Острошицкий городок, вообще стало пустынно, встретился только рейсовый автобус.

– Ещё какие проблемы? – спросил сын.

– Во времена студенчества прочитал я прелестный рассказ молдавского писателя Иона Друце, – начал Никита Егорович. – Говорится в нём о старике, который решил смастерить телегу. И сработал он её,

с любовью, старательно, всю душу вложил. И тут понял, что не телегу он мечтал сотворить, а сани. Вот что он больше всего хотел – сани.

– Считаешь, не тем занимался? – спросил сын.

– Когда-то я думал, что надо телегу.

– А теперь догадался – сани?

– Пока только понял, что телегу делал. Не больше.

– Не рви на груди волосы, папа, – серьёзно посоветовал Алексей. – Последнее это дело – раскаиваться. Сани так сани. Главное – взяться, а там дело пойдёт.

На этом разговор тогда прервался, потому что машина подкатила к даче. Никита Егорович открыл ворота, потом двери гаража. Алексей выгрузил сумки с едой из багажника. Никита Егорович поставил машину, и они пошли в дом.

Возвращаться к разговору уже не хотелось. Никита Егорович чувствовал, что Алексея не очень затронула его забота. Старший сын не любил общие разговоры – телега, сани... Коли что конкретно, он тут как тут – разберётся, посоветует, поможет. Зато младший предпочитал порассуждать, удобно устроившись в кресле, постигнуть корни затронутой проблемы и прийти к выводу, что лучше ничего не предпринимать, судьба сама распорядится правильно.

В дачном доме Никита Егорович споро приготовил стол и поставил штоф. Наполнили по первой рюмочке. Выпили.

– Почему не памятник? – спросил живо Алексей. – Ты же для Петра?

– Есть соображения?

Сбегав к письменному столу, Алексей принёс несколько чистых листов и стал быстро что-то черкать. Закончив один рисунок, он начинал второй, а этот лист передавал отцу.

Никита Егорович долго разглядывал сыновние прикидки. Разной величины две бетонные плиты ставились друг на друга, принимая неожиданные конфигурации. На верхней плите находились медальон и

надпись. И во всех проектах присутствовал крест, возглавляющий памятник.

– Хорошо, – похвалил Никита Егорович.

– Главное – всё можно сделать на месте, – оживился Алексей. – Я нарисую формы. Сколотишь из досок. Зальёшь цементным раствором. Поставить помогут родичи. А крест небольшой, его мы сделаем тут, и ты повезёшь.

Всё получалось разумно, но Никита Егорович видел высокий и старый крест на горе, что поставили деда-прадеды. Есть там, за Юганом, гора. Семь вёрст до её вершины. И стоял там когда-то крест. В последнее время он постоянно мерещился в сознании, а однажды привиделся во сне. Он одиноко возвышался на голой каменистой вершине холма среди безлюдной и дремучей тайги.

– Я хочу другого, – сказал Никита Егорович сыну.

– И чего? – огорчился Алексей.

– Мне жалко, хорошие проекты.

– Ну, что об этом жалеть!

– Я ж говорил – есть нержавейка. И должен быть крест выше меня, не карманный.

– Как же повезёшь? Ведь за Урал! Тыщи вёрст...

– Вот и надо сообразить. Пошевели извилинами.

– Нет проблем, – снова загорелся Алексей.

Сын решил сделать разборный крест и довольно ловко придумал. Под домом лежали оставшиеся после дачного строительства железные трубы. Алексей отобрал одну из них. Она была пятидесяти миллиметров в диаметре, а главное – из нержавейки.

Замыслил так – перекладины составятся из двух отрезков, которые надо будет соединить тягами. Для этого просверлили в стержне два отверстия, через которые пропустили разной длины металлические прутья из арматуры. На эти прутья надели, как рукава, половинки перекладин. На концы тяг была нанесена резьба. Через тещу, которая имела знакомства на тракторном

заводе, Алексей заказал шары с резьбой. Эти шары ввинчивались в концы тяг до той степени, чтобы перекладины укреплялись намертво. Но стоило открутить шары, и крест разбирался на части.

Алексей искрошил три точильных круга, но перекладины к стержню так подогнал, что они сливались. Когда собрали крест, то он казался цельным.

Начали они назавтра, и одного дня, конечно, не хватило, времени на работу ушло много, полмесяца, не меньше. Да и с шарами мастера довольно долго тянули, но сделали на совесть. К середине июля крест был готов.

В жизни Никиты Егоровича сны всегда занимали особенное место, являлись чуть ли не второй формой его существования. Он верил, что они редко бывают случайными, и был уверен, что когда засыпает мозг, душа освобождается. Сны случались удивительные и столь особенные, что их невозможно было восстановить в памяти – из полного красок и оттенков полотна возникала унылая чёрно-белая копия. Оставалась – так сказать – сюжетная канва, но исчезала живая игра неумеренной фантазии.

Где же бродит душа, когда он спит? Почему возвращается такой усталой?

И вот снится ему, будто он в Мужах. Время летнее, потому что одет легко. Идёт по тротуару в сторону старой больницы, которая находилась в нижнем конце села и какое-то время после закрытия пустовала, зияя тёмными проёмами окон, из которых всё ещё несло запахами лекарств. Потом снесли, давно уже, прежде построив новую в другом конце села.

Во сне Мехов оказался в одной из палат – голые обшарпанные стены, прогнившие половицы, одинокая ржавая кровать. На полу лежал бетонный обломок с куском арматуры. Откуда? Явно – кусок от стены. Но в Мужах бетонные стены не возводят, тем более – с арматурой.

Тут пришло в голову, что именно в этой палате родился брат, а ещё прежде он сам. И обломок этот привёз Мехов, чтобы передать брату, который должен с минуты на минуту появиться. Мехов ждёт его, поглядывая по сторонам. В пустые проёмы окон и дверей видит одну воду, всю пойму залило, до горизонта.

И тут в квадрате окна появляется брат. Он смотрит на глыбу с арматурой, и лицо его становится недовольным. Мехов начинает понимать, что этот обломок надо забрать и увезти с собой обратно. Он пробует поднять, но тяжесть оказывается не по силам. И брат просит оставить. Мехов видит, что брат делает это без охоты, в угоду ему, как поступал всегда, и становится совестно, однако надо спешить, в дверях показался пароход, и прямо на порог матросы спустили сходни. И Мехов уезжает.

Очнувшись, Никита Егорович долго разгадывал сон, но никакого толкового объяснения не нашёл. Бывают же и пустые сны, не вещие, однако не забывалось недовольное лицо брата, когда он смотрел на бетонный осколок.

А может быть, брат-то взял с собой какую-то его тяжесть?

Дарья согласилась отпустить мужа одного в дальнюю дорогу только после того, как обзвонила всю родню и предупредив, что едет Никита Егорович. Теперь она была спокойна, что его встретят и проводят, как будто без этого могло быть иначе. Приехал из Заславля Алексей, чтобы проводить отца. Перед тем, как выйти из дому, все четверо присели и помолчали минуту.

И тут дрогнуло сердце Никиты Егоровича, ему расхотелось выходить за дверь, ехать на вокзал, оказаться в купе с чужими людьми и долго ехать с пересадками в полном одиночестве среди всё того же незнакомого равнодушного к нему люда. Как хорошо дома! Остаться бы в своей уютной квартире с этими родными людьми, и большего счастья не придумать.

Почему он заспешил? Почему не отло-

жить? Кто уж там так ждёт его нетерпеливо?

И вдруг так ясно, как на экране, увиделся далёкий солнечный день – узкий берег Оби, дощатые сарайчики, моторки. На днище перевёрнутой лодки тесно сидят две хантыйки в красных платьях, цветастые платки надвинув на лица. Стоит пожилой, малорослый ханты в лоснящемся от времени сталинского покроя френче. Это же надо сохранить! Должно быть, одевает по торжественным дням. Он ведёт себя чинно, наверняка когда-то был начальником, учётиком или даже председателем поселкового совета.

Молодая хантыйка с трогательно милым лицом просит Петра посмотреть мотор, который не заводится и с которым возится её брат.

– Что там? – спрашивает Пётр.

– Свечи забрызгало, наверно, – отвечает очень похожий на пожилого ханты парень, такой же коренастый и малорослый.

– Чуть что, сразу свечи, – ворчит Пётр, которому неохота возиться с мотором, но отказать он не может.

Пожилой достаёт из сумки бутылку крепкого вина, разливает в стограммовые гранёные стаканчики, что стоят рядышком на днище перевёрнутой лодки.

Молодая хантыйка очень бойко говорит по-русски, наслаждаясь своей складной речью и гордясь этим перед приезжим человеком Никитой Егоровичем. А рассказывает она печальную историю. Утонул сын пожилого, что во френче, её брат. Переводили стадо через горную реку на Урале, и двое ребят утонули. Но она-то уверена, что их убили. Как раз в это время там были приезжие, панты собирали. Может, им не хотелось свидетелей. А может быть, ребята оказались несговорчивыми. Брат был очень хорошим, жена осталась с ребёнком. Как они теперь без него?

Пожилой вытирает тыльной стороной ладони глаза, которые постоянно слезятся, и подаёт полные стаканчики. Женщины в платках выпивают, отвернувшись, и снова молчат.

– Сейчас пойдёт, – говорит Пётр, вылезая из лодки. – Ты иногда промывал бы карбюратор.

Женщины и пожилой забираются в лодку. Никиту Егоровича поражает обречённая печаль на лице пожилого. Две хантыйки сидят изваяниями и так же тесно друг к другу, как прежде. Молодой отталкивает лодку от берега. Никита Егорович с каким-то онемением смотрит, как стремительно удаляется лодка и уносит от него людей, с которыми встретился впервые, узнал их горе и выпил по рюмке.

– А как вы живёте в Минске, Никита Егорович? – спрашивает с уважением молодая хантыйка, которая осталась на берегу, это к ней приезжали гости.

Он смотрит на её симпатичное лицо, вспоминает обречённый взгляд пожилого, двух женщин под платками... Что за люди? С какой они планеты? Никто не упрекнул судьбу. Не пожаловался. Не ждал сочувствия. Что свершилось, не исправить. Человека не вернёшь. Можно выпить. Можно помолчать. На небо посмотреть. На реку. Она такая – жизнь. Другой не бывает.

А по реке устремлённо двигался огромный лихтер. Он был такой длинный, что встань поперёк, перегородил бы Обь. Страшная громадина!

Возникла картина летнего дня и тут же исчезла. Всё уходит, всё исчезает... Или это неправда? Ведь только что Никита Егорович видел лица, берег реки... Петро выпил вино, старый ханты протянул сухую рыбу, и руки сошлись на миг...

– Пора, – поднялся Ефим, деловой человек.

– Пожалуй, да, – оторвался от воспоминания Никита Егорович. – Не хватало опоздать.

В дальнейшем всё складывалось удачно и просто, как сказал бы Алексей – без проблем. Из дому проводили сыновья и Дарья, посадили в купе, устроили вещи, Никита Егорович только поглядывал, как барин.

В Москве встретил старый институтский друг. Билет был куплен заранее, транзитный, и до Лабытнанги, конечной станции, ехал в полном удобстве. Гонял чаи да читал газеты и журналы, покупая всё подряд у разносчиков.

В Лабытнангах опять же встретила родня, племянник Виталий подъехал к вокзалу на машине. Он довёз до парома, потом подумал и решил сопровождать дальше.

Когда взошли на паром, загруженный двумя десятками машин, и он медленно двинулся от берега, Никита Егорович подошёл к борту и вдруг ощутил всей сутью плоское раздолье Оби. Водная ширь уходила на север, сливаясь с небом. И оттуда, от Карского моря, бежали волны, щерясь белыми гребнями. Никите Егоровичу даже подумалось, что река подобна низу гигантской пасти с множеством зубов, а низкое пасмурное небо – верхнее нёбо. И сам он себе показался ничтожно маленьким.

«Да так оно и есть! – торопливо подумал он. – А она вот... вот она... природа. Та природа, что тебя породила, что тебя заберёт назад».

Огромный паром покачивался на волнах. Первозданная сила жила в реке. И чувство робости возникло в груди, как у верующего в храме.

В Салехарде Мехов не задержался даже на день, «Метеор» отходил через полтора часа. Виталий довёз до пристани и помог загрузиться в «Метеор». До Мужей оставалось четыре часа плавания. Дорога оказалась на удивление лёгкой.

За весь путь с пересадками Никите Егоровичу так и не пришлось таскать чемодан. Всегда встречающие хватали тут же из рук, и он оставался с узлом из мешковины. Этот груз он так никому и не передал ни разу, нёс сам. Ещё на даче они с Алексеем закрутили мешковиной разобранный крест, затянули бечевою и сделали подобие ремня, чтобы можно было нести на плече.

Не тяжкое несение креста закончилось потешной сценкой на Мужевской приста-

ни. Никита Егорович прошёл через толпу, запрудившую дебаркадер, кивая и отвечая на разноголосые приветствия знакомых. И тут тоже встретили родственники, разобрали вещи. Но свой груз Никита Егорович опять же никому не отдал. А когда поднялся по широкой лестнице на гору, то увидел старенькую тётю Наташу, которая с какой-то бабой сидела на скамейке. Бабу эту Никита Егорович знал в лицо, но не вспомнил имени. И вот тётка спрашивает эту бабу, да громко так, отчётливо:

– А это какой старик с ружьём идёт?

– Наталья! – воскликнула баба. – Это же племянник твой, Никита!

Тётя Наташа испуганно ладошкой прикрыла рот, а левой рукой стала отмахиваться, как от наваждения. Никита снял с плеча ношу, и впрямь напоминавшую завёрнутое ружьё или даже гранатомёт, и расхохотался во весь голос, такой растерянной показала тётка. Обнялись, конечно, поцеловались трижды. Она и говорит:

– Плохо я стала видеть, милый. Слова-то какие выскочили. А? Чего это я так сказала?

– Да постарел, постарел твой племяш, – сказал Никита Егорович.

– А ведь смотрю вот и не узнаю. Другой стал что-то. Или сослепу кажется?

Этаким смешным недоразумением закончился путь в две тысячи с лишним километров.

Поднявшись по лестнице в гору, где начиналась улица, Никита Мехов посмотрел с высоты на Обь. «С этой рекой, – подумал он, – связаны всё моё детство и отрочество». Она была по-вешнему полноводной, заречные низины залила вода, чья-то моторка шало неслась между раскидистыми ивами, вырвалась на пойменное озеро и ринулась прямо к горизонту, разваливая надвое стеклянную гладь.

По сей день помнится, как сидит Никита в лодке – нос и корма высокие, четыре уключины, этакая ладейка, называлась городоушкой – и гребёт веслом, непомерно великим для него, малолетка. Движения

однообразны, монотонны, минуты идут мучительно медленно, берег движется еле-еле, а до покоса все десять вёрст.

Бабы стрекочут без умолку. Болтовня их кажется ему никчёмной и назойливой, как писк комаров под ухом. А над рекой летают чайки, лениво шевеля крыльями, иногда стремительно падая в воду и снова суматошно поднимаясь вверх, но уже с рыбой в клюве. И почему-то – или это кажется так теперь? – всегда нависала над ним одна и та же чайка и парила, не обгоняя лодку, поводя чёрной головкой, словно приглядываясь к нему и чего-то ожидая.

«И я полечу, – говорил ей мысленно Никита. – Вот только подрасту малость. Летать-то хорошо? Я в лётный поступлю. Мне дадут новый самолёт, и я облечу землю».

В мыслях оживали моря и острова, континенты и реки, долины и горы. Ходили волны, плыли корабли, бежали стада бизонов, неслись поезда, огромные города дымили заводскими трубами. И над всем этим летел Никита Мехов, самый отважный в мире лётчик, достойный наследник Чкалова.

– И я полечу, – шептал Никита чайке.

Но землю он не облетел – это уж точно. И многого не осуществил...

Не одному ему далась такая судьба, когда порывы и устремления души никак не совпали с той реальной жизнью, которая диктовала свои правила и требования. Каждый день вынуждал уступать, откладывать на будущее душевные потребности и делать то, что от него хотели, за что выделяли более или менее удобное место под солнцем и за что платили в конце концов. Так было, так будет...

Однако в последний год работы, но ещё до кончины Петра, Никита Егорович стал задумываться о том, что всегда был посторонним в этом кино, которому служил верой и правдой без малого тридцать лет, что он прожил свою жизнь среди чужого племени. Он не хотел никого судить, даже не гневался ни на что, но порой становилось

так печально, как будто сидит на берегу острова и знает, что его родина за морем, но нет корабля, чтобы доплыть до тех мест, где стало бы легче дышать.

Возвратиться назад, чтобы остаток жизни провести в родных местах, Никита Егорович всерьёз не собирался – разве мысль промелькнёт иной раз! – но тоска по отчему краю появлялась часто, тянула, как перелётную птицу.

И вот он снова вернулся. Стоит над любимой рекой, из которой в детстве пил воду. Теперь уже и вода не та, даже на глаз видно – грязная, радужно переливается нефтяная плёнка. За одну человеческую жизнь река превратилась чуть ли не в полойный сток.

Может быть, истинно прав Ефим, когда говорит, что нет прежних Мужей, нет того племени, которое населяло начало жизни Мехова, и едет он только на кладбище.

Но почему-то ведь спешил?

Впрочем, всегда он был торопыгой. Обычно вмиг оденется и уже выскочил на улицу. Потом только по дороге обнаружит, что забыл часы, расчёску, нужную бумагу и проездной билет, естественно. И так всегда – какая-то сила подхватывала с места и несла прочь. А Петро – нет, тот галстук правит на шее полчаса. Кто увидит под шарфом!

– Ты готов, Петька? – не выдержит, бывало, Никита Егорович.

А тот сопит перед зеркалом.

– Тебя только за смертью посылать, – укоряет старший брат.

Младший молчит, карманы проверяет, бумажки перекладывает, деньги считает, потом причёсывается тщательно и надевает шапку.

– Ну, где что горит? – спрашивает, наконец, с важным видом.

Не так ли его предки-оленоводы собирались в тундру? Уже выедут за село да останутся, ещё три дня медлят, вспоминают, что могли забыть. Но те-то уходили не до вечера, а на полгода.

Отчего-то в жизни часто происходит

так, что обдуманное, проигранное в воображении и казавшееся значительным случается в действительности куда как обычно. Осуществившаяся мечта чаще всего разочаровывает человека. И на этот раз несение креста, которое виделось Никите Егоровичу знаменательным, произошло буднично и не потребовало от него физических усилий. Тащил багаж и всего-то...

Однако долгая дорога завершилась, и следовало довести дело до конца. Предстояло установить крест. Вызывались помогать все, с кем ни заговаривал и кто ни узнавал, с чем приехал Никита Егорович. Но он отвечал:

– Понадобится, попрошу.

В помощники выбрал только Серёжку и Дениску – своих племянников. Этим мальчишкам не надо было объяснять – зачем и почему, они занимались сугубо своими заботами. Делали исполнительно всё, что просил Никита Егорович, но скорее механически, всё что-то обсуждая между собой. Пошлёт Никита Егорович за песком, они идут и о чём-то серьёзно толкуют. Принесут песок или воду, отходят в сторонку и продолжают что-то обсуждать. И это устраивало Никиту Егоровича, он мог молча работать. А что уж лучше!

Цементом его обеспечили родственники. Убрал деревянный обелиск, который за полтора года уже успел подгнить в основании. Северная сырая земля прямо-таки съедала дерево. С мальчишками набрал на совхозной свалке железных прутьев и труб, забил в глинистую землю так, чтобы торчали концы. Сколотив квадратный опалубок, залил цементным раствором это пространство, и получился фундамент.

Песок и гальку он натаскал с мальчишками с берега Югана. Воду брал ближе, из лужи у входа на кладбище. Она теперь маленькой стала, а когда-то была целым озером, на берегу его стоял дедов дом. Никита Егорович эту большую северную избу помнит смутно, но озеро светло стоит перед глазами. Дом сгорел, озеро со временем

частично высохло, частично его засыпали песком, как решили строить электростанцию на этом месте. Какому-то окончателюному недоумку пришло в голову поставить грохочущую махину прямо у ворот кладбища.

Бог ему судья!

Потом Никита Егорович сбил из досок ящик, форму постамент, отнёс к могиле, залил цементным раствором, закладывая камни и гравий, а также куски проволоки для большей прочности.

Постамент лежал на тыльной стороне, чтобы сподручней было укрепить мраморную плиту с надписью и медальон, которые Никита Егорович просто вдавил в сыроватый раствор.

Эту работу он проделал на второй день после приезда. И только вроде бы управился, как начался дождь. Мальчишки притихли, уныло стояли рядом, не смея отпроситься. Они понимали, что дождь размочит цемент и все труды пойдут прахом. Им было жалко Никиту Егоровича, а что предложить – не знали.

Никита Егорович вспомнил, что недавно видел у ограды сваленные в кучу обрезки досок. Их там сложили для того, чтобы сжечь, и хорошо, что не поторопились. Этими досками Никита Егорович тщательно прикрыл сверху постамент и только после этого отправился домой.

Он переоделся во всё сухое и сел в кухне за стол. Лида, жена брата, разделявала малосолку. Достала у кого-то отменного муксуна, лоснящегося от янтарного жира. Потом пришла её взрослая дочь Люда, падчерица Петра.

Женщины спрашивали, что он сделал, и перешли на свои темы. А Никите Егоровичу не сиделось, непонятная тревога его злило шевелилась в сердце. Он вышел на балкончик и стал смотреть на дождь, который ещё более усилился. Картофельная ботва внизу позеленела и будто набухла. Блестел от воды тротуар, словно его покрыли свежим лаком. Редкие

прохожие спешили, сутулясь, и Никита Егорович представил, как щекотно холодеют дождевики, попадая за шиворот. Небо затянуло серым пологом, и это обещало затяжной дождь.

Его позвали перекусить. Лида с прибавками, которых в народе много по этому поводу, достала из холодильника бутылку и подала Никите Егоровичу откупорить.

– Выпил водку, ходишь ходко, – ещё и сама присочиняла она, гордая на язык. – Выпил рюмку, выпил две, веселее в голове.

Но веселости от водочки не стало. Никита Егорович посидел с женщинами немного и поднялся.

– Дай-ка мне какую-нибудь плёнку или клеёнку, – попросил он у Лиды.

Он обулся в сапоги и набросил на себя прорезиненный плащ брата. Его удерживать не стали, тоже опасались, что дождь навредит.

Как шёл туда, Никита Егорович встретил какого-то мужичка, но не признал. Да и не поздоровался встречный, значит – незнакомый. Но когда приблизился к залитому постаменту, то чуть не выругался вслух. Кому-то стало любопытно, что прикрыто досками, и он их раздвинул. Посмотрел, видать, да и пошёл, не поправив. Что за человек! Вся бы работа насмарку. И ведь будто позвал кто, потащился Никита Егорович в дождь. Теперь он закутал ящик в плёнку и положил доски сверху. А что, если опять любопытный пройдёт? Не стоять же на часах.

Однако Никита долго оставался у развороченной могилы брата и сумбурно думал о жизни. Почему-то назойливо лезло в голову воспоминание о том, как в далёком детстве Мехов впервые обратил внимание на свою собственную тень. Он долго не мог успокоиться и только ею был занят, как несмышлёный котёнок бантиком, который вплели ему в хвост. Подбегал к стене сарая, поднимался на крыльцо, останавливался на лужайке, и везде она следовала за ним, становясь то маленьким карликом, то вытягиваясь до размеров великана.

В детстве каждый день приносил новые открытия, и, казалось, – им не будет конца. Так было интересно жить!

Помнится жаркий день – попрытались под листочки все комары и оводы, а только летали стрекозы. Никита с братиком шли куда-то. В тряпичной сумке с длинным – через плечо – ремешком, в которой Никита носил зимой учебники, находился паужин – два куска чёрствого хлеба и солёная рыба. Значит, братья собрались далеко, затеяли серьёзное путешествие.

Но куда они шли – Никита Егорович не мог вспомнить теперь. А только ясно, будто было вчера, виделись голубое бездонное небо, сухая от долгой жары трава и шагающий рядом брат, насупленный, серьёзный и решительный, как всякий настоящий путешественник. Да! Ещё были деревья, размлевшие от жары. Они стояли по сторонам. Значит, братья шли по какой-то дороге.

Это Никита опять затеял что-то, наплёл брату с три короба о каком-нибудь кладе, и тот согласился идти на пару. Но в тот раз они искали не клад, оставленный белогвардейцами. Что-то более важное и значительное влекло братьев.

«Куда мы шли? – думал Никита Егорович. – Петро, должно, помнил. Да теперь не спросишь. Поговорить бы... Ведь толком и не посидели ни разу. Много смеялись, болтали о разном, а нужно бы о том, куда шли...»

На самом же деле это теперь не имело никакого значения – куда. Брат лежал в земле, рядом, у ног, и только это было реальностью, а те мальчишки, что шли в знойный день по какому-то своему насущному делу, не думали, что будет так – серая мокреть, развороченный могильный холм, одинокий сутулый Никита Мехов. Они жили в другом мире. Из того времени совсем не помнятся пасмурные дни.

Становилось зябко, расхотелось далее стоять под дождём, и Никита Егорович направился назад. А когда прошёл в прихожую, то услышал голоса в передней. Там

собрались гости. Его шумно встретили, усадили на почётное место, и он видел, что его любят непритворно и открыто. Это были молодые родственники. Они относились к нему как к почтенному старому человеку, кому-то дядя, кому-то дед.

Дождь лил сутки, потом прекратился. За это время Никита Егорович постоянно ходил и проверял, на месте ли плёнка. Но теперь уже цемент схватился, и не так опасно. Однако ещё рано было поднимать постамент на фундамент. Постоянная сырость мешала сохнуть.

В прежних расчётах Никита Егорович собирался управиться с работой за два дня. Но дождь прекратился на короткое время и снова зарядил с прежней силой. Никита Егорович с досадой сидел дома у телевизора или читал. Вечером его тащили в гости, и сопротивляться было бесполезно.

Как-то засиделся у тётушки Наташи. Она жила со старшей дочерью Ритой. А всего у неё их было четверо, все разъехались по городам, жил в Мужах со своим домом ещё сын. Теперь он тоже сидел за столом и как раз на том месте, где во времена прошлых застолий любил располагаться Пётр. Рита специально для Никиты Егоровича приготовила шанги. Тётушка побывала за столом да пошла отдохнуть, ей за восемьдесят перевалило. Остались втроем. Рита что-то рассказывала. Ей тоже было уже за пятьдесят. Время никого не щадит. Красавица была, смуглая, с угольно-чёрными глазами, круглоликая. А замуж не вышла. И были женихи, очень даже добивались. Чужая душа – и впрямь потёмки. Никита Егорович мог только догадки строить из того, что осталось в памяти. Был у неё парень, утонул. Нашли пустую моторку. Что случилось? Правда, ветер на реке в тот день разбушевался не в меру. Может, не могла его забыть. А потом, как отошла боль, решила, что поздно. Кто знает! Спросить не смел.

О чём Рита говорила, сидя через стол, Никита Егорович и не слышал, потому что смотрел на неё и так ясно, так вживе вспо-

нил другое застолье, словно и впрямь время стоит, и нет у него обыкновения бежать. Это мы спешим стареть, а время недвижно, как озеро, и рядом с нами тот день, что был десять лет назад. Всё на одном пяточке...

Младший брат – уж такая натура была! – пуще всего боялся шума. Если какой скандал назревает на работе или с пьяными соседями, махнёт рукой и бежит подальше. Никогда на человека голоса не поднимет. Иной раз доведут до крайности, так на шёпот переходит. Он так ругался, внутренним криком.

Точно так же сидели за столом. В семидесятые годы, помнится.

– У нас теперь весной баржу приводят, – сказала Рита как бы между прочим, а лицо стало отсутствующим, явно приготовилась что-то смешное поведать.

У неё такая манера – о потешном говорит скучающим тоном. Только в конце сама же не выдержит да зальётся громким смехом.

– Прежде-то бутылки не принимали.

– Послушай, Никита, – повеселел Петро и показал на Риту. – Это кино, я скажу.

– Куда же прежде бутылки девали? – спросил Никита Егорович. – Я что-то и не помню – куда.

– Да кто куда, – отмахнулся Петро. – Кто в амбаре копил, кто на лёд вывозил санями. Вывалят, а весной унесёт. Ты послушай Риту!

– Да слушаю уже. Как догадываюсь, баржа под бутылки?

– Железная посуда, – уточняет Рита неторопливо. – Сто метров, может, длины. В ширину – больше десяти. Такое вот корыто. Отдельно стоит, специально мостки сколотили. Утром как-то вышла на улицу и ничего понять не могу. Какой-то звон стоит в воздухе. Тренькает что-то. Будто хрустальные подвески ветер шевелит.

Откинувшись на спинку стула, Петро корчится от смеха, душит себя ладонью. Рита хитровато смотрит на братца и спокойно продолжает:

– Потом вижу – Семён-рыбак идёт с огромным мешком на плече. За ним его жена – Таня – такой же мешок тащит, согнулась вся. За ней – старшая дочь. Но уже поменьше мешок несёт. Потом сын Володька. Ну, и остальные по росту. У Семёна с Таней девять детей. Самый маленький несёт в руках две бутылки. Ну, тут уж я поняла, какой звон слышу. По всему селу, по всем тротуарам идут наши мужички да бабы семьями, несут стеклотару. Приёмка началась на барже.

– Звон стоит! – уже не сдерживаясь, хохочет Петро. – Хрустальный! Баржи мало оказалось.

И тут Рита небрежно этак повела рукой на Петра и сказала сочувственным голосом:

– А наш-то братик стесняется. Как это он бутылки потащит!

Тут Петро почуял неладное, притих, насторожился, заёрзал на стуле, Рите знаки подает. А та будто не видит, продолжает с невинным выражением лица:

– А тоже за зиму-то накопилось посуды. Прикладывается братик-то наш, не брезгует. Вот он собрал в мешок своё стекло и попросил соседку Марфу, мол, сдай. А принимали по пять копеек. У Марфы пенсия двадцать семь рублей. Конечно, согласилась.

– Да ладно, – подал голос Петро. – Нашла о чём говорить!

– Так я ж не про тебя, – наивно округлила глаза Рита. – Я же о Марфе. Идёт, брякает бутылками, а её спрашивают: «Ты-то когда успела столько выпить?» Все же знают, старуха сроду не пила и капли спиртного. «Да нет! – в голос отвечает Марфа. – Не мои. Пётр Егорович попросил. Сам-то инженер в колхозе, стесняется». Братец-то наш – Рита кивнула на Петра – хватается за голову, чертыхается шёпотом, а кричать тоже стесняется. Потом говорит Марфе: «Я ж тебя предупреждал – не говори никому». А Марфа не понимает, руками разводит. Кому я, мол, сказала-то? Все же свои. На барже, мол, чужие принимают, так я молчала в тряпочку. Ни-ни!

Видя, как старший брат смеётся, Петро не стал обижаться на Риту, а сам повеселел и предложил выпить по этому случаю.

Чудное дело! Сам по себе случай-то копейки не стоит, а так тепло стало на душе. А всё потому, что Пётр увиделся, каким был.

И ещё целых четыре дня лил дождь. Чего только не приходило в голову! И разные сомнения наведывались. Может, зря всё затеял? Может, не хочет того Петро? Оттого не вышло никакого несения креста, а одна суета приключилась.

И сон приснился Никите Мехову. Будто пришёл к нему человек. В дом не заглянул, стоял у крыльца. А Никита Егорович знал, что к нему явился. И не Петро это был. А кто-то от него. В малице, тасмой-ремнём подпоясан. Под капюшоном лица не разглядеть. Никита Егорович вышел к нему. Тот говорит: «Не о брате, о себе позаботься. Он уже зрячий, а ты ещё слепой».

Сон какой-то странный, прямо назидательный. Под утро случился. Видимо, уже просыпался мозг и вмешался. Никита Мехов до этого задумывался о том, что крест больше ему нужен. Оттого спешил. А почему вдруг так нужен стал – о том ещё не догадывался.

На пятый день дождь прекратился, иссяк. Никита Егорович поднял своих помощников и пошёл продолжать работу. Расколотил ящик и увидел, что постамент с изъянами, кое-где подмыло края, но всё поправимо.

Подоспел как раз Валера, сродный брат, Денискин отец. С помощью его и ребяташек поднял постамент на фундамент.

– Чем ещё помочь? – спросил Валера. – Могу рабочего дать.

– Мастерок бы мне, – попросил Никита Егорович.

– Тут есть у одного, – сказал Валера. – Пойдём, Дениска, принесёшь. Мне в бригаду надо. А то рабочего дам.

– Нет, мастерок только.

Пока Дениска ходил в село, Никита

Егорович сделал замес на два ведра. Должно было хватить.

Но тут новое испытание. В первый день как-то и не заметил особенно мошки. Сухо было, солнечно. А после дождей откуда-то вылезло её да столько, что уму непостижимо.

Когда Дениска принёс мастерок, Никита Егорович отпустил мальчишек, просто пожалел. Мошка совершенно потеряла совесть и разгулялась, как бесовская сила. Никакая комариная мазь не помогала. Было душно, тело потное, мошка лезет в рот, в уши, в глаза. А работа требовала тцания.

И будто назло, дощечки, которые сохранили гнездо для креста, не поддавались, как ни старался Никита Егорович вытащить их. Бился он над ними до остервенения. И уже готов был закричать от ярости, мошка совсем довела, но остановил себя. Над могилой же брата...

Расколов на куски и вырвав эти треклятые дощечки, Никита Егорович опустился на траву и сидел, тяжело дыша и отупело уставясь в одну точку. Мошка лютовала вокруг, облепила лицо, полезла под рубаху. Хотелось вскочить, исцарапать всего себя, броситься к реке и бултыхнуться в воду.

«И не мошка это, а бесы, – усмешливо думал Никита Егорович. – Кто же ещё? Только того и ждут, чтобы отчаялся. Это испытание. Выдержу или брошу и рабочих позову. А самому надо, только самому, иначе всё зря».

Он не сразу поднялся на ноги и назло мошке неторопливо пошёл по дорожке к воротам. Так же неспешно шагал по широкой и короткой мостовой до первых домов, потом по улице до сарая, где находился крест. Тут он облегчённо вздохнул, мошка отстала.

Размотав верёвки и мешковину, Никита Егорович собрал крест, закрутив шары на тяги. Посидел несколько минут, потом взвалил на плечи крест и пошёл. По дороге никто не встретился, и не случилось ненужных разговоров.

Шагал мерно, неторопливо, сосредоточенно. Нёс крест. За воротами среди деревьев его стеной встретила мошкара. Она будто заждалась, налилась ещё большей лютостью и накинулась с новой яростью. Но Никита Егорович даже не махнул рукой. Он шёл как шёл, и нёс крест.

Добрался до постамента, неторопливо вставил крест в гнездо и стал заливать раствором. Потом начал мастерком шлёпать раствор и растирать, выравнивая неровности постамента. Работал старательно и неспешно. Казалось, что уже оглох и ослеп, текли слёзы по лицу, пот солонил губы. Но он точными движениями бросал мастерком раствор и растирал, растирал, растирал. Когда мошка совсем уж мешала видеть, тыльной стороной ладони протирали глаза и снова водил и водил мастерком, добываясь ровности.

Остановился, как закончился раствор. Никита Егорович выпрямился, походил вокруг памятника и особых огрехов не увидел. Следовало поправить и покрыть свежим дёрном могильный холм, но на сегодня явно не хватало терпения. Решил не спешить и двинулся в село. Пройдя несколько, оглянулся и увидел крест с белыми шарами. Он уже был частицей кладбища, ещё одним его знаком.

Назавтра женщины вызвались пойти с ним, Людмила и Лида. Они оказались отменными помощницами. Никита Егорович, выбрав место, снимал дёрн, женщины таскали и укладывали.

Часа через три работу завершили, и Никита Егорович отослал женщин домой, а сам спустился на берег Югана. Сказал, что хочет побыть один, и Лида с Людмилой не стали мешать.

Он шагал по узкой песчаной кромке берега. Справа от него тянулась гора. Местами она подступала близко и достигала высоты пятиэтажного дома. Левый берег был пологим, болотистым, заросшим мелким ельником, и только за широкой долиной местность начинала холмиться и под-

ниматься выше и выше, чтобы закончиться Крестовой горой.

«Я надеялся, что несение креста случится, – думал, стараясь не спешить, Никита Егорович. – Я надеялся, что приду к важному пониманию. А это понимание не наступило. Но что я хотел понять? Что меня смутило? Однажды понял, что жизнь проходит? Возможно. Смерть брата как бы всполошила, и тогда подумал – я-то зачем остался? Кинулся к истокам. Это объяснимо. Но что надеялся найти?»

Река круто почти под прямым углом заворачивала за холм. И тут, в заветрии, стала досаждать мошкара. Оттого Никита Егорович поднялся на гору и остановился.

Он вспомнил, как много лет назад привёл на эту кручу молоденькую Дашу. Это он тут выкладывался перед ней и вскружил трезвую умненькую головку деловитой заведующей аптеки... И она стала его женой. И более того – он был с ней счастлив. Отчего ж печаль?

Чуть ниже по течению река в изгибе уходила в тайгу. Но потом опять круто поворачивала направо и прямо утыкалась в гору, на склоне которой стояли дома.

На том месте, где теперь люди застроились, в пору детства Никиты было пустынно. Безлесная вершина холма привлекала мальчишек. На этом поле «южане» и «северян» устраивали великие сражения. Мальчишки по своему разумению и без всякой причины разделили село пополам и создали две армии, которые только и знали, что устраивать бои. Кто теперь объяснит, зачем надо было село кромсать надвое? Но с другой стороны – с кем-то следовало воевать. Зачем-то сколотили из фанеры щиты и выточили из берёзы мечи. Не махать же ими впустую.

Шагая к тому холму, Никита Егорович вспомнил своё войско. Командиром был Васька Собрин, а Никита считался комиссаром, но фактически армия подчинялась ему. Все стратегические планы придумывал он, большой тогда книгочей.

Два мальчишеских войска выстраивались друг против друга. В каждой армии набиралось до полусотни бесстрашных бойцов. Вооружены были до зубов. По команде полководцев войска бросались друг на друга и бились по-настоящему. Воины доходили до такого азарта, что мечи разлетались в щепу. Победён был тот, кто упал на землю, то есть попросил пощады.

И каждый раз Никита придумывал что-нибудь хитрое, чтобы «северяне» одерживали верх. Вот, к примеру, идёт битва. Стук мечей, крики, пытение. Уже вроде «южане» одолевают противника. И тут из еловой рощицы выскакивает ватага мелюзги. И Петька, конечно, среди этой малышни. Они с тыла нападают на «южан» и повисают на каждом из воинов. Вцепится в тебя этакая обезьянка, стиснет горло, да ещё норовит рукой глаза тебе закрыть. Попробуй сражаться с такой ношей. И победный ор оглашает окрестность, торжествуют и гонят ворога «северяне».

Достигнув холма, на котором когда-то происходили битвы, Никита Егорович остановился возле чьей-то изгороди и привалился локтем на прясло. Ничего уже здесь не напоминало прошлого. И тут выплыло из памяти одно открытие. Никита со своими воинами решил ночью накануне великого сражения вырыть обманные ямы и хитро прикрыть, чтобы противник не увидел. Потом бы «северяне» прикинулись, что отступают, а «южане» бросились бы в погоню и угодили бы в западню. Для паники достаточно было устроить две-три ловушки.

Лопата Никиты уткнулась в камень. Были белые ночи, светло, как днём. Никита снял слой почвы толщиной в ладонь и увидел могильную плиту с полустёртой надписью. Плита оказалась мраморной. Откуда такому камню быть в Мужах?

Так мальчишки открыли неизвестное до того кладбище. Потом Никита спрашивал старых людей, помнят ли они о тех могилах. Старики говорили, что кладбище перенесли на новое место уже при советах.

В тот же день, когда он стоял возле изгороди, привалиясь на прясло, Никита Егорович почему-то вдруг подумал, что в тех могилах покоились его предки, что первыми пришли в этот край из-за Урала. На эту мысль натолкнула Никиту Егоровича Тильтимская дорога, которая, как плёс реки, вытянулась прямо перед ним, будто открылась вся понарошке и заманчиво. Она начиналась с противоположного берега Югана и полого поднималась в сторону Крестовой горы.

Дорогу эту называли так, потому что она когда-то проходила через старинное стойбище Тильтим. Но ханты именовали её иначе – Саран-туй. А означало это – зырянская дорога, то есть по ней пришли на Обь с берегов Печоры, Ижмы, Вычегды коми. До начала пятидесятих годов писались они – зыряне. Потом вождь повелел зваться коми.

Тильтимская дорога когда-то была оживлённой, по ней шли купеческие обозы. Она пересекала Урал и выходила на Троицко-Печорск. Предки Никиты в неведомо каком далёком году проторили её.

Теперь дорога заканчивалась на Крестовой горе, самой высокой точке в округе. А дальше никто не ездил. Не было надобности. Дальше дорога заросла лесом.

«Подняться бы по ней», – подумал Никита Егорович и поначалу просто так, мечтательно, что ли. А потом и впрямь появилась охота. Давно он не был на Крестовой горе. Может, и не выпадет больше случая. Так чего откладывать? Километров семь надо будет пройти. Не ахти какое расстояние. До вечера ещё далеко, успеет вернуться.

Спустившись к воде, Никита Егорович попросил мальчишек, что удили с лодки, перевезти его на другой берег. Оказывается, они знали, что он Серёжкин дядя, и с охотой переправили. Тому, что он идёт на Крестовую гору, не удивились. Сами туда часто бегают. А зимой на лыжах катят оттуда все семь километров – здорово! Взрослые тоже ходят по грибы, по

ягоды, а по праздникам с компанией водку пьют на природе. Дома-то надоело.

Дорога пошла на подъём незаметно. Потом коротко сбежала вниз. Никита Егорович встретил первое препятствие – довольно широкий ручей. Затем их было ещё несколько. Они протекали по ложбинам между холмами. А холмы становились всё выше. Последние два километра Никита Егорович поднимался уже по каменной дороге, по крутому склону.

Перед первым ручьём он снял ботинки и закатал штанины. Обувь оставил в кустах и теперь сожалел об этом, потому что подошвы босых ног от непривычки уже горели, ступать становилось больно. Он старался идти по краю дороги, по траве.

Теперь уже семь километров не казались таким коротким путём, и он подумал о старике Тоша Ване. Как тот-то добирался? По словам Петра, был совсем дряхлым.

Когда Пётр приезжал в гости, то за первым застольем рассказывал все мужевские новости. Это уж он делал непременно. В каком-то году, не сразу и вспомнится, говорил он о Тоша Ване.

Люди решили, что помутился у него разум. Поднимался Тоша Вань по Тильтимской дороге на самую вершину холма. С того возвышения вся округа открывалась взгляду. И малорослый худющий Тоша Вань в облезлой заскорузлой малице без сорочки раскидывал руки и стоял так часами. На том месте, где он стоял, возвышался когда-то высоченный крест. Но его повалили озорные комсомольцы в конце тридцатых годов. Должно быть, Тоша Вань воображал, что он заменяет собой тот повергнутый крест. А был-то ростом с мальчишку, каких-нибудь полтора метра достигал всего.

Может быть, старик решил про себя, что забравшая его четверых сынов война обрушилась на людей, потому что озорные комсомольцы повалили крест на горе. Оттого пришло ему в голову заменить собой крест тот, чтоб не случилось новой беды. Кто знает!

Дорога пошла круто в гору, так что Никита Егорович уже и не шагал, а восходил. Через сто метров он оказался на голой вершине холма.

Никита Егорович с детства знал от стариков, где находился крест. Теперь там была яма. А мог быть карьер. И всю гору могли скрыть. В одно время решили, что надо брать отсюда гравий. Наехали машинами, ковш поставили. Но гравий не пришёлся строителям, он был смешан не с песком, а глиной. Убрали технику и успокоились.

Яма заросла жёсткой травой и редкими кустиками. Она была неглубокой, как воронка от небольшого снаряда. Никита Егорович остановился над ней и вдруг легко вспомнил, куда они шли с братом в знойный летний день. Они направились на Крестовую гору по Тильтимской дороге, потому что в голову Никиты пришла уверенная мысль, что на месте порушенного креста должна быть зарыта каменная плита, на которой написано, кто и когда его поставил. А как можно жить спокойно, не зная, кому понадобилось поставить крест посреди тайги?

Каменистая почва не поддалась старой ржавой лопате, и Никита отчаялся добраться до памятной плиты. Он чуть не плакал от огорчения. Конечно же, никакой надписи никто не оставлял. Мог бы Никита и догадаться, что предки были безграмотными. Но очень уж хотелось узнать, кто же такой поставил крест среди безлюдья.

Впереди лежала неровная тайга, и она тянулась до самого Урала, белые пики которого изредка, в зависимости от состояния воздуха, получалось увидеть с Крестовой горы. Оттуда пришли когда-то предки Никиты Егоровича.

По четыре, а то и по пять олешек запряжены были в упряжки. Так им легче приходилось тянуть по земле нарты. Полозья стирались от долгого движения и уже не раз «подшивались» свежими еловыми жердями. А вокруг всё была тайга, местами приходилось прорубать дорогу, особенно в лощинах, впереди ждала неизвестность:

никто не знал, что встретится за следующим холмом.

Но люди не унывали. Еды хватало, тайга щедро делилась ягодами и грибами. Дичи было много, птицы. Края оказались безлюдными, и это радовало идущих. Обоз двигался очень медленно. Мужчины успевали поохотиться, половить рыбу в озёрах и догоняли своих. Дети бегали, играли в свои игры. Женщины шли рядом с нартами, а на стоянках чинили обувь и готовили еду.

Всё лето прошло в пути. Может, и зиму придётся двигаться вперёд, мечталось найти богатый край и зажить сытно. С родных мест погнало их голод. Мор уничтожал целые деревни.

Никита Егорович представил, как обоз стал выходить на этот холм, как ровно и размеренно шли мужчины, женщины и дети, и никто из них ещё не чувствовал близкой радости, ещё не знал, что за картина откроется с вершины. Люди уже привыкли двигаться сквозь бесконечную тайгу, которая суживала обзор до нескольких метров.

Но вот кто-то первый вдруг остановился и закричал от неожиданности. Крик был бессмысленный, неосознанный, но не испугал остальных, а наоборот... Дети сразу побежали вперёд и так внезапно остановились, словно уткнулись в стеклянную стену. За ними поспешили бабы и девки. И только мужики делали вид, что ничем их не удивить. Они привязали оленей и только потом сдержанно двинулись к детям и бабам, что столпились и немо чему-то дивились.

И спустя два столетия, а то и больше, Никита Егорович обернулся, чтобы открылось ему то, что поразило предков. Он не раз с этой высоты видел дали, от которых захватывало дух. Но сегодня предстали они, будто впервые, словно смотрел он глазами далёких предков. Это они, первоходцы, нашли покой на том кладбище, которое когда-то Никита случайно открыл. В эти же минуты он увидел их живыми, нашедшими, наконец-то, землю, где им будет хорошо.

Перед ними лежала огромная пойма великой реки, названия которой они ещё не знали. На самом горизонте зыбким миражом угадывался противоположный материковый берег, всё же остальное пространство было пронизано мелкими протоками и сверкало заливными озёрами. Это же какие нагульные места для рыбы! А в том, что в тайге много дичи, они уже убедились. Богатый край, благословенная земля. И на всей обозримой округе не было человеческого следа, берега предстали пустыни и глухи. Но прежде чем сойти в долину, мужчины срубили самую высокую лиственницу, сотворили из неё крест и поставили на том месте, где вскричал один из них, первый увидев новую родину.

И ту же радость, тот же восторг, что предки, испытал Никита Егорович, свежим зрением увидев родной край, который и теперь был прекрасен. По реке плыли суда, большое село лежало открыто, как на ладони, ни прежнего безлюдья, не первозданной дикости. Но с этой высоты становилось очевидным, что природа ещё могуча и человеку неподвластна.

«Будет она, будем мы, – подумал Никита Егорович о природе. – И помните-то нам всего только и надо, что мы её часть. Что каждого из нас она породила, она и заберёт. Из неё, из природы, мы никуда не уйдём. Оттого-то я и чувствую, что они со мной, ушедшие, что они рядом. Они в природе, как и я. Мы в одном целом. И более того, более того... И Конфуция, и Будду, и Магомеда, и Христа породила та же природа. Мы все – одно. Оттого бессмертны».

В эти минуты Никите Егоровичу думалось, что природа – это не только деревья и травы, зверьё и птицы, а вся бесконечность от самого ничтожного микроба до галактик. И может быть, истина в том, что эта природа и есть Бог. Никите Егоровичу хотелось так думать. И он вспомнил слова брата, когда-то им сказанные:

– Во что поверил, то и правда.

Невольно и неосознанно, а только в си-

лу какого-то внутреннего порыва Никита Егорович раскинул руки, и весело стало ему от мысли, что вот он и стоит крестом, и душа его, наполненная верой, в этот миг излучает сострадание ко всем живущим на земле.

И в этом душевном полёте с раскинутыми руками он окончательно понял, что у него начался особый счёт времени, и все дни, что проживёт он дольше брата, будут ему в укор, если останутся порожними, то есть без радости – пусть крохотной! – от делания добра.

Провожать на пристань пришла вся родня, толпились на дебаркадере, ждали отхода «Метеора». Оставалось минут пятнадцать. Женщины целовали Никиту Егоровича, просили передать привет Дарье, наказывали ещё приезжать. Мужчины пожимали руки, скупыми словами желали счастливого пути и тоже – «нас не забывай». Никита Егорович приглашал всех к себе, повторял одни и те же слова, улыбался, кивал головой. Потом он обнял тётю Наташу. Она заплакала, просталась навсегда. Никита Егорович стал утешать, пророчил долгую жизнь, до девяноста лет. И тут над ухом раздался истошный крик:

– Никита! Друг!

Все вокруг почему-то засмеялись. Никита Егорович обернулся и увидел перед собой невысокого, седого и лохматого, с морщинистым лицом человека, бесцветные глаза которого светились восторгом, а беззубый рот щерился в неудержимой улыбке.

– Не узнаёшь?

Это был Яков, вечный сельский водовоз и гармонист. Никогда они не дружили, но выпившему Якову в эту минуту казалось, что лучшего товарища у него и не было в жизни.

– Что ж ты не сказал, что уезжаешь? – страдал Яков. – Я пришёл бы с гармошкой. Мы бы тебя с музыкой проводили. Эх, ты, Никита! Я ж тебя всей душой люблю!

Он полез целоваться, но родственники, смеясь, отстранили Якова. Он не обиделся, продолжал восторженно кричать:

– Я тебе марш сыграл бы! «Прощание славянки!»

Стоявшая рядом Рита сказала с тихим смехом:

– Новый Тихон.

И Никита Егорович вспомнил чудаковатого старика из далёкого времени по имени Тихон.

Почему-то он произвёл в своё время одинаково цепкое впечатление на обоих братьев и оставался в памяти каким-то особенным знаком их детства.

Говорили в селе, что Тихон умом помешался в начале двадцатых годов, когда его отца зверски убили то ли белые, то ли красные гвардейцы. Случилось это в городе Усть-Сысольске. Мать с ребёнком бежала за Камень и оказалась в Мужах. Прожила он недолго, померла по какой-то хвори. От цинги, может.

Тихон никогда не работал, потому что ничего не умел. А если брался что делать, то тут же забывал, чего начал. Ему и лопату нельзя было доверить, оставит абы где. Он одно любил – ходить по селу и со всеми здороваться. Лицо его при этом сияло от счастья. Никогда ничего не просил. Зайдёт в избу, стоит у порога и улыбается. Что подадут, то и поест. Потом делает вид, что ищет в дырявых карманах, чем расплатиться. Ему говорят – ничего не надо. Он тогда отвечает:

– В долгу не останусь. На баяне сыграю. Уж повеселю!

Вот этот баян и вспоминали братья. Каждому отдельно поведал Тихон, что на тройке воронных везут ему из Питера голосистый баян, на котором он играть мастак. Как баян-то прибудет, так люди и станут счастливы, потому что Тихон много музыки знает. Про тот баян и тройку слышали все, не одним братьям открыл старик свой секрет.

И как помнил теперь Никита Егорович, Тихон при этих своих разговорах вовсе не

походил на слабоумного. Что-то очень значительное было в его глазах, праведное. Он прижимал к сердцу худую руку с тонкими пальцами и очень старался, чтобы его словам поверили.

– Много тут – в сердце, значит, – музыки. На всех хватит. Уж я поделюсь.

Может, не точно эти слова говорил, чуть другие, но суть-то оставалась одна, – мол, он не попрошайка, не голь какая-нибудь, а несказанно богат и всех одарит щедро, вот только тройка прикатит с баяном.

– Что ж так долго-то? – смеялись иные озорные девки. – Заплутала тройка-то? Ямщик, должно, пьяный!

И на такие шутки Тихон злился, ногой топал и пальцем грозил. Потом успокаивался и объяснял терпеливо:

– Ямщик надёжный. Отец мой тройкой правит.

Как хоронили Тихона, музыка гремела на всё село. Громкоговоритель с Почтовской горы разносил скорбные звуки траурных

маршей над заречными далями и над сизой тайгой до самого горизонта. Великая музыка рыдала над жалким прахом Тихона, который лежал в гробу в одежде с чужого плеча, собранного и постиранного по случаю сердобольными бабами. Под торжественные звуки реквиема шли старушки и старички за гробом, что покачивался на дровнях. Со слёзным надрывом в голосе диктор говорил над снежной тишиной:

– Народы великой нашей страны прощаются...

Угораздило старику помереть в один день со Сталиным.

– Эх, и сыграл бы я! – рвал на себе рубаху Яков. – Друг ты мой Никита! Не знаешь ты, как я тебя люблю.

Не извелись чудачки в Мужах. И белые чайки ещё летали над рекой. А разлилась-то она, река! Вот тебе и Малая Обь. И подумалось Никите Егоровичу, что в эту пору она сливается с Большой Обью, и единым потоком текут они в Ледовитый океан.

Алёна
ШОМЫСОВА

Алёна Александровна Шомысова – коми поэт, гижысь, вуджӧдчысь. Чужис 1986 воын Кулӧмдін районса Скӧрӧдум грездын. Помаліс Сыктывкарса государственной университетын филология факультет (2009). Лэдзис «Дзар» (2011), «Чӧв!» (2012), «Юрсигусь бордъяс» (2014), «Кӧчильлы козин» (2018), «Аля-каля» (2022) небӧгъяс. А. М. Лужикинима премия лауреат (2012). Пырӧ Россияса гижысь котырӧ (2016).

Мортлы колӧ морт

кывбуръяс

ШАНЬГА

Со пызан вылын руалӧ пӧсь шаньга,
Сы весьтын йиркас йӧктӧ шонді кӧч.
Ми видзӧдам да радлам рыжӧй канькӧд,
И абу на ме, абу на ме – пӧч.

И шаньгасӧ эг пӧжав тайӧс ачым:
Оз тырмы татшӧм чӧскыд вылас сям.
А дзик на ӧні перйис няньсӧ пачысь
Да тасьтиясӧ тэчис – менам мам.

Ми серавлігмоз сӧям зарни чӧлас,
И мамлӧн нюмысь бурдӧ турдӧм лов.
Ок, медкӧ ме и сюрла чизыр тӧлӧ,
Ов, шаньга кӧра кадыс, дыр на ов!

ВАЗА

Ме олі, быттьӧ ваза пытшкын чери,
И вӧлі веськодъ, асыв либӧ рыт.
Ме олі эськӧ лӧняс, эз кӧ серам
И сідз нин дзескыд оланінӧс тырт.

Тэ шпыннялін, мый сӧмын ваза вомӧд
Ме аддза олӧм югыдыслысь сер,
Мый некор нин ог аддзыв олӧм помӧдз,
Кызд ю веркӧссӧ дзугӧ сувтса зэр.

А ӧтчыд менӧ вазанас тшӧтш босьтан
И кывтан пыжӧн вугыравны сир.
Да сералан на, ме пӧ тэныд восьта
Кӧть ӧтчыд гожся енэжыслысь йир.

Но меным тайӧ ӧтчыдыс и моздас:
Ю шӧрӧ йӧткас вазаӧс сир бӧж.
Нюйт пиас ваза вӧяс, изъяс костас,
А ме ю кузя кывта ньӧжсьыс-ньӧж.

ЕНЭЖ РӨМА САПӨГ

Ме ньöби аслым енэж рöма сапöг
И чужöм вылö пысалi виль нюм.
Няйт гöпъяс кузя тувччала зэв тшапа,
А юрын ломзё югыд-югыд дум:

Кöть кутшöм лёкөн оз ло тайö кадыс,
Но лолöй няйтөн сэсса оз нин берд,
Öд сэнi вильысь быдмас муслун садыс,
И сэтысь сiйöс некод нин оз берт.

ЫВЛА ЙИРК

И вöли коркö пемыд арся ывла,
И керка вевт, и джуджыд енэж йир.
Ме, чуймöм лола, помся дзорги вывлань
Да гөгөрвоны видлi ывла йирк.

Сöдз ывла йиркас тiпкис уна кодзув:
Зэв öдiйö кодкö, кодкö – вывтi ньöж.
И позис кö тадз видзöдны и водзö,
То нимкодяси эськö олöм чöж.

Сэзь йиркыс кыскис менö аслас кытшö,
А сэсса ачым йиркнас лои топ.
Виж кодзувъясыс усисны ме пытшкö...
И кыдзи сэки сёлöмöй эз пот?

Но сөвмис сёлöм, сөвмис уна кöсiйöм,
И кодзувъяссö судзöдалi бөр.
Öд натөгья нин туйöй менам öзiйö,
Öд натөгья нин аддза олöм сёрт.

Да йиркыс абу – гольдiс ывла веркöс
Ли помтöмлунö пöрис коркö кад,
Кöть важ моз аслас инын бать-мам керка
И весьтас йөгзысь кодзувъяса лад.

СИКТСА АСЫВ

Сиктса асылысь мусаджык
кытöнкö эм-ö?
Тані кадыс дзик тэрмасьтöм,
лабутнöй, надз.
Ывла аддзигөн съөлöмыд
ырскöбтö – шемöс,
Бытьö вöтьясысь
нымön на мынöм ю адз.

Бобув чуймöмön поткöдö
нöгыльмöм чöвсö,
А борд веркöсас лайкъялö
шондiлön сер.
Кöнкö ю сайын лöсьöдчö
горöдны йöла,
Да со гөлöсыс лöма
номлön кодь нэр.

Öшинь восьта да кыла,
кыз тупыльтчö соддзын
Купальнича моз ломалысь
пузчужöм лун.
Бытьö ставыс на олöмад
виччысьö водзын,
Сöмын кадыслön лов шыас
кывзысь да мун.

МОРТЛЫ КОЛӨ МОРТ

Тэ коркö шулiн: «Мортлы колö морт,
Кыз пöткаыслы орччön колö пöтка».
Да, сiдз и эм, быд ловлы колö ёрт:
Зэв съökыд вуджны олан туйтö öткөн.

Öд кутшöм бур: морт восьтас ассьыс йир,
И верман сэтчö сунлывлыны повтöг,
Кыз муса юöd нöжйö кывтысь сир
Ас местаясön нимкодясьö помтöг.

И верман видзöдны, кыз мырпом рöм
Лöнь рытö мавтö воймöм керка пельöс,
Кыз тiралö став корнас пöрысь лöм,
Кор чардби вундö енсö* шöри-пельö,

*Ен – енэж

И майшасьны, кор ытва нуо пыж
Ю визулөд важ коми сиктъяс пөлөн,
Кыз сус пу коль өреклысь потөм кыш, –
Кор вомъёрт пыдди кольо сөмын йола.

Коть кыз ог пыксы, мортлы колө морт,
Мед көдзыд войо пестыны пось ноддя,
Мед гортө отыв кыскыны кузь норт,
И веськодь, кутшөм ывлаас поводдя.

КАНСЕР

Виль патера. Виль серпасъяс. Виль кыш.
А олөм некыз вильысьсө оз пансы.
Топ заводити поткөдны яй кансер,
Да восьтанислөн дорыш вывти ныж.

Да мый сэн кансер: восьтыны ог куж
Ни важ альбом, ни блокнотшой, ни небөг.
Коть эмышт эбөс, кийой лои жебөн
Да карын төвийөм картопель кодь руш.

Ме төвъя тайо патераас. Төда,
Мый коркө ачым лэчта ножич-пурт,
Мый восьта кансер – отка ловлы нур:
Виль туйо колө мөдөдчыны пөтөн.

КӨРТ

Тэ он висътав, мый радейтан. Мед.
Менам сьолөмөй оз нин бөрд.
Гөгөрвоис, мый муслун оз шед,
Со и чорзьөдчис, быттьо көрт.

Сөмын сьөкыдөн кажитчө вой,
Некыз помасьны оз тай мөд.
Коть и абу нин кырлалысь дой,
Син пыр казътылөм лэбө – сьөд.

Вывти ыджыда пөльтсьөма шар,
Со и шпотъкысис. Коли көв.
Гожөм бөраным öзйылис ар,
Сэсся көдзөдис ставсө төв.

ЧОЛӨМ, ИЧӨТ ВАНЬ!

Ваньё воклы

Медся ичөт воклы усис пуд
Мунны косьон жуглөм-чашйөм муё,
Вуджны войтыр лөгөн тырөм юёд,
Көн став рөмсө вевтыртөма руд.

Быттё төрыт – некыдз тай оз вун,
Вөлі тайё коркө ичөтдырйи –
Пыри Наталь тьөтлөн пыді жырйё
Гусьон-гусьон. Полі торкны ун

Воча воклысь. Чолөм, ичөт Вань!
Синмыд, нырыд, вомыд – сэтшөм дзоля!
Сёрнитнысө тэкөд мыйкө пола.
Юрсйөдыд малышта – и шань...

Олігад тай некоді оз төд,
Кутшөм ногөн бергөдчылас олөм.
Чужанітө дорйыны быть колө,
Сэсся – гортад өдйөджык вай мөд.

МӨД ВЫЛЬ ВО

Ваньё воклы

Тэ мөд Виль во нин таво лоан бокын,
И пиыд тэтөг куляс мандарин,
Кор войнас збой курантлысь жынгөм кылас,
Дзик мамыс моз жө куньтыртыштлас син.

Тэ водзын, гашкө, сөмын съөд нянь көрыш
Да жер ёсь пиня сардинелла доз.
Дерт, абу юмов нур, но тайё көрысь
Тэ видлан корсьны сійөс, кодөс коз

Во дас вит сайын вөзйис пушыд лапсьыс, –
Кузь кампет вөлі, ичөт морков нач.
Мам перйис юмовторсө кухня шкапсьыс
Водз асывнас да өшлис, ломтіс пач...

Ме төда, мый сэн шөпкис ичөт пиыд,
Кор кутіс киас мандаринлысь тор
Да ыстіс мөвпсө енкөлаыс пиё:
«Мед локтас папөй. Нинөм ся ог кор».

* * *

Ме важён көсйи шуны тэныд, кор
Водз тулыснас тай дзольдіс миян муслун,
То кыпөдчыны зіліс, то бөр кусліс,
Ни тэ, ни ме эг чайтөй: лоас сёр...

Ни тэ, ни ме. А ыджыд ваыс – дзульк –
Адз пөлөн ота бордъя вөв моз рөдтіс,
Став турунсө да бадьсө вильён пөдтіс
Да нырис весиг муслуннымлысь чульк.

А муслун коркө вөлі – джуджыд кыр,
И чайтсис, таысь ёнджыка на туас
Да уна воён тшукас енэж куас
И нинөмысь, и нинөмла оз быр.

Но сійө чиніс – чульк пыдди нин чут.
И кытысь сійөс ва пыдөссъыс корсян,
Кор сэні чутыс уна-уна дорся?
Да көть и аддзан, он нин сійөс кут.

Эн пессъы: өдйө нюйтмө муслун рөм,
Көть кыз эн ловзьөд, нюйтыс нюйтөн лоө.
Өд ачылд гөгөрвоан: өти воө
Оз вермы кыкысь дзоридзавны льөм.

ЙИ

Ме сэтшөм ёна велалі ас кудйө,
И вомьёртыс нин быттьөкө эз ков,
Дай эг нин, пөди, эскы татшөм пудйө,
Мый мөд морт лолысь лыддя ассъым лов,

Мый ки пыдөсө вота сылысь мөвпсө
Да видзны понда, быттьөкө вөсь моль,
Мый кыла сыысь енэж джуджда чөвсө,
Мый корся сыысь чужан шыа ёль,

Мый, кийн ки, ми мөдам олөм везті,
Мед нэриник йи вывті вуджны кад,
Мый водзвыв кутам төдны: йи оз чезды,
Кор өтмоз тиньгө сьөлөмъяслөн лад.

ТУРУНВИЖ ЯБЛӨГ

Любалы

Чужан лунъясөс пасйыны важөн оз кыскы.
Мыйла? Мөвпыс тай юрын вочасөн содө,
Быттьө коз вылын вож да чутйөдчан лыскыс.
Мөвпыс содө и төдөм, лоа ме кодөн.

Гашкө, та понда йөзын ола ме чөла,
Дзебөм төдөмсө мыйла лэдзны лов тывйысь?
Со и пасьтала сәні гыалө йөла
Кыськө пыдисянь локтысь, лайкъялысь кывйысь.

Өти морткөд куш – лолөй сёрниа лоө,
Кодкөд орччөнмоз венім уна нин тшупөд...
Тайө чужан лун вөлі кызь нельөд воө
Төвся Льюмьюын. Локтіс Питерысь Люба.

Гижысь керкаын войнас точкысим чайён,
Шог и радлуннас юксим, ректім лов пельёс.
Кымын, вөлөмкө, төрө йөз синъяс сайө.
Тадзи ортсыас лэдзан – и мынан став желлысь.

Лымйыс чөлаліс пөнар биясыс улын,
А ми бергөдчим важас: век на кызь арөс.
Чайтсьө, миянөс некор пөрысь оз сулы,
Векус кежлө ми колям лөнь Сыктывкарө...

Гижысь керкалөн шоньд лы вемөдз пырис,
Косьтіс лымйөссьөм шуба да ота гын сапөг.
Сёян-юаныс вөлі пызан выв тырыс...
Сөмын, гашкө, эз тырмы турунвиж яблөг.

Святослав
НАПАЛКОВ

Святослав Георгиевич Напалков чужис 2006 воын Усинск округса Шеллябӧж сиктын. Велӧдчӧ Сыктывкарса государственной университетын физической культура да жизнедеятельностьлӧн деятельность факультетын. Гижӧ висъяс, мойдъяс, кывбуръяс. Йӧзӧдчӧ «Арт», «Би кинь» журналъясын, республикаса газетъясын. «Виль нимъяс» конкурсын вермысь.

Кык тув

повесть

ВОДЗКЫВ

Коми вӧр. Кымын во нин тэ вердан-юкталан йӧзсӧ? Кымын во нин коми йӧз шонтысьӧны тэнад пескӧн? И абу сӧмын коми йӧз. Став му шарыслы тэ отсаян. Кымын кыйсьысь ветлӧдліс тэнад небыд нитш вывтӧ? А кымын йӧз вошисны-сылісны тэнад джуджыд козъяс да пожӧмъяс костын? Сӧмын тэ тӧдан, коми вӧр.

Ибыдлун виль йӧз тувчӧны тэнад вына му вылӧ. Ставнысӧ тэ сибӧдан ас ордад, ставнысӧ бӧр гортӧдзис вайӧдан. Сӧмын верман скӧрмыны сы вылӧ, кодӧ оз йиджты сьӧлӧмас тэнсьыд муслунтӧ.

Овлӧ и сідз, мый найӧ, кодъяс радейтӧны тэнӧ став сьӧлӧмнас, веськалӧны «кытшӧ». Сэтшӧм йӧзсӧ тэ век кыскан тайӧ кытшсьыс, отсалан.

Кытшӧ веськаліс и Максим. Да и он шу, мый кытшӧ. Эз эськӧ воштысь...

Кызди ставыс лои?

Максим волевліс бать-мам дорас чужан сиктас. Ачыс велӧдчис карын, университетын. Зэв эськӧ ёна радейтіс чужан местаяссӧ да, и бать-мамсӧ эз кӧйы кольны, абу нин томӧсь, но велӧдчыны быть. Сьӧкыд вӧлі Максимлы аддзыны сиктса мужикъясӧс, кодъяс лунысь-лун стопкаасисны да некӧн эз уджавны. И гӧгӧрвоис, мый тадзи овны оз лӧсяв.

Дзолядырсянныс нин Максим заводитіс радейтны вӧр-ва. Тані нинӧм вильторйыс абу: сиктса пӧшти став зонмыс водз висьмисны тайӧ «висьӧмнас». Чери кыйӧм да вӧралӧм – медся радейтана удж Максим олӧмын.

Со и ӧні кызь арӧса том морт локтіс чужан сиктас практика вылӧ. Тайӧ вӧлі медводдза ар, кодӧс Максим школа помалӧм бӧрын колляліс гортас.

Арыс коми вӧралысьлӧн – зарни кад. Тайӧ лунъяссӧ сійӧ виччысьӧ во чӧж, гожӧмсянь нин дасьтӧ-зарадитӧ патронъяс, югъявтӧдз шыльӧдӧ-мольӧдӧ пищальсӧ. А кор вижӧдӧм кор

ньожон заводитө гылавы пуяс вылысь, сэки став мужичойыс быттьо вошө. Быдсөн волейболысь (быд пекнича чукөртчылөны) некодлы ворснысө.

Таво сідз жö лоис. Максим төдіс, мый колö ветлыны вөрö шойччөдны юрсө. Батыс эз мун, висьталіс, мый керка гөгөрыс уджыс тырмө. Сійö пөттөдзыс нин ветлөдліс вөр кузя Максим велөдчигкості.

Енэжыс вөлі сээь. Асывнас, кор Максим петіс ывлаө, вөлі топыда кынтөма. Сулаліс чөвлөнь, весиг джиджъяс* эз сьывны. Максим нопъясис, пельпом вылас өшөдіс важьякодъ нин пицаль ИЖ-27 да шутөвтөмөн корис Бимөс. Са кодъ сьөд пон котөртіс көзяинланьыс. Гөныс өткымынлаын шмакъясөн өшйөма, пель джынйыс абу, томдырийыс курччылөмаөсь. Том морт нюмъевтіс, лөсьөдыштіс өчкисө да негораа шуис:

– Но мый, Бим? Мунім, көть пөрысьлунтө легзьөдан.

А мөдісны найö ылө. Дзольдырсяныс на Максим кывліс Ош шор йылысь. Эз сөмын Ош шор йылысь, а өнджыкасө вөр йывсьыс, кыті сійö визувтө. Татчө Максимлөн батыс томнас тшөкыда ветлывліс, пөтка кыйліс, көч войлөдліс**. Но өні сэті гежөда йөзыс кытшлалө. Та вөсна ошкыс өна паськаліс, весиг сикт бокас петавлө, а колян во куканьөс вөлі гусялөма. Но Максим төдіс: ськөд өттшөтш мунө Бим, сійö пыр нин отсалас. Да и Максим – том морт. Кор сійö нөшта сэтчө мөдысь ветлас, оз кө өні? Нинөмысь оз ков повны. Сөмын мед пицальыс бура лыйлас.

Первөй мунісны туй кузя. Таті ветлывлөны том йөз вуграсьны да походасьны – медматысса ты бокө. Кок увсьыс кыптис бус: важөн нин абу зэрлөма. Вөрын заводитісны сьывны джиджъяс, сөмын чөв усьлісны, кор на дорті шлапкис-муніс Максим.

Лөсьөд туй помасис, воис вөрө кежан ордым. Регыд мысти нин том морт сулаліс паськыд нюр дорын. Максим төдіс, кытчө муннысө: киас вөлі телефон, а сәні восьтөма карта. Нюрыс кос, позьө мунны весиг весьтас. Воддза воясө тайө нюр шөрас вөлі кык ыджыд вад, өні ньожөн ставыс косьмө.

Но нюр шөртіыс Максим эз мун: кытшовтны век жө бурджык, көть кок улыд чорыд. Дыр сійö восьлаліс лым кодъ еджыд көр нитш вывті, джуджыд пожөмъяс костөд. Кор вуджис нюрсө, син водзас сувтіс тшем сук вөр. Козъяс костті весиг шонді югөр эз вермы писькөдчыны. Бим эз повзъы тайө пемыд вөрсьыс, первөйөн пырис сэтчө. Максим бөрсяныс.

Час-мөд мысти лэччисны увтасінө, и пондіс кывны Ош шорлөн сөльгөмыс. «Но көні тан пөткаыслы овнысө, татшөм сук вөрас?» – мөвпыштис Максим. А сәсся аддзис, мый шор мөдар бокас крежыс джик куш, сөмын посни пельсыяс петөмаөсь, а вылынджык зымвидзө нэмөвөйся пожөма яг. Пөткаыс татшөминад дзик эм! Колө вуджны мөдарас.

А шорыс паськыд, визув, да и джуджыд. Дыр Максим ветлөдліс шор боктіыс, корсис вуджанін. Енэжыс кымөртчис, заводитіс лызыны***. Джиджъяс дугдісны сьывны. Со и сюрис вуджанін – шор вомөныс усьөма кызд пу. Максим өти киас босьтіс бедь, чышкыштис көтасьөм өчкисө да пондіс вуджны. Кыддзыс югъяліс – сы выйөдз мыськыштөма посни зэрыс. Но нель метра пасьта шорсө өдйө вуджис том морт. Заводитіс нин кайны крут берегас, пожөмъяслань, кор кыліс понлысь никсөм. Бим педзис шор мөдлапөлас.

– Но-о, повзин? – серөктіс Максим да косіс бөр. Отар кинас босьтіс вазьөм гөна понсө, мөдарас вөлі бедь. Бим дзольсяныс нин поліс васьыс. Ставсө сяммис, мый колө вөчны вөралан понлы, сөмын уткаяссө васьыс эз судзөд. Та йылысь и вунөдчис Максим талун.

Понкөд, дерт, вуджнысө абу кокни. Кор воисны шөрөдзыс, Бим видзөдліс улысас, казяліс визув шорсө да кутіс нөйтчыны. Максим эз виччысь татшөмтортө, да содтөд на вильыд пу вылад. Мый вөлі выныс, шыбитіс понсө мөдлапөлас, а ачыс шлөпкысис-усис ваө. Көдзыдыс кайис кок пьдөссяныс пельпомөдзыс. Максимлөн сьөлөмыс гудыртчис. Сійö өдйө петіс

васьыс. Понйыс полігтырйи видзёдіс кёзяин вылас. А Максим видлаліс пицальсё, лэдзис стволнас увлань – сэтыс пондіс киссьыны ва.

– Но и но, колё косьтысьны, – бара чышкис өчкисё Максим. Но косьтысьнысё эз ковмы. Заводитіс дорысь моз кисьтны. Гөгөрбок ставыс руаліс. Максим кайис пожомьяс дорё, сувтовкерліс да ньөжөн пондіс восьлавны водзлань. Другысь кокыс тувччис эз небыд көр нитш вылө, а чорыд му вылө. Максим бурджыка видзёдліс и гөгөрвоис, мый сулалө ордым вылын. И, тыдалө, сы кузя тшөкыда кодкө ветлалө, да быть нин тайө ордымыс кытчөкө вайөдас.

Том мортлы воис юрас, мый поэь восьтыны телефонсьыс карта. Но кор Максим суйис кисё зептас, гөгөрвоис, мый телефоныс көтасьома. Кыз нө оз көтась ваө усьлөм бөрын?

Максим сьөкыда лолыштис да сьөлыштис. Карны нинөм. Том морт кутис восьлавны ордымті, понйыс водзвылас котөртис. Зэрыс некидз эз өвсьы, да нөшта на төвзьысис, пусьыс пондісны дзуртны. Ордым нуөдіс Ош шор пөлөн, кытөнсюрө паныдасисны лэчьяс. Сідзкө, тайө лэч туй.

Дыр муніс Максим. Пемдіс нин, а зэрыс век на эз дугды. Пожомьяс вежсисны козьясөн да кызьясөн. Ывла вылас эськө эз вөв көдзид, но ва паськөмсьяныс том мортөс йирмөгаліс. И виччысьтөг Максимлөн көтасьөм нырыс кыліс тшын дук. Татшөм дукыс овлө, кор уль кыздсө суйөны пачө вой кежлас.

Максим казяліс вөр керка. Эз эськө бура аддзы пемыдас, но тыдаліс, мый керкаыс важья нин. Трубасьыс лөз кымөрөн петіс тшын. Керка бокас лэбулын пес чипас, сәні жө зыр, чер. Бим өдйө локтіс лэбулас, неуна бергалыштис да водіс. Зэрьсыс эз артмы сылөн дзебсьыны, сы вөсна мый зэрыс вөлі пөлөс.

Максим матыстчис вөр керка бокө, куимысь таркнитіс өдзөсас да дернитіс вугйөдыс, кодөс вөлі вөчөмась пу увйысь. Том мортлы чужөмас вачкис шоньд сынөд.

– Чолөм-здорово, керка, лэдз узьны-шойччыны! – гораа шуис Максим да сиптіс ас бөрсьяыс өдзөссө. Пызан вылас өзйис ыджыд сись, но керка пытшас вөлі пемьд.

Максим чышкис ньылөдөм өчкисё да казяліс пызан сайысь пуджөм соска гудырруд свитера мужичөйөс. Мужичөйлөн тошкыс джынвийө едждөма, сідзкө, абу нин том.

– Чолөм, – шыасис мужичөй. – Пөрччы көтасьөм паськөмтө, өшөд пач бокас.

Максим чуймис, мый мужичөйыс весиг эз юав, коді сійө, мый тані воштис, ылі вөрас. Том морт пөрччис ва паськөмсө, мөдіс пыдзравны. Но мужичөй шуис, мый пыдзравтөгыс косьмас, пачыс яра лонтысьө да. Сійө сетіс Максимлы гөна шебрас, тшөктіс гартовтчыны да пуксьыны пызан сайө.

Пызан сайын пукалігмоз Максим видзөдаліс керка пытшкөссө. Ошинь отар-мөдар бокьясас вөлі нар. Öдзөссияныс шуйгавыв вөлі көрт пач, веськыдывыв – тувьяс, кытчө өшөдөма ноп да пицаль. Лабич вылын куйліс чукчи, буракө, шедөма талун лэчкас.

Мужичөй пуксис пызан сайө Максимлы воча да нюжөдіс кисё:

– Менө шүөны Владимир Степановичөн, Степан Володь.

– Максим, – том морт кыпөдчыштис, сетіс кисё.

– Кодлөн нө тэ?

– Олөглөн пиыс, Чупровлөн.

– А-а, кывлі.

Степан Володь чеччис пызан сайысь, босьтіс пач вылысь кастрюля да пуктіс Максим водзө.

– Сөйышт. Татшөм кынмөм бөрад колө сөйны, – Степан Володь кызөктіс, нюжөдчис сигарет пачкалань, коді куйліс ошинь бокрын, кыкис өти сигарет да өзтысис сиськөн.

– Тян мыйкө пемьд, менам пөнарик эм нопьям, – шуис Максим да мөдіс сувтны.

– Нинөм югыдсьыс, кастрюлясө кө аддзан – сөйны поэь.

Максим азыма паняліс макаронсё. Өшинё таркөдіс зэр, дзуртісны пуяс. Пачын трачкис. Пызан вылын точкис часі. Он и висьтав, мый кызь өтиөд нэмын мортыс олё.

Бим нюскис өдзёс сайын, кымёма. Степан Володь лэдзис тшын да чеччис пызан сайысь. Дзуркнитіс өдзёс, керкаё өвтыштіс көдзыд ру. Пос кузя кыліс гыжъяс татшөдөм, пырис Бим. Пон пыркнитіс гөн вывсьыс зэр тусьяссё да водіс пач бокё. Сійё пунктіс юрсё водз лапа вылас, сьёкыда лолыштіс да пондіс вугравны.

– Кыдз нё татчө веськаліл? – недыр мысти юаліс Степан Володь.

– Вөравны муні. Интернетсыйс видзөдлі мунтөдз, зэрсё абу вөлі гижёма. Төді кө, эг мун.

– Асывнас, гашкё, дугдас, өтлаын бөрсё мунам, мед он вош. Тыдалё, медводдзаясь на татчө локтөмыд?

– Медводдзаясь, – нюмьёвтис Максим да чышкис өчкисё. Степан Володь кусөдіс сигаретсё, лөсьөдыштис кузь юрсисё.

– Да-а, коркё татшөм жё томён вөлі, кытчө сөмын эг веськавлы. А өні квайтымын нин матыстчө.

– Ті менам батьөкөд, позьё висьтавны, өтйөзаось****, – шуис Максим.

– Батьө ме төда тэнсьыд. Сөмын гежөда веськавлө ськөд аддзысьнысё, век вөрын ме.

– Батьө томнас век жё вөрын овліс. Татчө ме локті, сы вөсна мый батьө шуис, пөткаыс пё тані уна.

– А батьыд эз шу, мый Ош шор бокас менам лэч туй? А лэч туй бокас вөравны оз позь.

– Эз шу. Сійё меным гежөда висьтавлө вөралөм йывсьыс. Кыйсьыны велөдіс – тайё главнөйыс.

Бара чөв усьлісны здук кежлө.

– А ті өд тшөкыда вөрас, да кутшөмкө вөвлөмторъяс тиян вөлісны та мында онас?

– Дерт, мыйыс сөмын эз вөв... Ставсё пөмнита, мый дзолясянь вөрас аддзывлі-кывлі. Татшөмсө он вунөд.

– Висьтыштөй меным, абу кө дыш. Зэв нин окота кывзыштны татшөм мортсянь вөр йылысь. Арся рытыс кузь, – висьталіс Максим да юрнас индіс өшиньян.

– Окота кө, мыйла нё ог висьтышт? Көть морт сюрис, кодкөд сёрнитыштны вөр-ва йылысь позьё.

СЬӨЛАЯСКӨД ТӨДМАСЬӨМ

– Сьөлаяскөд ме төдмаси дас нель арөсөн. Батьө тшөкыда висьтавліс тайё нейджыд пөтка йывсьыс. Вотчигөн кывлі мичаник чипсөм ольхаяс костын. Сэки батьө меным и шуис, мый тайё сьөла. Тайё пөткаыслөн гөлөсыс ёна торьяліс вөрас олысьясысь, сійөс ылөдз кылан. Сьөлаыс зэв пеля, синма. Бура кө кужан шутьлявнытө, думайтас, мый тэ – сьөла, да и локтас. Мукөддырйи локтас лыйөм ылнаө, сэки и позьё сійөс кыйны. Сөмын дзоляник, но тайё и бурджык – окотапырысьджык кыйсян.

Яйыс сьөлаыслөн чөскыд, чөд көра. И еджыд, быттё куричалөн. Некутшөм пөткәлөн сэсса еджыд яйыс абу. Сьөла шыдыс сетө вын, вермө висьөмысь кыскыны. Тайё ставсө мен батьө сэки и висьталіс.

Дыр ме вөзйыси ськөд мунны вөрө, көть сьөла вылас, гашкө, матысяньджык видзөдлыны. Батьө эськө сьөласө эз кыйлы, сөмын мунігмозыс кө веськалас, сэки лыяс. Но висьталіс, водз на пё тэныд вөравнысё, эштан на. И сэки ме шуи төдмавны сьөлаыслысь сямсө, прөстө гуляйтігмоз ветлавны ягө, видзөдны вөрас олысьяс вылө, тшөтш сьөлаяс вылө. Шутьлявны ме эг лөсьыда куж, та вөсна чипсан вөчи. Босыті нейджыд трубка, лөсалі дзоляник мембрана да суйи трубка пытшкас. Лоис сьөла чипсан.

Тайо чипсаннас ме муні матысса вөрө. Вөлі тулыс. Гөгөр куйліс косьмөм турун, увтас местаясас тайо туруныс вөлі пемыдджык рөма – ва на. Гөгөр сьылөны джиджъяс, лэбалөны тытчө-татчө. Мун да аддзы на костысь сьоласө, видлы та мында сьылөм костысь төдмавын вөсныдык чипсалөмсө сьолалысь! Батьо висьталіс, мый тулыснас сьолаыс бура шыась да локтө, но кыйнысө сэки сійөс оз позь. Сьолаясыс гозйөн пиянсө быдтөны, вежласьөмөн пукалөны поз вылас, та вөсна ай сьоласө оз позь кыйны тулысын. А тарсө да чукчисө мукөддырйи кыйлывлөны тулыснас, но сөмын айсө, кор койтө. Тар да чукчи оз быдтыны челядсьө, найө тулыс помасигас пырасны пемыд вөрө вежны гөнсө, а көнтаръяс да дозмөръяс асьныс быдтөны пөткапиянсө. Но өні сёрнитам огө на йылысь, а сьола йылысь.

Локті ме ольха рас бокө да заводиті шутьлявны. Батьо висьтавліс, сьолаясыс пө ольхасө радейтөны. Шутьлялі эг лөсьыда, сы вөсна мый некимынысь и кывлі, кызди сьолаыс чипсө. Но недыр мысти кодкө шыасис. Мыйлакө пыр жө төдмалі, мый тайо сьола, абу кутшөмкө мөд джидж. Буракө, паметям кольөма сьылөн мича чипсөмыс. Ме бура кывзі, кызди сійө чипсө, заводиті сы моз жө. Сьолаыс шочиника шыасьліс воча, ме вөлі зэв рад, мый сійө ылаліс. Кыліс лэбөм шы – дзык юр весьтам, пу вылө пуксис сьола. Юрыс яра бергаліс, нырыс вөрис. Сійө мыйкө «булькайтіс», быттө ватшкис, мый кодкө сылысь шойччөмсө торкис. Син весьтас вөлі гөрд визь, сьөд тошка. Сідзкө, тайө – ай сьола. Батьо шуліс, мамыслөн пө тош абу, а став батыслөн мича сьөд тош.

Сьолаыс менө аддзис, гораа жбыркнитөмөн лэбис раскас бөр. Буракө, и збыль синма. Ме дзебси куст сайө, сувті өти пидзөс вылам да заводиті водзө кывзыны. Пидзөсө здук мысти көтасис тувсовъя муас, но ме быттө эг и казьявлы. Недыр мысти локтісны куим сьола, найө эз сөмын лэбавны, но и котралісны подөн, гораа шарөдчөмөн вөрөдісны дженьыд кокнаыс. А котөртігас юрсө нүжөдлісны водзвылө, быттө куричаяс. Ме казьялі, мый сьолаыслөн унатор өткодь куричаяскөд, буракө, коркө важөн өти куричаысь петавлөмаөсь, кызди морт да өблезяна. Ме пукалі куст сайын, менө тірөдіс. Көнкө, сөнъясын вирөй өддзыліс, медводдзаысь аддзи сьолаяссө татшөм матысянь да, быдсөн синьяссө аддзи – сьөд мольяс.

Тадзи ме ветлалі унаысь. Унатор төдмалі сьолаяс йылась. Шуам, зэра поводдяө найө пөшти оз чипсавны. Но мунан кө ягө зэрөм бөрын, да нөшта кө шөнді петас зэр бөрад – сьоласө быть аддзылан. Казьялі нөшта, мый медводдза арся лым усьөм бөрын, кор вөрыс вевттысьө еджыд эшкынөн, сьоласө зэв гежөда аддзылан. Буракө, лым усьөмыс налы зэв ыджыд стресс.

Төдмалі нөшта, мый сьолаяс олоны ольха, пельысь, бадь да кызд пуяс дорын – сэні налөн сёяныс – гар. Но колө, мед костаныс вөліны и пашкыр козьяс: сэні сьолаяс дзебсясьөны кырнышъясысь, варышъясысь да мукөд хищникысь.

Тайө ветлалөмъясыс велөдісны менө унаторйө. Кор медводдзаысь босьті киам пицаль, төді пөшти ставсө сьолаяс йылысь, төді, кызд найөс кыйны. Колис сөмын лыйны.

МЕДВОДДЗА ПӨТКА

Степан Володь бара нүжөдчис сигарет пачкалань. Сэсса сьөкыда сувтіс, локтіс пач дорө. Киас босьтіс неыджыд кызд чурка, осьтіс пач пөдансө. Бим вөлі унмовсьөма нин, повзьөмөн кыпөдіс юрсө.

– Узь водзө, узь. Ме пачсө лөдсала, тэнө ог вөрөд.

Степан Володь неуна гудрыштіс пачсө чурканас, сэсса шыбитіс пытшкас. Пыркнитіс

кисö, лэдзис вомсыс тшын да пуксис бөр пызан сайö.

– Сійö жö воас ме лыйи ассым медводдза пöткаöс. Тайö вöли, дерт, сьöла. Но сы водзын ме тулыснас медводдзавыс лыйи пищальыс пасö. Пукалим видз вылын, дзодзöг кыйим. Вöли Победа лун, сээ, лёнь. А сэтшöм поводдянас дзодзöг вылітэ лэбö, мукöддырйи кымöръяс вывтыс. Вот сэки дзодзöгъясыс вылітэ лэбисны. Карны нинöм. Батьö шуис, праздник лунö колö пö лэдзны салют. Пуктіс чурка метра комын ылнаö. Сетіс пищаль: «Лый пасас». Ме босьтэ пищальсö киам. Но лыйнысö вöли пола, оз-ö менö дзенгöмнас ну кытчöкö. Батьö шуис: «Эн пов, лый. Некытчö оз ну, абу нин дзöля». Метитчи да курöксö пезьдöді.

Дзенгис эз и ёна, сöмын тай веськыд пелям кутіс зінгыны. Сэки жö медводдзавыс кылі порок дуксö, да сэтшöм чöскыдөн меным сійö кажитчис. Öнi пыр на быд лыйöм бöрын кыпыда лолышта, мед апыштны тайö дуксö. Пасас вöли веськалöма квайт дрöб тусь.

Арнас нин урокъяс бöрын ветлі матысса вөрö, сэнi олісны сьöляяс. Казялі, мый сьöляясыс олöны пöшти став олöмсö öти местаын. И вот тайö сьöляясыс сэнi дыр нин олісны. Сэки зэв бура и локтісны шутьялöм вылö. Мися, колö батьöс корлыны, кöть öти сьöла кыям. Лэччи гортö, öдва верми батьöс корны пищальнас. Буракö, мудзöма вöли удж бöрас. Но мöдіс мекöд.

Локтім места вылö. Шутёвті öтпыр, сьöлаыс сэк жö и локтіс, лэбыштіс да пуксис матысса кыз вылö. «Эн тэрмась, бура метитчы», – шуис батьö. Ме босьтэ сьöласö мет вылö. Гым!.. Сьöла шумукысис-усис му вылö. Тайö вöли менам медводдза пöтка.

Сэки ме уна места тöді, кöні олісны сьöляяс. Быть лöö тöдны, пищальтöг кöні сöмын эг уявлы. И батьöс сійö жö лунас нуöді мöд местаö. Бара жö пöшти сразу локтіс сьöла. Но öнi ме эг нин веськав. Буракö, мөвпалі, мый ставыс кокни лоас, кыз дз медводдза лыйöмыс. Но сьöла лэзис, ни öти дрöб тусь сылы эз веськав. Гашкö, и бур вылö.

ЛЕШАК

– Батьöкöд тшöкыда вуджавлім мöдлапöлö утка кыйны. Миян сиктыс, ачыл, Максим, тöдан, круг берег вылын паськöдчöма, тыясыс сöмын сикт кывтыдас эмöсь, визув кузя улынджык. А сэтчö ми батьöкöд эг радейтöй ветлавысö, сы вöсна мый уна йöз сэнi вöралöны, чери кыйöны, вотчöны, походасьöны.

И ми батьöкöд вуджавлім мöдлапöлö, сэнi спокой, сöмын ми да вөр-ва. Эм нейджыд ты, дзик сикт весьтас, ю вомöныс кö видзöдны. И со тайö ты вылас уткаыс пыр бергавлö, торъя нин арнас.

Öти лунö, сентябрыс, ми батьöкöд мунім вöравны. Кыйим сэки вит кымын утка. Вöли шо-ныдкодь, петіс геб, лолыштнысö весиг эз сет. Но лыйнысö артмис. Кор уткаыс лэбалö, сэки веськодь ном-геб вылö.

Заводитіс рöмдыны, сідз эськö пемдытöдз пукавлам вöли, но сійö лунас пöнариксö гортö вунöдім. Батьö муніс водзджык пыж дорас, мед моторсö эштыны заводитны, меным висьталіс, кызь минут мысти пö лок. Сэки пыж моторыд важъя на вöли, «Ветерокöн», «Вихрöн», «Москваöн» ветлавлісны. Öнi быдсяма «Ямахаыс» здукöн заводитчö, а сэки заводиттöдзыс пернапасасисны йöзыс.

Дзикöдз пемдіс. Утка дугдіс лэбавны. Да кöть и лэбаліс, сёровно он аддзы ва вывьсыс. Ме босьтэ пищальсö пельпом вылö да понді мунны берег дорö ордым кузя. Нинöм оз тыдав, сöмын кыла, мый кокö чорыл вылö тувччалö, а оз кузь турун вылö, и муна. Другыс бергöді юрöс баддя раслань, и сьöлöмö топаліс – кöнкö водзын, пемыл рас костас, югъяліс кык син. Мыш кузя визнитіс йирмөг. Кыясö кулисны пищальсö пельпом вылыс – колö

луйны, өд тайё лешак! Но сэки мөвпышти: «А друг сійё ранитчас, да ещö на скөр лоас? Сэки дзик нин парсалас менö».

Мый вынысь котөрті пыжлань, матын нин вöлі. Усьла, бара сувта, бара крукася. «Батьöө, сэні лешак! Ме вылö видзöдіс бадь сайсяньыс!» Но батьö сöмын серöктіс: «Пыр öдйöджык пыжас, сідз нин сёрмим».

Мöд лунас пыж дорас мунім öтлаын. Местасö, көні аддзылі лешаксö, тöд вылын куті. И со ми локтім сэтчö. Вöлі югыдджык тöрытьяысь. Ме полöмөн бергöді юрöс. Но лешак синьяс пыдди аддзи, кыдзи бадь костöд югьялісны сиктас пöнарьяс. Весиг керка вевтьясы тыдалісны. Со кутшöм лешакыдлөн синьясыс – пöнарьяс.

ПЕНОПЛАСТ ДА УТКА

– Кор быдымшті, армия бöрын куті вöрас ветлавны тшöкыда. Гортö, позьö висьтавны, эг и волев. Ёртöкөд кыті сöмын эг кытшовтöй. Томöсь вöлім, мудзöм эг тöдлöй.

Коркө тулысын мунім кыйны утка. Ме пуысь чучелаяс лöсавлі, мед уткаыс ылалис на вылö, думайтіс, мый збыльнöй уткаяс. Вöчим нейджыд чом, пуксим. Гөгөр ва, видзсö ыджыд ванас босьтіс. А ми резина брöдниөн пукалам, кокным изöймитіс. Сійөн, гашкö, öні ставыс висьö, кор пöрысьми.

Уткаыс уна лэбалö, шötö мян чом весьтті. Но ни öти оз пуксьы. Ог тöд мыйла, гашкö, мянöс аддзöны, гашкö, чучелаясыс абуджык на кодьöсь, а лыйнысö он лый – выліті лэбöны. Дыр пукалім-сьöласим. Ёртöй, Гриша, висьталіс, мый куш белöбöкьяс лэбалöны. Ме эг и казав, а сійö ок и синма вöлі! Видзöдлі, и збыль – куш белöбöкьяс. Рочөн кө – чернеть, а мян белöбöкөн шуöны вöлі. Ме ог тöд, мыйла куш тайё уткаыс лэбаліс. Гашкö, сійö лунас ыджыд чукөрөн локтісны мян дорö.

Юраным воис мөвп. Пыжаным вöлі еджыд пенопласт. Ми сійöс чеглалім некымын пельö. Артмис утка ыджда кымын торьяс. На дорö көрталыштім гез, а гез помас мотор ключьяс, запчасьтяс. Тайöс вöчим, мед тöлыс эз ну пенопластсö.

Тайö пенопласт торьяссö чөвтім ваас, пондім виччысьны. Некымын минут мысти пуксисны медводдза белöбöкьяс. Лыйим. Куимөн колисны чукöрсьыс. Ёна и чуймим! Уткаыс збыль мөвпаліс, мый тайö налөн ёртяс. Сэки дасöс кымын Гришакöд лыйим.

Важөн, менам томдырйи, уткаыс эз сэтшöм полысь вöv. Чиракыс быд гөптö польснитчас-пуксяс, уткаыс лыйöм ылнаö лэдзас. Со весиг пенопласт дорö локтас, думайтас, мый ёртыс. А öні быд ув ратшнитöмысь лэбзьöны, ог тöд мыйла.

ПУЛЯ

Степан Володь сьöкыда лолыштіс. Пуктіс гыррдзаяссö пызан вылö, малыштіс чорыд тошсö. Пач трачкөдчис, зэр сідз жö сяркөдіс öшиньö. Степан Володь бергöдіс юрсö Бимлань. Пон чöскыда узис, шойччис сьöкыд туй бöрын.

– Менам, кыдзи став вöралысьлөн, вöлі пон. Ок и бур вöлі! Пуля нима. Ме сійö босьті тöдса мужиклысь, сылөн понйыс зэв бура вöлі пötка-зверсö увтö, вернöй пон. Да и öти тулысö сылөн понйыс пияліс. А, висьтавлöны, бур бать-мамлөн и кычаныс лöсьыд лоас. Ме и босьті сылысь. Эг думайт, мый сэтшöм пон менам лоас, бытьö морт.

Уткасö кыйигөн вöлі ме водзын мунö, кор ты боктыс турун костті восьлала. Пуля муныштас, сэсся бөр кок йылас сувтлас, мед видзöдлыны, эм абу уткаыс ты вылас. Тадзи сувт-

лас, сы вöсна мый кузь туруныс оз сет бура видзöднысö. Сэсся бөр нель кок вылас лэччас да водзö мунö. Збыль, морт кодь.

Коркö пукалі ты вылын, рöмдö нин вöлі. Лыйи утка, понйыс муніс вайны. Уткасö вайис, коліс бокам, бара муніс. Ме шуи сылы: «Кытчö мунін? Лок гортö мöдам!» Недыр мысти мöд утка нин вöлі ме бокин. Бара муніс. И тадзи Пуля вайис сизим утка. Буракö, асывнас вöралысьяс лыйлöмаöсь, да доймöм уткаясыс лэбöмаöсь да пуксьöмаöсь ты вылас. А сэсся нин кулöмаöсь дойяссьыс. Сэки ме ёна шензи, кызди Пуля вермис та мында уткасö аддзыны ты вывсьыс да вайны.

Эз сöмын вöрын Пуля бур понйөн вöv, но и гортын. Коркö менам пиö ворсіс-ышмис ёртыскöд. Найö бертчисны турун вылын. А кор Пуля аддзис, мый ёртыс бертіс пиöс, сэки уськöдчис детина вылö. Бур, мый эз курччы, матын вöлі да, кыски сэтысь. Сэки Пуля петкöдліс, мый вермас дорйыны кöзьяинсö. Думайтöма, мый пиöс збыльысь нöйтöны.

Некор эз кольлы ягын менö Пуля. Пыр вöлі отсалас, кывзысьяс. Сöмын кор нин пöрысьмис, эз кут кывны. Буракö, уна сунласис ваас уткаяс бöрсянныс, да пельыс дугдіс кывнысö. Ты вылас вöлі петам, аддза, мый уткаяс пукалöны. Кора понйöс: «Пуля, ме дорö! Бөрö!» Но Пуля эз кыв, чуйдас став уткасö, лыйнысö весиг ог эшты.

А сэсся и аддзыны эз кут. Оліс керка дорын, пöшти некытчö эз и ветлав. А сэсся и кокыс эз кут новлöдлыны. Сідз жö нöжөн мортыс пöрысьмö, весиг ачыс оз казаяв, кызди олöмыс лэбыштöма. Öти войö Пуля кувсис. Оліс сійö пöшти кызь во. Сы бöрын меным некутшöм пон оз ков, öтнам ветлала.

НЯНЬ ДА СОВ

– Сьöласö ме радейті кыйны. Да и öні радейта пыр на. Зэв тölка тайö пöткайс. Думыштыны кö, быттö весиг патронсö жаль тайö дзoляник джидж вылас, но кутшöма жö асьтö пыдди пуктан, кор веськалан, да нöшта кö ылысьянь.

Коркö садьми асывнас, ар вöлі, а став пуыс вевттьысьöма еджыд лымйөн. Видзöдлі ю вылö – сэнi сэтшöм жö мича: мöдлапöлын пуясыс еджыдöсь, а юыс кельыдлöз рöма. Дыр мöвпалі, ветлыны али абу вөрö. Сэсся босьті пищальсö пельпом вылö да муні.

Татшöм поводдянас сьöлаыс чöла пукалö пуяс улын. Весиг боктыс кö муна, вермас не лэбзыны. А шутьялöм йылысь ог нин шу. Тадзи вöлі и талун. Муна, муна лым кузя, а некодöс ог и аддзы. Но, мися, кöть поводдянас нимкодяся да мича пуяс вылö видзöдла.

Муні верст нель. Пукси мыр вылö, кыски нопсьым термос да преник. Пищальсö коли метра куим ылнаын, ыджыд пашкыр коз бокö сувтöді. Чайыс вöрас кык пöv чöскыдджык, а преникыс кык пöv юмовджык. Пукала, чöсмася.

Другыс кыліс шпоркнитöм. Кыпöді юрöс – пу йылас пукалö сьöла. А ме чайсö ютöдз некымынысь шутөвті, мися, гашкö, кыласны. И збыль, тайö рöзбойникыс кылöма.

Пукалö, бöжнас равновесиесö кутö, юрсö бергöдлö. Сэсся сьуйис юрсö тушаас, чатöртчис да заводитіс чипсыны. Эг чайтлы, мый татшöм гораа найö шутьялöны, весиг пельö висьмис.

Ме пукті термос вевтсö, кытчö вöлі кисьтöма пöсь чай, вом тырнам заводиті нуюдчыны пищальянь. А вöлі шы ни тöv. Дерт, менö кыліс дзoля шутьялысьыд да тьувгис-лэбис. Нинöм он вöч, татшöм и эм вöралöмыс.

Думыштыны кö, кымын воськов нин вöчи, кымын муні, да некод эз шыась, весиг эз лэбзыыв. А öні, кор пукси чай юны, – юр вылö пöшти пуксис. Сэсся ветлöдлі-шöйтi вөр кузя, некодöс эг аддзыв. Со тай кызд овлö!

ЧАСІ ТЫ

Зэрыс дугдіс сяркөдны өшиньө. Но вермас лоны, зэрөм пыдди пондіс лызйыны. Пачын тратшкөдчис пес, Бим водзө узис. Степан Володь сувтіс, босьтіс пач вылысь кастрюля да пуктіс пон бокө.

– Сэй. Небось тшыгьялін?

– Владимир Степанович, кастрюлясө абу жаль?

– Мый нө жалыс? Пон вед, абу висысь руч. Ручыс кор дуран висьөмөн висьө, сэки сы дорө весиг матыстчыны оз ков, а понйыс, позьө висьтавыны, сэтшөм жө морт.

Бим азыма сэйис шоньд макаронсө. Степан Володь пуксис пызан сайө.

– Владимир Степанович, а мый, сөмын вөравлінныд? Черисө эн кыйлөй?

– Кыйлім. Зэв уна чериыс важөн вөлі. Позис өти луннас кыйны сы мында, мый вобыд верман сэйны. Ёна тулыснас кулөмасьлім Часі ты вылын. Тайө тыыс нейджыд, но чериыс быд во вөлі кольччө төвйыны ыджыд ва бөрас.

Коркө мунім Гришакөд сэтчө кулөмөн кыйсыны, пыж вывсянь. Ме сына, Гриша кыйө.

А мунтөдз сійө петкөдліс ассыс часісө, батыслы козьналомөось Победа лун юбилей кежлө, а батыс абу и новлөма. Со Гриша и пасьталөма. Мича, көрт brasлета, югьялө.

Чериыс кулөмас уна вөлі шедөма, веглясьоны, пысасьөмаось кулөм син костас да. Коліс уна мынтөдавыны кулөмсыыс. И виччысьтөг brasлетыслөн застёжкаыс пысасис кулөмас, и бульк... усис.

Нинөм он вөч, часі ты пыдөсын. Местасө пасйим шайтөн. Мөд лунас локтім бара тайө ты вылас, аскөд босьтім ыджыдкөдь магнит. Көрталім магнит дорас гез, мөд помсө кийн кутам. Новлөдлім-новлөдлім ты пыдөсті магнитсө – нинөм эз сибды. Буракө, нуйт костас пырис часыыс ты пыдөсас, мун да корсь сійөс.

Та бөрын тысө нимтім Часі тыөн. Да и өні ставныс сійөс тадзи шуоны. А мыйла тадзи шулөмаось, этшаөн төдөны...

«ЛЕДОКОЛЬЯС»

– Тулыснас пыр виччысим ыджыд васө, мед ветлыны мөдлапөлө утка кыйны. Ыджыд ванас вөрсө тшөтш босьтө, и муннысө позьө, кыті төдан, мед сөмын бензиныд вөлі.

Печора ю вылын йиыс кылаліс, коліс сөмын быг берег дорас. Вөлі субөта. Ми Гришакөд өдйө лэдзим пыж да вуджим мөдлапөлас. А сәні кутшөм гажа! Джиджяс сьылөны, утка лэбалө. Ывлаыс лөнь. Думайтім, мөд лунас бөр локтам, но лоис эз сідз. Мөдлапөлас эм ыджыд видз, сійөс сэки пөшти дзоньнас вөлі ваыс босьтөма. Но дітор кольөма. Сэтчө и сувтім рытнас. Лунтырнас некемын утка лыйим, пестім бипур, пузьөдім чай.

Татшөм тувсовья воясыс гажаось – ном абу на, шоньд, югыд. Ньөжөн ми вугыртім, а джиджяслөн сьылөмыс миянөс лелькуйтіс.

Садьмим Гришакөд гора шыыс, быттө пуяс ратшкакылісны. Чеччим, первөй думайтім, мый ош. Но гөгөр вөлі ва, быттө море, ошкыслы тані нинөм карнысө. Шыыс локтіс юсянь. Мөдөдчим видзөдлыны, мый сәні.

Нейджыд прөсекті мунім вадорө да чуймим: ю кузя кывтіс тшем йи. Тайө петіс Уса.

Уса юыс петө Печора вылө. Мукөддырйи Уса да Печора юясыс петөны өттшөтш, но таво найө петісны торйөн. Та сьөкта йисө нуөмсыыс юыс и рутшкис. Мый карны?

Мунім бөр асланым лагерө, колө виччысыны. Гортса сөян өдйө бырис. Утка кындзи нинөм эз коль. Весиг вед сов эг босьтөй, уткаыс совтөгыс абу чөскыд. Но овны кө мөдан, ставсө сөян. Быттө назлө, уткаыс дугдіс лэбавны и, воштысис кытчөкө.

Мөд асывнас сөйим бөръя чираксо, ставыс вөлі куим. Горда кө вөлі – бара жө гырысь-джык, а чиракыслысь весиг нинөм сөйнысө.

Шуим ветлыны вадорө. Йиыс лоөма гежөдджык, буракө, кутшөмкө оттөмджык местаын кутөма йисө. И ми лысьтөдчим. Быттьө ледокольяс, муним пыжнас йи костті. Юраным өтитор: «Медым сөмын моторыс эз кус». Коньөр «Казанканым» тшуклас топыд йиө, сьөлөмыд гудыртчылас, бара мунам. Пыж бокъясас, быттьө васаясыс, петөны джуджыд васыс йи пластъяс. И со берегыс! Кутшөм жө кокни лои сьөлөм выланым! Ми гортын. Повны нинөмысь.

ГӨРЕ-РЫБАКЪЯС

– Шоныд гожа рытө ми батьөкөд муним кыйсыны донкаөн. Татшөм кыйсьөмсө ме радейті – пукалан, ю весьтын гөвкъялө ру, чөв. Донканас ми батьөкөд кыйсьылим пыжсянь.

Кор воөдчим асланым кыйсян местаөдз, аддзим, мый черыис өна чеччалө васыс, куталө бобувъясөс. Сідзкө, бура вермас шедны.

Сідз и лоис. Сөмын на чөвтам грузсө ваас, гырысь черыис пырысьтөм-пыр и кутас летны жилкасө. Шедісны ыджыд сынъяс, быттьө порсьяс, югъялысь сьөма кельчи, матрос-өкышъяс.

Став черисө ми тэчим садөкө. Сійө вөлі көрт асыка, синъясыс капрон гезйысь, а судтаыс метра мында. Тайө садөксө ми пыр босьтлім сьөрысь черисө кыйны. Кутшөм сөмын чери тайө садөкыс эз аддзыв: вына комъяс, ёсь пиня сиръяс, нильөг налимъяс. Со и талун сійө лоис миян өртөн.

Кыйсим эг дыр, но садөкыс өдйө тырис. Посни черисө лэдзалим, гырысьсө босьтім.

«Но мый, кыскы сэсса садөксө, видзөдлам, кымын кыйим», – шуис батьө донкасө гартігмоз. Ме босьті садөк помсө, кыпөді. И кыла, мый садөкыс кокняммө. Видзөдам, а ваас өти бөрся мөд пырөны миян сынъяс, кельчияс... И кыкнанным, быттьө баздім, сулалам да видзөдам тайө серпас вылас.

Пыжас ме кыпөді нин тыртөм садөк. Пыдөсыс вөлі рай-рай восьса, сы вөсна мый гезйыс разьсьөма. Вот эг думыштөй видзөдлыны кыйсьытөдзьясы! Но нинөм он кар. Гортө муним тыртөг. Миян кияссянь өвтис чери дукөн, нидзув бырис, ставсө видзим – а чери абу. Артмис, кызди өні телевизорас петкөдлөны, мый став черисө бөр лэдзөны. Позьө шуны, ми сэки батьөкөд вөлім «рыбак-любительяс», ни өти чери эз доймы.

ӨТИ ЗДУК

Сись водзө өзйис, эз мөд кусны. Степан Володь босьтіс пач вылысь чайник, кисьтіс аслыс да Максимлы. Максим төдмаліс, мый тайө заваритөма пакула. Мукөддырйи батьыскөд вайлісны гортас вөрысь тайө заваркасө.

– Олөмыс, Максим, быттьө пуля. Өти здукөн лэбыштас, он и казьявлы. Менам өтчюд тадзи вөлі: өти здук кө нөшта – и олөм помасис. Сөмын абу менам, а Гришалөн.

Ваыс вөлі ыджыд, сөмын на заводитіс ямын тувсовъя сывлөм бөрын, да берегыс мыччысьыштіс. Муним вуграсьны. Гриша муніс пыжөн, сы вөсна мый берегыс мукөд местаас эз на пет. А ме муні креж вывті подөн да лэччи ва дорас.

Гриша сувтіс берөгө, кыскыштіс пыжсө, заводитіс вуграсьны. Ме сысыс вөлі метра ветымын ылнаын. Шедіс эз лөка. Гожөмын кө тадзи шедіс, висьталі, мый лөка. Но тулысын, ыджыд ва дырйи, татшөм шедөмыс зэв бур.

Гриша горѳдчис, корѳ истѳг. Ме коли шатинсѳ берегѳ, кыски зептысь истѳг кѳрѳб да мѳдѳ сылы вѳча. Сетѳ, заводитѳ мунны бѳр небыд сѳйѳд берек кузя. Мышкам кыліс рутш-ратш, изъяслѳн трачкѳдчѳм. Бергѳдчи да аддзи, кыдзи крежыслѳн ыджыд пласт исковтѳ ва дѳрѳ. А сы улын сулалѳ Гриша. Ме быттьѳ гѳлѳсѳс воштѳ, ог тѳд, мый вѳчны. Бур, Гриша гѳгѳрвоис ѳдѳйѳ тойыштны пыжсѳ да чеччыштны сы пытшкѳ. Сѳйѳд муыс пуяскѳд ѳттшѳтш зымгысис-усис ваѳ.

Креж вылас эм ордым. Буракѳ, сѳтчѳ чукѳрмѳма сыв ваыс да поткѳдѳма небыд мусѳ.

Ѳнѳ на тайѳ ыджыд сѳй пластыс сѳнѳ куйлѳ. Сѳтчѳ петалѳмаѳсь нин ѳльха пуяс, быдмѳ оз. Но некод оз тѳд, мый тайѳ пластыс вермис менсьым ѳртѳс нярны. Бур, пыжсѳ абу вѳлі якѳритѳма. Сѳки, гашкѳ, Гриша сѳтчѳ и колис эськѳ.

РѳЗБОЙНИЧАЯС

Ывлаын югдѳс. Колис кузь вой. Максим эз и казявлы, кыдзи кусѳс пач, кыдзи пызан вылѳ усисны асья шондѳ югѳрѳяс.

– Ну вот. Сѳйѳим, чай юим, сѳрнитыштѳм – позьѳ и мѳдѳдчыны, – сувтѳс Степан Володь.

– Гашкѳ, узыыштны мѳдѳнныд-а?..

– Гортын узя. Кѳть ѳрт вылѳ волѳн, да бура сѳрнитыштѳм. Том олѳмѳс казъышті. Мун пасътась, косьмис пасъкѳмыд.

Степан Володь восьтѳс ѳдзѳссѳ. Бим нюжмасигмоз петѳс шоныд керкаысь. Мужикъяс пасътасисны, чукѳртѳсны леснысѳ*****. Чукчѳсѳ Степан Володь сѳйѳис нопъяс.

– Пасибѳ, керка, шонтѳн миянѳс, – ѳдзѳссѳ сѳптѳгмоз шуис Степан Володь. Вѳча шыасисны енѳжын кык рака.

– Тшѳтш миянѳс кольѳѳдѳны, – серѳктѳс Максим да лѳсьѳдыштіс ѳчкисѳ.

– У, рѳзбойничаяс, – петкѳдліс налы ыджыд кабырсѳ Степан Володь, – тайѳ медлѳк лѳбачьясыс.

– Мыйла нѳ? – мунѳгмозыс юалѳс Максим.

– Коркѳ Гришакѳд мунѳм куръя вылѳ вуграсьны. Сувтѳм первѳй ѳти местаѳ. Шоныд вѳлі, поводдя бур. Черѳиыс шедѳс. А сѳссия другысь кѳрталѳс – ни ѳти весѳг оз дѳбѳд. Буракѳ, сѳр локтѳс найѳс войлѳдлыны. Ми Гришакѳд нетшким турун да вевтѳтим асьыным черѳи чукѳрѳяссѳ. А мыйла вевтѳтим? Пу вылын, ылынкодъ, пукалісны кык рака. Да ми и думыштѳм, мый вевтѳтам кѳ, оз локны.

Мунѳм мѳд местаѳ кыйсьыны, ты вылѳ нин. Локтѳм час мысти, а менам черѳи чукѳрысь ус ни дус абу кольѳма. Став турунсѳ пуркѳшитѳмаѳсь, черѳисѳ новлѳмаѳсь. А Гриша чукѳрысь сѳмын ѳти черѳилысь сювсѳ кыскѳмаѳсь-кокалѳмаѳсь. Вылын кыліс кравзѳм: «Каррр, каррр!» Гриша шуис сералѳгмоз: «Тѳнад, буракѳ, чѳскыдджык черѳид вѳлѳма!»

БѳРКЫВ

Максим да Степан Володь восьлалѳсны ордымтѳ. Степан Володь неуна чѳтыштѳс. Другысь сѳйѳѳ юалѳс Максимлысь:

– Батьыд ме йылысь нинѳм эз висътавлы?

– Эз. Гашкѳ, оз тѳд тѳянѳс да?

– Тѳдѳ...

Локтѳсны шѳр бокѳ. Тайѳ Ош шѳр, сѳйѳс Максим ѳнѳ век кежлѳ юрвежас коляс. Шѳр

вомоһныс усьома кыз пу. Но пуыс увйома да мичаника лөсалома вылысяньыс, мед кок улад вөлі веськыд веркөс, топ пос. Весиг Бим эз повззы вуджнысө!

Дыркодь найо мунисны, но эз и сёрнитны ёнасө. Да и мый йылысь? Войнас унакодь нин больгисны. Енэжті кывтісны еджгов кымөр чирьяс...

– Олег! Примит питө! – горөдчис Степан Володь.

Максимлөн батыс вөлі тэчө пес. Горөдчөм вылас бергөдчис, сэсся чөвтис кисьыс пессө да гырысь воськолөн мунис потшөслань:

– Кытчө вошин? Ми мамыдкөд мый сөмын эг думайтөй. Со өд кутшөм поводдяыс вөлі!

Максим восьтіс дзирьясө, юрбөрсө чапалігмоз вочавидзис:

– А вот, гуляйтышті.

– Пиыдлы, Олег, первөй коліс висьтавны, кытчө муннысө, көні ордым, көні керка, – шу-ис Степан Володь да нюжөдіс ыджыд кисө.

Олег скөрыськодь видзөдліс сы вылө. Сэсся неокотапырысь кыскис кисө зепсьыс да нюжөдіс воча:

– Аттьө, Володь, мый пиөлы отсалін...

Ая-пиа пукалісны вадорын лабич вылын. Печора ю мөдөдчис нин вугыртны – вевт-тысьыны йиөн мөд тулысөдз. Но войнас эз на ёна кынтав, та вөсна ваыс водзө на сөльгис-визувтіс паськыд берегыас пөлөн.

– Ош шор бокас важөн кыйсьыліс мужик. Сылөн кулөм бөрын сэні некод эз кыйсьы, та вөсна и кутім думайтны, кодлы сюрас тайө угоддьөыс. Медъёнасө мөдім сэні кыйсьыны ме да Степан Володь. Ок и ёна жө ми ськөд пурсим! – Олег легөдіс киас турун, нюкляліс сійөс. – Босьтчим жеребей кыскыны – кык тув. Коді кузьджыксө кыскас – сылы и веськалас Ош шорыд. Степан Володь кузьсө кыскис. Та бөрын ми ськөд быттьө кань да пон. Бур көть вөрас тшөкыда вөвсьылө, сэки эськө өти сиктын весиг эг вермөй овнысө.

– А мыйла тэ меным сы йылысь эн висьтавлы, батьө?

– А мый сэні висьтавнысө? Ме чайті, мый сійө омоль морт. Аддзан, тэныд отсалөма. Код төдас, мый тэкөд вөлі эськө. Вөрад став врагыс вермас ёртөн лоны. И ог сөмын миян йы-лысь шу. Вөр – тайө бурдөдчантор.

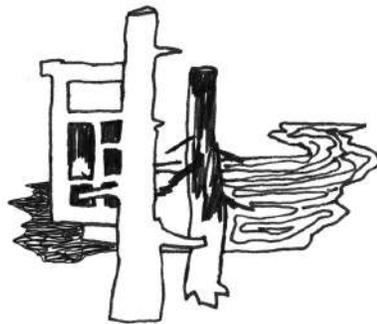
* Джидж – иж. лэбач.

** Войлөдлыны – иж. котрөдлыны.

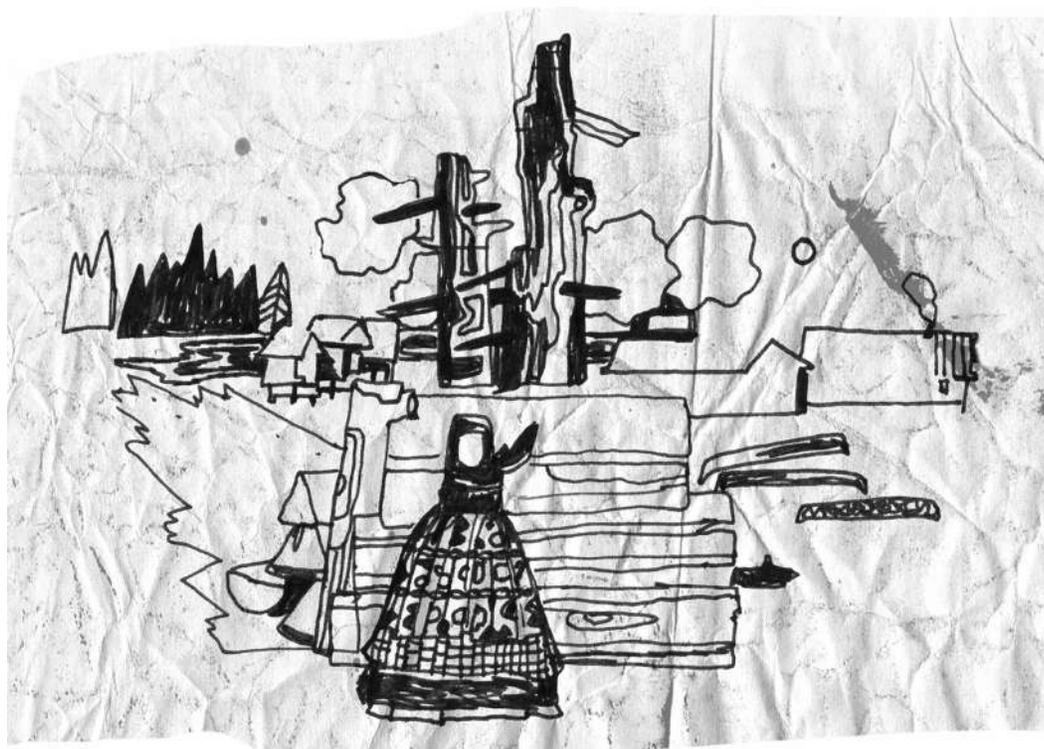
*** Лызыны – иж. буситны.

**** Öтйөза – иж. өттшөтшья.

***** Лес – иж. көлуй.

Зырянский мир: визуальная этнография коми

Игорь
ЖЕРЕБЦОВ

Игорь Любомирович Жеребцов. Родился в г. Сыктывкаре в 1960 г., окончил школу № 4, исторический факультет СГУ. С 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Доктор исторических наук, директор института, председатель Президиума Федерального исследовательского центра «Коми НЦ УрО РАН», председатель Совета Отделения Российского исторического общества в Республике Коми, председатель Учёного совета Национального музея Республики Коми, председатель Фонда «Покаяние». Опубликовал в России и 14 других странах более 700 работ, среди которых 10 монографий, свыше 40 энциклопедических изданий, научно-популярных книг и учебных пособий.

Вспоминая Дмитрия Несанелиса...

Мне бы очень хотелось, чтобы этой статьи не было. Чтобы вместо неё была другая, гораздо лучше и интереснее – написанная (как бывало не раз) на пару с моим давним другом и коллегой Дмитрием Александровичем Несанелисом и посвящённая то ли нашим очередным недавним свершениям, то ли новым грандиозным планам на грядущие годы и даже десятилетия. Да и чёрт бы с ней, со статьёй, сколь угодно актуальной и занимательной – пусть бы мы её и вовсе не написали. Но так хотелось бы, чтоб оставалась ещё возможность видаться, хотя бы изредка, неизменно при встрече приветствовать друг друга радостным «Привет, старый!» и всегда с удовольствием – долго ли, коротко ли – общаться так, словно, недоговорив о чём-то важном для обоих, расстались вчера, а не несколько лет назад. Но не сложилось... И теперь я пишу эти заметки-воспоминания, вызванные, увы, не весёлым празднованием 65-летия Димы (ах, как бы славно мы с ним 5 января отметили этот юбилей!), а печальным осознанием того, что его нет с нами уже девять лет.

День Диминого рождения отделяют от дня его смерти всего 10 холодных январских дней – и 56 огненных лет, наполненных горячими научными и общественными дискуссиями, пламенными выступлениями на симпозиумах и в СМИ, жаркими спортивными и политическими схватками и неизменно тёплыми отношениями с друзьями. Друзей, равно как и дел, у Димы всегда было великое множество, и вряд ли кто-то смог бы определить, что шире – круг его общения или круг его забот. И в том, и в другом Дима пребывал (вращался) с присущим ему азартом, удивительным образом всегда находя что-нибудь интересное в любом деле и человеке – причём интересное не только ему, но и другим. Мне кажется, он всю жизнь находился в поиске нового, неизведанного, неопробованного, путешествуя по ней, жизни, как по Terra incognita в поисках новых встреч, откровений, открытий. И поиски эти неизменно завершались успехом, пусть конечные результаты и не всегда совпадали с расчётными.

Своё первое путешествие Дима совершил ещё, можно сказать, во младенчестве – пока лишь в пределах Сыктывкара,

*Подписание соглашения о выдвижении В. А. Семёнова в общественные деканы.
С Игорем Жеребцовым. Истафак СГУ. Март 1980 г.*

когда его семья в 1960 году переехала с Советской улицы на улицу Карла Маркса. Если бы не это, мы познакомились бы с Димой в раннем детстве, поскольку оказались бы соседями по подъезду, играли бы вместе во дворе деревянного дома № 17, и поныне стоящего на углу Советской и улицы Бабушкина, хотя и в заметно перестроенном виде. В то время в нём было два подъезда, с разных сторон дома; дверь нашего подъезда (ныне не существующая) выходила на улицу Бабушкина. Небольшой дворик был отгорожен от улицы невысоким заборчиком (впрочем, тогда, в начале шестидесятых, двор казался мне весьма обширным, а забор – высоким). На дворе, к удовольствию детворы, находились песочница, беседка и скамейка, можно было затевать разные игры, и я не сомневаюсь, что Дима, останься он жить там, на Советской, несомненно в этих играх стал бы главным заводилой. Однако я появился на свет только в ноябре, а январский Дима моего появления в доме не дождался, отбыв из «старого» города в, как тогда говорили, «Нагорную» его часть, поселившись в новом каменном доме № 227 на улице Карла Маркса (бывшей Совнаркомовской).

Поэтому встреча наша состоялась только через восемь лет, в 1968-м, в «гагаринской» школе № 4, очевидно, на какой-то из общих торжественных «линеек» для начальных классов. Впрочем, ни он, ни я об этой встрече даже не подозревали, поскольку между нами пролегла пропасть: Дима, как и положено, пошёл в школу в 1967-м, в семь лет, а я, к 1-му сентября недотянувший до «призывного» возраста почти целых три месяца, имел счастье ещё год пребывать на домашнем режиме, не посещая ни школу, ни ненавистный детский сад, из которого меня забрали после побегов домой (жил я, кстати, тогда уже на улице Орджоникидзе, в деревянном опять-таки доме № 52, где позднее, в благословенные студенческие годы, мы нередко сиживали с Димой и другими нашими друзьями, проводя время за игрой в бильярд и разговорами о великом). Когда же я оказался в 1-м классе

*В новогодней стенгазете будет вот что... С Зифой Хайрединовой и Светланой Ахремчук.
Истфак СГУ. Декабрь 1979 г. Фото И. Л. Жеребцова*

(в 1968 году), то Дима учился уже во 2-м, а разница в один класс (год) для младших школьников – всё равно что целое поколение для нас сегодняшних. С течением школьных лет мы с Димой всё же узнали о существовании друг друга, но практически не общались, поскольку наши внеклассные интересы почти не пересекались: он, в частности, неизменно блистал в баскетболе и теннисе, ездил на соревнования, а для меня всё, связанное с физкультурой и спортом (за исключением хоккейных матчей по телевизору), представлялось сущим кошмаром. Не сблизил нас даже наш общий интерес к истории: Дима посещал Малую академию школьников в Институте языка, литературы и истории, побывал в археологической экспедиции; я же предпочитал проводить время в домашней библиотеке, а в институте (годы спустя ставшем мне родным) бывал только изредка, наведываясь к работавшему там отцу.

Дима окончил школу в 1977-м и в университете тоже оказался бы на год раньше меня, однако тут вмешались судьба и его пристрастие к путешествиям: летом сей выпускник, счастливый от того, что школьная учёба осталась позади (думаю, не выдам военную тайну, если скажу, что к изучению большинства предметов Дима большого энтузиазма не проявлял – я, впрочем, тоже), отправился в какую-то экспедицию и к вступительным экзаменам в университет опоздал. Пришлось ему отложить запись в ряды будущих учёных до следующего года – а там подоспел в «абитуру» и я, обнаружив среди множества незнакомых конкурентов (конкурс на исторический факультет Сыктывкарского университета в тот год изначально был чуть ли не семь человек на место) одно знакомое по школе лицо.

И вот тогда, в августе 1978-го, неожиданно встретившись, мы с Димой без всякого преувеличения мгновенно нашли общий язык. Обстановка на вступительных экзаменах была, естественно, напряжённая, все четыре экзамена следовало сдать как можно лучше, тем более что учитывавшийся тогда при зачислении средний балл наших с Димой школьных

*Мы ничего такого не замыслиаем, что вы!
Февраль 1980 г. Фото И. Л. Жеребцова*

приметившая, со знанием дела сообщила соседям: «Сейчас будет ржачка!» И действительно: едва усевшись, мы обнаружили на парте нацарапанное кем-то слово СКОТТЫ, которое (вероятно, в силу нервного напряжения и своеобразия текущего момента) привело нас в полнейшее неистовство. «С каким чувством написано! – изрёк Дима. – Не просто «скоты» какие-нибудь, а вообще «скоТТы»! Далее мы развивали эту тему и давились от бессмысленного смеха. Что говорилось на консультации и какой предстоял экзамен, из памяти благополучно изгладилось, а вот ощущение радости общения по любому поводу и без повода осталось навсегда. Это чувство юмора и тогда, и в последующие годы изрядно способствовало сохранению нашего душевного равновесия.

После завершения сессии всех абитуриентов отправили на работу в Ботанический сад СГУ, где мы должны были своим физическим трудом возместить университету нравственные затраты преподавателей, понесённые ими из-за нас во время сессии. Там в полном соответствии со старым советским анекдотом, оказавшимся бльёю, мы с Димой в течение дня ТРИЖДЫ выкапывали и засыпали одну и ту же траншею... Тут тоже без юмора было не обойтись. Это ещё более укрепило содружество – наше и примкнувших к нам во время рытья траншеи Миши Клёнова, с которым мы потом вместе стали работать в ИЯЛИ, Лёни Югова и других благородных джентльменов, ставших нашими друзьями. Можно сказать, мы сразу «разглядели» друг друга. Как пронизательно вспоминал позднее о том времени наш друг и однокурсник (и тоже нынешний работник ИЯЛИ) Миша Таскаев, «был там и Боря Колегов, которого я тогда ещё не знал, но уже догадывался, что это он».

Отучившись несколько дней, мы распрощались с университетскими аудиториями и отправились «на картошку» в село Чёрныш, где, пребывая на бескрайнем картофельном

аттестатов до пяти никоим образом не дотягивал, как его ни округляй... На самих экзаменах мы встречались редко (я приходил ближе к началу экзамена, Дима появлялся ближе к концу), но на консультациях всегда бывали вместе. Впрочем, содержание некоторых из этих, безусловно, весьма важных мероприятий чудесным образом ускользало от нас, ибо, едва встретившись, мы тут же обнаруживали в окружающем нас несовершенном мире что-либо забавное и начинали беззлобно и беззаботно веселиться. Окружающие (из многочисленных желающих стать историками) поглядывали на нас слегка недоумённо, но в большинстве своём с симпатией.

Дима позднее с удовольствием не раз вспоминал такой случай: явившись на консультацию перед одним из последних экзаменов, мы уселись на последней парте. Сидевшая неподалёку наша будущая сокурсница Татьяна Строителева, ранее нас уже

поле, постоянно бурно дискутировали о чём-то, и больше всего, кажется, о революции (не то социалистической, не то сексуальной, не то ещё какой-нибудь), а также о, мягко говоря, несовершенной организации нашего сельскохозяйственного труда. В знак протеста против последнего (и, вероятно, вдохновляемый нашими же рассуждениями о революции) Дима с пением «Интернационала» увлёк за собой студентов с картофельного поля в ближайший лесок. Это событие было пиком нашего пребывания в славном Чёрныше и со временем стало легендой. Участников этой

*Служу Советскому Союзу! С Игорем Жеребцовым.
Декабрь 1983 г., пос. Кузьмолово Ленинградской обл.*

«антипартийной вылазки» потом долго склоняли на комсомольских и прочих собраниях. Я, правда, в этой знаменательной акции не участвовал, и меня и пару-тройку моих сотоварищей как честных тружеников-комсомольцев даже хотели поставить в пример Диме и прочим «уклонистам». Но вовремя выяснилось, что мы с Мишей Клёновым и иже с нами не ушли с поля лишь потому, что нас и на поле-то не было... А для Димы это событие, можно сказать, стало одним из первых опытов общественно-политического руководства массами.

Дальше – больше. Блестящий организатор-пропагандист во время выборов «общественного декана» исторического факультета (в качестве нашего «оппозиционного» кандидата был выдвинут Виктор Анатольевич Семёнов – тогда ещё не профессор и даже не доцент, а скромный ассистент без учёной степени); один из главных постановщиков театрализованного представления, поставленного нами в рамках университетской «декады первокурсника» (в тот раз студенты истфака впервые в истории СГУ заняли первое место); один из создателей псевдополитического журнала-альманаха «М'да!!!» студентов истфака; редактор стенгазеты исторического факультета «VOX POPULI» («Голос народа»), выход каждого номера которой под его руководством превратился (благодаря разнообразию, остроте и нестандартности материалов) в СОБЫТИЕ, причём не только факультетского масштаба – всё это и многое другое явило нам разные грани Диминого таланта.

Оглядываясь назад с высоты прожитых лет, можно увидеть (или предположить, что видишь) в этом начало постижения Димой таинства выборных технологий, блестящее владение которыми он продемонстрировал годы спустя; мастерское использование печатного (а иногда и не совсем печатного) слова и средств массовой информации; его умение блестяще срежиссировать любое, найти для каждого подходящее место на театральной или политической сцене, вдохновить своими идеями, нацелить всех на достижение необходимого результата и при этом самому столь органично вписаться в ряды исполнителей, что все – актёры и зрители – видели в нём лишь участника, а не создателя спектакля.

Поскольку не все лекции были очень увлекательны, то мы с Димой, Миша Клёнов, Лёня

Этнографы Института. 1994 г. Фото Б. Горева

Югов и Боря Колегов по каким-то уже не очень ясным причинам (кажется, навеяло историей КПСС – большевиками, меньшевиками и прочими бундовцами и даже троцкистами) на первом курсе стали «создавать» – на бумаге, конечно – «оппозиционные партии», вступать в политические дискуссии друг с другом, выпускать манифесты и воззвания. У каждого имелось по собственной партии или хотя бы «политическому крылу» (левому или правому); у Димы была «Рабочая группа Д.А.Н.». Потом нам пришла в голову мысль объединить наши «оппозиционные» усилия, и мы в декабре 1978 года провели объединительный съезд в кафе «Северянка» и организовали Объединённую оппозиционную партию (ООП). Однако уже через несколько дней на первом же Пленуме ЦК ООП в ресторане «Центральный» после некоторых возлияний дискуссии вдруг достигли такой остроты, что мы с Димой решили далее не объединяться, и заседание закончилось крахом. Впрочем, в марте 1979-го в кафе «Юность» состоялся новый съезд с теми же участниками, где (после умеренных возлияний) было торжественно провозглашено создание «Объединения оппозиционных партий» (ООП), приняты устав (один из пунктов которого гласил: «Кто против устава – сволочь!») и краткая, как ругательство, программа. На этом, собственно, работа ООП и завершилась.

Позднее, осенью 1995 года, Дима ненадолго вернулся к подобной «партийной» деятельности – он председательствовал на «учредительном съезде» Партии роялистов Республики Коми и был избран почётным председателем партии. (Понечётным председателем избрали меня, а шефом партийного погребка – Мишу Таскаева; иных назначений-избраний не произвели, потому как иных участников съезда не было). Партия предложила создать автономное Великое княжество Коми во главе с великим князем, выдвинула лозунги «Каждому роялисту – по роялю!», «Долой пианино!», «Роялист роялисту – друг,

Интервью телекомпании «Коми Гор» в ИЯЛИ. С. Н. Д. Конаковым.

товарищ, брат и глаз не выключет!», «Идеи роялизма! Стремительным домкратом падайте на народные массы!», «Да здравствуют наши политики – самые наши в мире!» и ряд других, столь же актуальных. Об этом знаменательном событии сообщила даже изумлённая местная печать, упомянув, в частности, о планах создания «Роялистского журнала-альманаха» (сокращённо РОЖА) и его широкого распространения в политических кругах республики под лозунгом «Каждому политику – по РОЖЕ!». Однако вернёмся в студенческие времена...

Конечно, не всё проходило гладко: время-то, осмелюсь напомнить, было самое что ни на есть «застойное». Однажды суровая женщина, секретарь партийного бюро исторического факультета, решила воздать Диме (а в придачу и мне) по нашим «антипартийным» заслугам и добиться нашего исключения из комсомола. Чёрт бы с ним, с комсомолом, могли и сами выйти – но это по тем временам означало и автоматическое исключение из университета... Но в конце концов нашлись здравомыслящие люди, остудили секретарский пыл и велели «дело не шить»; но выговор Диме всё-таки вклеили.

Дима любил посещать беседы-кружки преподававших в СГУ историков-ленинградцев, жадно впитывал новые знания, неожиданные идеи и быстро стал не просто слушателем, а активным участником этих полуофициальных собраний и происходивших там дискуссий на самые разные темы. Наверное, так он нащупывал свой путь в науке, который, собственно, заключался в том, чтобы избегать наезженной колеи. Дима умел находить свой путь, может быть, как никто; он обожал научные (да и не только научные) «перекрёстки» и «развилки», на которых можно было задержаться, поразмыслить и, уйдя с проторенной дороги, двинуться в неизведанное по одному ему ведомым ориентирам.

Окончив университет в 1983 году, Дима должен был отработать положенные три года

На международной конференции в Архангельске. 2002 г.

в школе, но осенью того же года его призвали в армию, и он оказался в военно-строительном отряде, располагавшемся в посёлке Кузьмолово под Ленинградом (я полгода составлял ему компанию в этой образцово-показательной части, хотя и в разных ротах). Ещё в «учебке», в первые недели нашего пребывания в части, когда мы проходили «курс молодого бойца», Дима произвёл столь глубокое впечатление на офицеров, что тамошнее командование возжелало непременно оставить его в своей воинской части для прохождения службы; чтобы Диму не забрали служить в другую часть, ему велено было сказаться на собеседовании лицом, имеющим лишь среднее образование, и интеллект свой «чужим» офицерам не демонстрировать. Исполнив это указание, Дима отслужил в Кузьмолово положенные тогда полтора года, работал экспедитором, дослужился до старшего сержанта и пользовался уважением как среди офицеров, так и среди солдат; в этом я имел возможность убедиться, когда, будучи уже лицом штатским, повидался с Димой, посетив эту воинскую часть (не вполне легальным, должен признаться, путём благодаря помощи моих грузинских приятелей, ещё нёсших службу в безвременно покинутой мною части).

Несмотря на все эти прелести, Дима, конечно, хотел покинуть ряды Вооружённых сил как можно раньше, и я попытался немножко ему помочь – весной 1985 года направил командиру части письмо от имени Секретариата VI Международного конгресса финно-угроведов (на бланке конгресса, извлечённом из макулатуры, – этот первый вариант бланка забраковали и списали). Дима потом не раз вспоминал эту историю: его вызвали к командиру части, и тот торжественно сообщил, что в Сыктывкаре готовится крупнейшее международное мероприятие, нужны квалифицированные и ответственные работники, способные поддержать престиж советской науки и не уронить его в глазах иностранцев, и как раз таковым является он, Дмитрий Несанелис. Посему, резюмировал командир, чтобы конгресс не сорвался, старший сержант Несанелис отправится на дембель в первых рядах. Так оно и произошло.

Кстати, на том самом VI Международном конгрессе финно-угроведов летом 1985 года Дима установил научные контакты с одним из основателей тартуско-московской семиотической школы Вячеславом Всеволодовичем Ивановым и участвовал в проведении (на одной из сыктывкарских квартир) семинара с участием молодых исследователей Сыктывкара и маститых учёных-москвичей, ставшего началом семиотических изысканий в области культуры народов коми. С той поры семиотика стала одним из главных направлений его исследовательской работы. Позднее в русле идей, намеченных этой семиотической школой, Дима провёл сравнительный анализ традиционных игр, этикета и ритуалов коми, заключив, что этнические стереотипы поведения могут рассматриваться в качестве синхронных явлений, по-разному выражающих фундаментальные мировоззренческие схемы этноса.

После армии Дима год поработал в сыктывкарской школе № 35, осенью 1986-го поступил в очную аспирантуру Института языка, литературы и истории, а после её окончания с 1989 года работал в секторе этнографии ИЯЛИ (вначале младшим, а с 1992 года – старшим научным сотрудником). В том же году Дима принял деятельное участие в подготовке и проведении I семиотической конференции. В дальнейшем он не раз участвовал в организации различных научных и научно-практических форумов (международный семинар по семиотике культуры «Смерть как феномен культуры» в 1991 году и другие), по своим научным программам и составу участников всегда бывших на самом высоком уровне.

Работая в этнографических экспедициях, вдумчиво изучая архивные данные и разнообразную научную литературу, Дима собрал, обобщил и проанализировал в широком культурном контексте обширные материалы, касающиеся традиционных детских игр коми, молодёжных развлечений, посиделок, состязаний, святочных ряжений, календарных праздников и обычаев, показав взаимосвязь традиционных форм досуга с древними мифологическими и христианскими религиозными представлениями коми и их хозяйственной деятельностью. Главными результатами этой обстоятельной работы стали кандидат-

*На III международной конференции финно-угроведов.
С. В. И. Чупровым и И. Л. Жеребцовым. Сыктывкар. 2004 г.*

Генеральный директор «Лукойл-Коми» А. Хабибуллин и его заместитель Д. Несанелис вручают главе Хабаровки сертификат на 1 млн руб.

ская диссертация «Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (вторая половина XIX – первая треть XX в.)», блестяще защищённая в 1993 году в московском Институте этнологии и антропологии Российской академии наук, и изданная в 1994 году монография «Раскачаем мы ходкую качель: традиционные формы досуга сельского населения Коми края во второй половине XIX – первой трети XX века».

Дима написал полторы сотни научных трудов по этнологии, семиотике, истории, опубликованных в России, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Швеции, Франции и неизменно вызывавших живой интерес коллег. В числе его публикаций – работы о выдающихся учёных

На трибуне семинара «Лукойла»

В. П. Налимове и П. А. Сорокине, этнографические труды которых он стал глубоко исследовать одним из первых. Его многочисленные (более 70) выступления на разнообразных международных, всероссийских и региональных конференциях и симпозиумах никогда не оставляли равнодушными их участников, часто становясь предметом горячих дискуссий и в залах заседаний, и в кулуарах. Дима заслуженно пользовался большим авторитетом в коллективе института, избравшем его – ещё молодого учёного – членом Учёного совета. В 1996 году Дима был избран членом международного фольклорного общества при Финской академии наук. Он являлся одним из организаторов и первым научным редактором литературно-публицистического и историко-культурологического журнала «Арт», заместителем главного редактора международного научного журнала «Вопросы истории и культуры северных стран и территорий».

Но одной только научной работы Диме

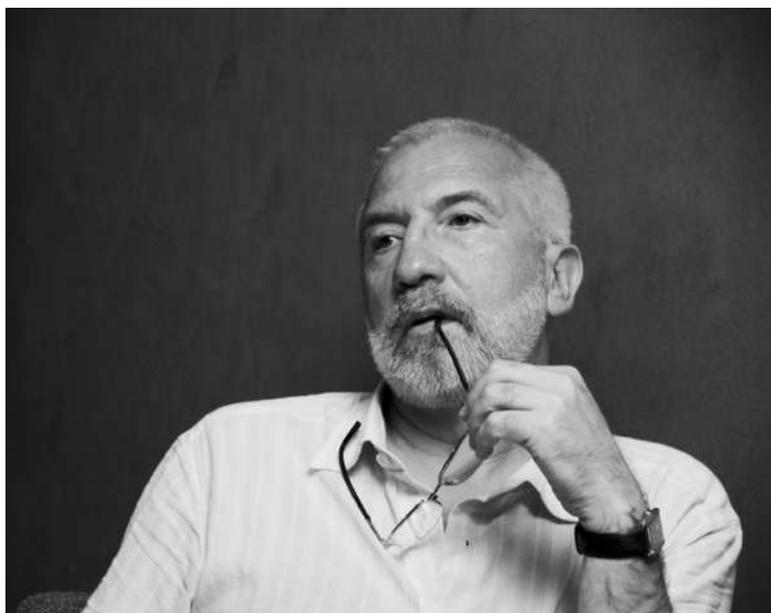
Торжественное открытие молодежного центра в Усинске. С главой МО ГО «Усинск» А. Р. Тяном. Декабрь 2010 г.

было мало. Его привлекала и преподавательская работа, живое общение со студентами. В 1992 году Дима прочитал спецкурс по традиционной духовной культуре народа коми в университете Оулу (Финляндия), с 1994 года одновременно был доцентом СГУ, читал общие и специальные курсы лекций на историческом, филологическом, финно-угорском и юридическом факультетах, а позднее – в Поморском государственном университете (Архангельск) и Усинском филиале Ухтинского государственного технического университета. Он часто выступал с пользовавшимися большой популярностью публичными лекциями для общественности. За свою просветительскую деятельность Дима был удостоен Всероссийской премии в области экологического образования фонда Владимира Вернадского и патриаршей медали святителя Сергия Радонежского первой степени.

В 2000 году, на рубеже тысячелетий, Дима принял решение кардинально поменять свою жизнь и реализовать свою идею об объединении усилий науки, образования, общественности, власти и бизнеса. Он считал, что только совместными усилиями можно адекватно ответить на вызовы, которые стоят перед обществом, человеком, государством. В сущности, именно этому была посвящена его дальнейшая работа в различных властных и бизнес-структурах. Дима руководил связями с общественностью в различных структурах «Лукойла» в Архангельске, Нарьян-Маре и Усинске

У представительства Ненецкого АО в Архангельске. С И. Л. Жеребцовым и Е. Н. Рожкиным. Фото М. В. Таскаева. 2006 г.

и архангельской администрации, возглавлял представительство Ненецкого автономного округа в Архангельске, Фонд «Региональная политика», сотрудничал в многочисленных общественных организациях, среди которых важное место занимала, в частности, Общественная палата Республики Коми. Умение Дмитрия находить контакт с самой разной аудиторией, убеждать слушателей, убедительно доказывать правоту своих взглядов в этот период проявилось особенно ярко.

В самые последние годы Дима стремился всё больше внимания уделять научной работе. По его инициативе в Институте языка, литературы и истории в 2015 году была создана лаборатория, которая намеревалась развернуть изучение истории промышленного освоения, экологии и культурной антропологии Тимано-Печоры и Западной Арктики. Дима возглавил эту лабораторию, подготовил проект плана её работы. Среди его задумок были организация экспедиционных исследований, научных конференций, систематической целенаправленной популяризации результатов работы учёных в СМИ, подготовка новых научных трудов, завершение докторской диссертации и многое другое, оставшееся, к сожалению, неосуществлённым...

Чрезвычайно одарённый и разносторонний человек, учёный, общественный деятель, педагог и популяризатор науки, Дима скоропостижно ушёл из жизни 15 января 2016 года, оставив после себя множество публикаций, организованных конференций и семинаров, прочитанных докладов и лекций, выступлений в газетах, на радио и ТВ... Ушёл, оставив нам воспоминания о крепости своего слова и рукопожатия, искренности хулы и похвалы. И так жаль, что мы о чём-то не договорили, не доспорили, не досмеялись. Да, жизнь продолжается – но, увы, уже без него, и потому уже не та. Ибо каждый ушедший друг забирает с собой маленькую частичку тебя самого, твоей души, твоего сердца. И это утраченное – утрачено навечно; его ничем не восполнить, не заменить – ни интересной работой, ни новыми замечательными друзьями. Всё меньше у нас старых друзей. И от этого сегодня в глазах печаль, а на душе осень...

Дмитрий
НЕСАНЕЛИС
(1960–2016)

Дмитрий Александрович Несанелис, кандидат исторических наук, профессор Поморского государственного университета, автор 150 научных публикаций по традиционной культуре народов Севера, семиотике, этноэкологии, истории Русской Православной Церкви, промышленному освоению Севера.

Валерий
ШАРАПОВ

Валерий Энгельсович Шарапов – к.и.н., в.н.с. сектора этнографии ИЯЛИ КНЦ УРО РАН. Область научных интересов: обряды, верования и повседневный этикет коми и ханты; художественные традиции коми старообрядцев; визуализация «этничности» в народном изобразительном искусстве; идентитет современных ижемских коми, ненцев и русских поморов.

«Моей кукле приснилось, что я умерла...»:

тема смерти в традиционных детских играх

ВВЕДЕНИЕ

В название статьи вынесены слова, произнесённые четырёхлетней девочкой после неожиданного пробуждения от кошмарных сновидений. На первый взгляд, содержание этого высказывания граничит с абсурдом. Однако в свете гипотезы Ю. М. Лотмана о сне как «резерве семиотической неопределённости» [8, с. 226] слова девочки могут быть восприняты как текст, свидетельствующий об определённом рубеже в становлении духовного мира ребёнка. В таком случае слова девочки приобретают оттенок утончённой поэтической метафоры. Показательно, что прикосновение к тайне смерти через осознание возможности собственного земного небытия в данном случае неразрывно связано с «опытом мерцания между первым и третьим лицом», который, можно думать, характерен и для атмосферы детской игры.

В исследованиях по детской психологии и психологии творчества высказывалось предположение о внутреннем сходстве логики сновидений и детской игры. По словам М. Волошина, «игра и есть то бессознательное прохождение через все первичные ступени развития человеческого духа, то состояние глубокой грёзы, подобное сновидению, из которого медленно и болезненно высвобождается дневное сознание реального мира» [1, с. 496]. Одной из этих ступеней, возможно, является формирование в игре установок в отношении к смерти. Весьма актуальными в рассматриваемом контексте представляются слова И. С. Кона о том, что в игре «формируются... общие навыки социального поведения, основополагающая система ценностей, ориентация на групповые или индивидуальные действия. Изучение детской игры бросает свет на самые общие ценностные ориентации культуры и тенденции её развития» [7, с. 45].

Науке и религиозной философии нашего столетия знакомы разнообразные опыты обращения к теме смерти. Изучение эволюции восприятия смерти европейским менталитетом связано, прежде всего, с именем выдающегося

*Д. А. Несанелис в экспедиции в
Шурышкарском районе ЯНАО. 1994 г.
[фото В. Э. Шарапова]*

*Д. А. Несанелис в экспедиции в
Шурышкарском районе ЯНАО. 1994 г.
[фото В. Э. Шарапова]*

*Дмитрий Александрович –
собирает детского фольклора в
с. Мужы Шурышкарского района
ЯНАО. 1994 г. [фото В. Э. Шарапова]*

*Кристиан Лапин – праправнук
строителя часовни в с. Отла
Княжпогостского района Республики
Коми. 2024 г. [фото В. Э. Шарапова]*

*На детской площадке в с. Отла на р. Выми Княжпогостского района Республики Коми. 2011 г.
[фото В. Э. Шаранова]*

французского историка Филиппа Арьеса. Известный отечественный медиевист А. Я. Гуревич отмечал, что Арьес «создал несколько первоклассных исторических исследований, тематика которых сосредоточена на полюсах человеческой жизни, – с одной стороны, это труды, посвящённые детству, ребёнку... с другой – труды о восприятии смерти на Западе на протяжении всей христианской эпохи» [2, с. 234].

В предлагаемой работе соотношение «полюсов человеческой жизни» рассматривается преимущественно в этнографическом и психологическом аспектах с целью выявления в пределах традиционной культуры коми детских установок в отношении смерти и их восприятие взрослыми. Анализ этих сюжетов важен как для понимания фундаментальных ценностей традиционной культуры, так и для выявления механизмов её трансляции из поколения в поколение.

ИГРЫ СО СМЕРТЬЮ В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В одном из недавних исследований по социальной педагогике отмечалось, что в пределах традиционного сельского пространства дети всегда имели для игр «свою автономную территорию во дворе, в доме, на улице». Вместе с тем подчёркивается, что «улица лишь казалась безнадзорной, взрослые (особенно бабушки, дедушки на завалинках, скамеечках у крыльца) всегда контролировали ситуацию» [18, с. 27]. Это последнее утвержде-

ние не лишено известных оснований. Очевидно, однако, что «цензура коллектива» могла осуществляться отнюдь не столь явно, жёстко и прямолинейно. В пользу этого допущения свидетельствуют, в частности, этнографические данные об играх коми детей, связанных прямо или косвенно с темой смерти.

Описание одной из игр, имеющих отношение к обсуждаемой теме, принадлежит известному этнографу В. П. Налимову. Оно относится к началу XX века. «Летом дети часто роют ямочку в земле около наружных углов избы и играют в похороны. Это предвещает смерть кому-нибудь из членов того дома, около угла которого рыли дети ямочки. Я смог лично наблюдать ужас взрослых в деревне Седьяков (часть села Вильгорт), узнавши, что маленькие ребята рыли около их дома ямочки и играли в похороны» [12, л. 149]. Это описание абсолютно не оставляет сомнений в том, что игра в похороны разыгрывалась детьми в отсутствие взрослых.

Отметим, что негативное отношение взрослых к детским играм «со смертью» характерно и для современной культуры. Авторам статьи известен случай, когда мать ребёнка пришла в ужас от одной из подобных забав своего пятилетнего сына. Перебирая старые газеты, он вырезал из них некрологи (как выяснилось позже, ребёнок готовил себе талоны для игры «в магазин»). Если в современной культуре такие игры детей, как правило, оцениваются как некоторое отклонение в развитии личности ребёнка, то в традиционной культуре акцент делался скорее не на «психологии» игры, а на её «социологии». Показательно в этом плане мнение одного из пожилых информантов: «...какая жизнь у взрослых – такие и игры у детей».

Достоверность описания В. П. Налимова вполне подтверждается экспедиционными материалами, полученными авторами не только в сырьевых (Вильгорт), но и в вычегодских (Керчомъя, Дон) и удорских сёлах (Важгорт, Латьюга). В этих селениях девочки и мальчики хоронили в земле тряпичную куклу, для которой изготовлялся миниатюрный гроб-колода. Похороны сопровождалось исполнением фрагментов плачей, заимствованных из репертуара взрослых. Дети хоронили кукол на окраине деревни, в лесу или другом укромном месте, что избавляло играющих от присутствия взрослых.

В традиционном обществе детское игровое поведение могло восприниматься как наём на возможные изменения в жизни всего социума, отдельной семьи или самих играющих детей. Об этом свидетельствует целый комплекс поверий коми о детских играх: «если дети играют в похороны и закапывают с причитаниями кукол на углу чьего-либо дома – значит, в этом доме скоро кто-то умрёт», «если дети роют в прибрежном песке «колодец» – значит, скоро будет утопленник»*, «если дети играют в свадьбу – значит, в деревне скоро будет свадьба» и др. Любопытно, что иногда усердие детей, моделировавших семейно-бытовой уклад, вызывало у взрослых реакцию, свидетельствующую о том, что они относились к занятиям детей не вполне как к игре. Один из случаев, подтверждающих это, имел место в селе Керчомъя Усть-Куломского района в начале двадцатых годов, где в это время едва ли не каждая девочка имела свой деревянный домик, соорудившийся для игр во дворе или под крыльцом настоящего жилища. Хозяйка одного из них была известной среди деревенской детворы мастерицей по изготовлению кукол и одежды для них. Многие подружки обращались к ней с просьбой помочь им сшить «кукол-дочерей». Выполняя эти просьбы, девочка одновременно с благодарностью сверстниц заслужила резкие упреки своей матери, говорившей ей с осуждением: «всем раздаёшь, смотри, не будет у тебя семейной жизни» [14, с. 123]. По повериям многих народов Севера, игры девочек с тряпичными куклами влияли на их будущее семейное счастье и плодовитость [15, с. 122]. В этом отношении игры сближаются с гаданиями: так, например, согласно одному из святочных

1. Дети в с. Сизябск Ижемского района Республики Коми. 1991 г.

2. Детский чомик под крыльцом дома в д. Муфтыга Удорского района Республики Коми. 1992 г.

3. Детский чомик в развилке дерева в с. Покча Троицко-Печорского района Республики Коми. 2007 г.

гаданий коми считалось, что если девушка достанет из-под перевернутого горшка куклу, то в этом году ей предстоит родить ребёнка. Не удивительно поэтому, что в определённые периоды календарного цикла взрослые специально наблюдали за детьми, надеясь уловить в их действиях предсказание будущего.

О РИТУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ДЕТЕЙ

Н. И. Дукарт, изучавшая святочные обряды коми, описала интересное гадание с участием детей, приуроченное к Васильеву дню.

«Поздно вечером в канун Васильева дня, они искали на полу зерно, и если находили его, то считалось, что год будет урожайным, в противном случае – неурожайным» [4, с. 100]. Пространственно-временная организация святочных гаданий способствовала актуализации представлений о противопоставлении чужого и своего, мира предков и мира живых. Особое значение эти оппозиции приобретали на стыке старого и нового года. Поэтому участие детей в гадании именно Васильева дня (первое января старого стиля) оказывается важным аргументом в пользу идеи о том, что дети, по народным представлениям, могли вступать в контакт с предками легко и непринуждённо.

Эта идея отразилась в некоторых коми быличках, повествующих о том, что дети, унесённые нечистой силой, попадают на время в страну усопших предков. Возвращаясь домой, дети – герои быличек рассказывают, что «были всё это время у родных», «ели-пили

4. Участие детей в крестном ходе на 9 пятницу от Пасхи в д. Кривое Удорского района Республики Коми. 1999 г.

5. Участие детей в наборе освящённой воды на 9 пятницу от Пасхи в д. Кривое Удорского района Республики Коми. 1992 г.

б. Участие детей в поминальной обрядности в д. Муфтюга Удорского района Республики Коми. 1992 г.

за праздничным столом» или «катались с родственниками на санях» (ср.: отождествление в русских народных верованиях понятий «праздник» и «безвремение», «смерть», выявленное на основании анализа значительного этнолингвистического материала Т. А. Бернштам). Взрослых же героев подобных быличек нечистая сила, как правило, таскает несколько дней по реке (т. е. по символической границе между мирами, которая, что особенно важно, остаётся всё-таки непреодоленной) и затем выбрасывает на берег в нескольких километрах от селения.

Излагаемые идеи, можно полагать, отчасти перекликаются с известными строками О. Э. Мандельштама:

*О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти,
Чем в наши зрелые года.*

Представления об особой связи детей с загробным миром отчётливо проявляется в типологически сопоставимом хантыйском космогоническом предании, в котором Светлый Отец (демиург) рассуждает о строении мира: «Мёртвый мир я изначально предписал... если его не предписать, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики?...» [11, с. 291].

Анализируя ритуальный статус детей, известный знаток народной культуры коми

В. П. Налимов отмечал, что дети и старики часто рассматриваются сельским миром в качестве сильных и умелых лекарей, способных помочь тяжелобольным людям [13, с. 21].

Интересно, что если в качестве лекаря приглашали старуху, то предпочтение, согласно Налимову, отдавали женщине, живущей за ручьём или рекой. В этом предписании, акцентирующем тему реки как мифологической границы, проявились верования о связи знахарей с предками, в мире которых, как предполагалось, находились опыт и мудрость. Учитывая это, символическое сближение таких возрастных категорий, как «дети» и «старики», представляется весьма выразительным.

Следует подчеркнуть, что иногда целительные способности детей оценивают даже выше стариковских. В. П. Налимов полагал, что такая иерархия построена на категориях достижения половой зрелости и утраты сексуальной активности. Если старики уже не вступали в половые контакты, то дети ещё не достигли соответствующего рубежа [13, с. 21]. Это наблюдение согласуется с данными А. С. Сидорова, по которым коми крестьяне во время отхожих промыслов заболевших лечили мочой подростка, «ещё не знавшего женщин» [17, с. 91].

Вероятно, символическая «бесполость» определённым образом ассоциировалась как с понятием «ритуальной чистоты», так и с предполагаемым характером загробной жизни.

«БЕЗЛИКОСТЬ» ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ КУКОЛ

В рассматриваемом контексте закономерным представляется тот факт, что любой предмет, включённый в сферу детской игры, получал в восприятии взрослых высокий семиотический статус.

Особый интерес в плане рассматриваемой темы представляют детские куклы, которые являются метафорой «двойничества» и антитезы «жизнь – смерть» (9, с. 36-37).

У каждой девочки количество кукол в игрушечной семье, как правило, соответствовало количеству членов реальной семьи ребёнка. Пол кукол обозначался посредством покроя и символики одежды. Родители, наблюдая за изготовлением девочками тряпичных кукол, а нередко участвуя в этом процессе и в самой игре, строго следили за соблюдением ряда запретов:

а) Кукол шили только из обрывков новой ткани. При этом ни в коем случае нельзя было использовать целую младенческую одежду (пелёнку, распашонку и т. д.). По повериям коми, одежда, «пропитанная запахом живого человека», является его вуджором (тенью) и может быть использована колдуном для порчи этого человека.

б) Лицо у кукол обозначалось белым либо светлым фоном, или разноцветными полосками ткани. При этом, как правило, черты лица не детализировались (см. фото № 1-7). Показательно в этом плане поверие коми-пермяков: если дети будут играть куклами с глазами, то могут сами ослепнуть*.

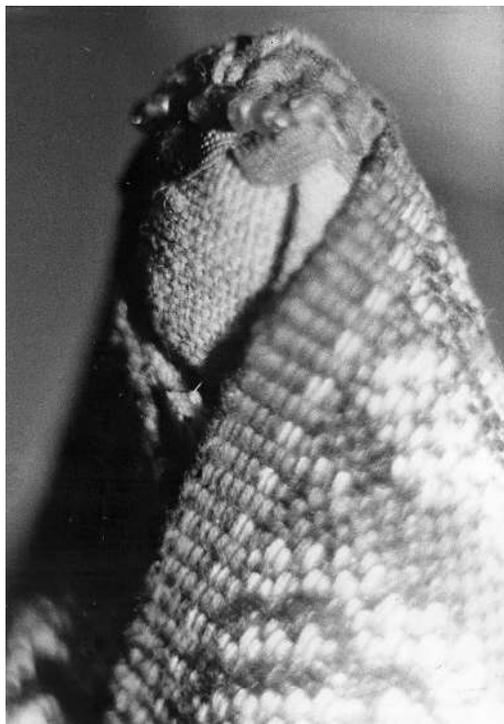
в) Куклам никогда не давали собственные имена членов семьи, что, вероятно, было обусловлено стремлением обезопасить живых людей от установления возможной (символической) связи с «судьбой» игрушечного «двойника» и тем самым исключить возможность сглаза и порчи.

За подобными предписаниями угадываются представления о «мертвенной природе» кукол. С этой идеей согласуются данные об игре в похороны, зафиксированной в селе Летка Прилузского района. В игре принимали участие девочки 12-14 лет. Они вырезали из

* Л. С. Грибова. Материалы по духовной культуре коми-пермяков // Архив КНЦ. Фонд 11. Оп. 1. Д. 54. Л. 96.

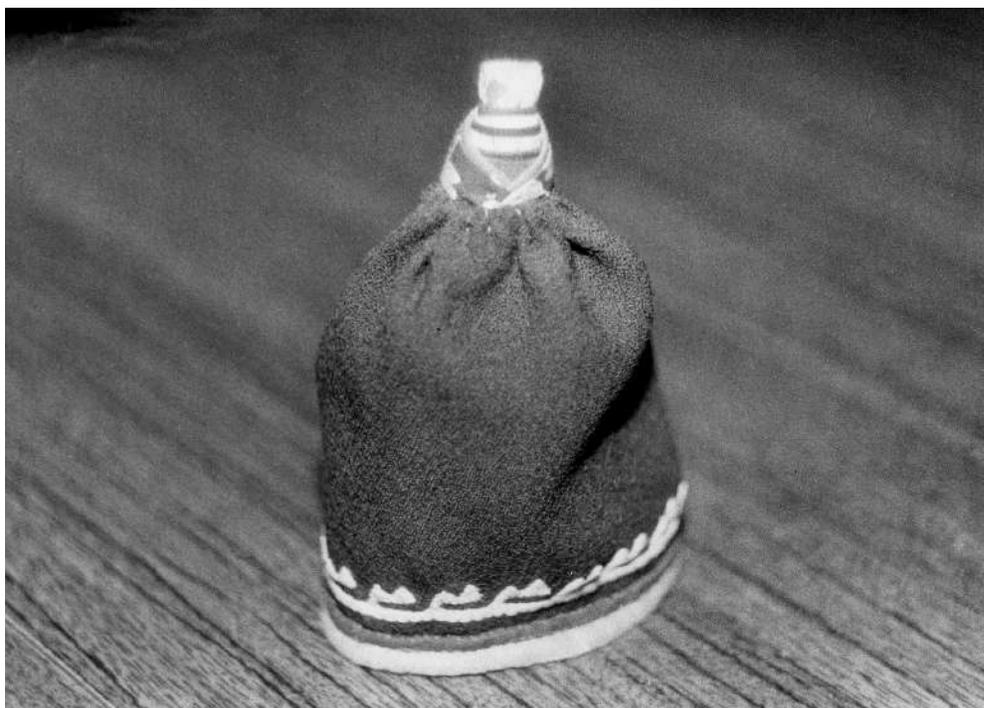
8. Реконструкция традиционной соломенной куклы. Коми-пермяки.

10. «Лицо» традиционной тряпичной куклы. Коми-зыряне.

9. Реконструкция традиционной тряпичной куклы. Коми-зыряне.

11. Традиционная безликая суконная кукла. Манси.

12. «Лицо» традиционной суконной куклы. Манси.

13. Традиционная безликая кукла из оленьего меха. Ханты.

14. Традиционные куклы-скрутки ижемских коми. Село Сизябск на р. Ижме. Республика Коми. 1993 г.

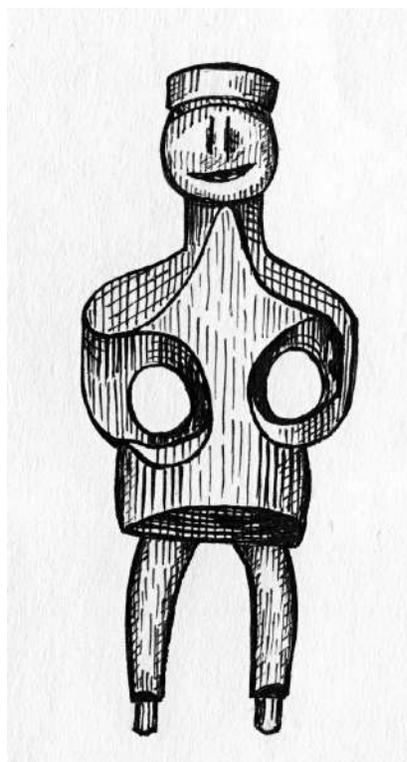
15. Традиционная кукла из утиного клюва. Вычегодские коми.

16. Традиционная тряпичная кукла ижемских коми. 1920-е гг. Фонды Национального музея Республики Коми, г. Сыктывкар.

18. Осиновая кукла ('двойник человека') с обозначенными чертами лица. 1920-е гг. Вычегодские коми. Фонды НМРК, г. Сыктывкар. Прорисовка Л. Я. Каневой.

19. Резная кукла с обозначенными чертами лица. 1920-е гг. Печорские коми. Фонды Печорского историко-краеведческого музея, г. Печора. Прорисовка Л. Я. Каневой.

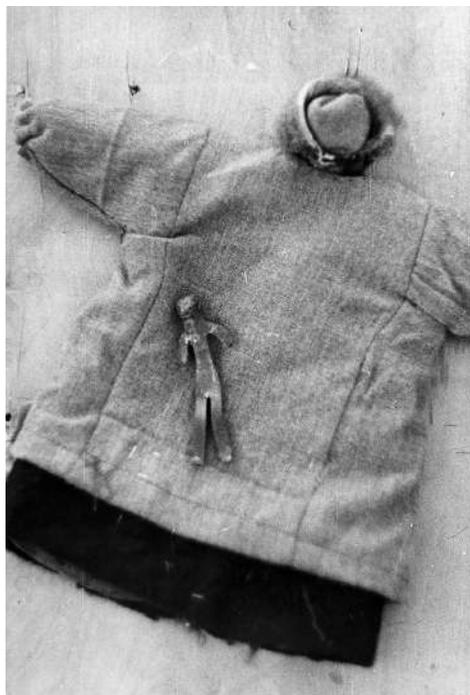
17. «Морт» – человек. Традиционная игрушка из грудной вилкообразной птичьей косточки. Вычегодские коми.

20. Обозначение черт лица на завершающем этапе изготовления фигуры личного духа помощника. Ханты. Стойбище Пунси, р. Салым, ХМАО. 1992 г.

21. Айтонкелли – изображение личного духа помощника. Ханты. Стойбище Пунси, р. Салым, ХМАО. 1992 г.

22. Иттерма – вместилище души умершего человека. Ханты. Деревня Усть-Войкары Шурышкарского района ЯНАО. 1994 г.

23. Родовой онгон семьи Яприных. Ханты. Село Мужы Шурышкарского района ЯНАО. 1994 г.

крупной картофелины антропоморфную фигурку, на лице которой обозначали глаза, уши, нос и рот. Из травы делали волосы и прикрепляли их к голове. Картофельного человечка хоронили в неглубокой ямке, над которой затем насыпали невысокий холмик. На вершине холма устанавливали крест, сделанный из щепок. В приведённом описании обращает на себя внимание упоминание о чертах лица картофельного человечка. Известно, что в традиционных культурах многих народов Севера и Сибири соблюдали запрет на обозначение у кукол рта, носа, глаз и ушей. Считалось, что изображение этих черт лица может сделать куклу опасной для человека [19, с. 120]. По повериям коми кукла, изображающая живого человека, может быть использована в колдовской магии: если закопать такую куклу в землю, то неминуемая болезнь или даже гибель грозят её двойнику [16, с. 55].

Авторами статьи был проведён любопытный эксперимент, косвенно связанный с обсуждаемой темой. Четырёхлетней девочке Насте было предложено нарисовать мёртвого человека. Настя изобразила его в соответствии со схемой, используемой ею для контурного обозначения на бумаге кукол: туловище без рук и голова без глаз, рта и ушей. Этот рисунок точно повторяет особенности, присущие традиционным матерчатым куклам коми.

В известном смысле безликость куклы соотносилась, по-видимому, с представлениями о мире предков. Здесь уместно упомянуть об одном святочном обычае коми: ряженные, изображая покойника, закрывали лицо белыми платками или марлей, а сверху одевали на голову цветной платок, который завязывали под подбородком. Показательно в этом отношении замечание одного хантыйского информанта, наблюдавшего за тем, как его дочь шила безликую тряпичную куклу: «Странно, что во всех играх эти куклы всегда спят...» (известно, что сон является метафорой «временной» смерти).

Антропоморфные деревянные изображения духов-хранителей у хантов, напротив, всегда наделяются чертами лица (см. фото № 8). При этом рот, глаза и уши вырезаются в последнюю очередь в ходе изготовления онгона [20, с. 17-18]. Эта символическая операция предшествует ритуальному оживлению духа-хранителя (ср.: современные дети, рисуя человека, как правило, лишь в последнюю очередь обозначают черты лица). По традиционным представлениям народов Сибири, именно через рот, нос, глаза и уши духи-покровители и духи-помощники вселяются в свои изображения или непосредственно в своих избранников [10, с. 81]. По традиции, характерной для хантов, чертами лица наделяются и металлические изображения душ умерших – ИТТЕРМА. Однако эти металлические фигурки хранятся внутри безликих тряпичных кукол, которые называются «вместилищем души умершего» (см. фото № 9)*.

Имеются, таким образом, достаточные основания полагать, что процедура вырезания черт лица у антропоморфного картофельного человечка могла восприниматься в качестве игрового акта его оживления, предшествующего и как бы акцентирующего последующее умерщвление и захоронение куклы. Показательно, что впоследствии дети никогда больше не играли «похороненными» (то есть прошедшими через ритуал оживления) куклами.

Таким образом, через нарушение запрета на символическое оживление куклы дети воспроизводили в игре мифологему появления Смерти – завершающего акта Первотворения, который проецировался на представления о жизненном цикле.

СТРАХ СМЕРТИ В ИГРЕ

Следующей ступенью, по степени эмоционального переживания, на пути приобщения к тайне Смерти можно назвать стремление испытать её дыхание на собственном опыте. Оно осуществлялось через непосредственное переживание смерти в ходе игрового уподобления самих себя безликим куклам.

Вплоть до 30–40-х годов в селениях по Сыsole и Вашке была распространена игра, которую условно можно назвать «сюн» (синяя глина). Она проходила на берегах рек и озёр. Дети добывали в прибрежных отложениях специальную синюю или голубую глину и, смочив её в воде, покрывали глиняной корочкой свои тела.

Анализ коми фольклорных и этнографических данных показывает, что в символических цветовых классификациях «синий», как правило, входит в отрицательный ряд. Так, например, коми-пермяки верили, что «колдуны», общавшиеся якобы с нечистой силой – лешим, «ездили к нему только на синем коне» [3, с. 81]. Словосочетанием «сюн чери» – синяя рыба в коми языке обозначается «вид мелкой несъедобной рыбы из породы многовых» [6, с. 664].

С «синим», по-видимому, связывались прямо или косвенно такие понятия, как «холод»,

* Полевые материалы авторов. Село Усть-Войкор, Шурышкарский район, Тюменская область.

*Подростки на мелководье р. Вашки. Село Чупрово
Удорского района Республики Коми. 1992 г.*

*Участие детей в обряде похорон. Печорские коми.
Фото из семейного архива А. С. Терентьевой. Село Троицко-Печорск. 1950-е гг.*

«север», «окоченение» и «смерть». Реальные физиологические процессы актуализируют употребление такой характеристики покойника как «синий». Любопытно, что прибрежная глина синеватого цвета (сюн) имеет неприятный запах сгнившей органики, в отличие от прибрежной глины красного цвета (сёй), которая не имеет специфического запаха и обладает несколько сладковатым привкусом (ср.: одно из названий этой глины – «чӧскыд сёй», т. е. сладкая или съедобная глина). В условиях голода 20–30-х годов на территории Коми края зафиксированы случаи массового употребления в пищу красной глины. По свидетельствам пожилых информантов, в прошлом «чӧскыд сёй» нередко заменяла детям сладости. Показательно использование красной глины и в народной медицине коми, где она применялась в качестве магического средства для снятия боли. В уменьшительно-ласкательных обращениях коми к младенцу – «сёй палю» (глиняная вульва), «сёй мошня» (глиняная мошонка), а также в шуточных обращениях к человеку, который легко поддаётся чьему-либо влиянию – «сёй морт» (глиняный человек), «сёй монь» (глиняная сноха) – угадывается универсальный для многих народов мифологический сюжет о творении Первочеловека из глины. Таким образом, можно предположить, что в традиционном мировоззрении коми символическое противопоставление красной и синей глины соответствует антитезе «жизнь – смерть». Можно также полагать, что смысл игрового перевоплощения детей заключался в уподоблении «синим покойникам». Эта гипотеза учитывает и пространственную локализацию игры. В многочисленных исследованиях показано, что река в традиционных верованиях выступала и как символическая граница между мирами, и как дорога в «иной мир».

Другой вариант «игры в покойника» был известен в прошлом в селе Читаево Прилузского района. Несколько девочек и мальчиков 7-11 лет собирались поздней весной или ранним летом на лугу вблизи села. По жребию или считалке определяли водящего, которому предстояло выполнять роль умершего. Весьма любопытно, что, по словам информантов, ребят, «желавших исполнять эту роль, всегда было немало».

Мнимый покойник ложился на землю, а все остальные рвали молодую траву и укрывали ему «тело». При этом плакали и причитали: «Почему ты нас оставил?», «Почему ушёл от нас?», «Вернись обратно».

Здесь уместна типологическая параллель с ритуальными действиями, совершаемыми над умершим в летнее время у удорских коми – обнажённое тело покойного с ног до головы покрывалось свежими листьями крапивы*. Памятуя о реальных бактерицидных свойствах крапивы, следует подчеркнуть и символический аспект этих действий – с древнейших времён во многих культурных традициях зелёный цвет считался символом воскресения [5, с. 54].

Показателен в этой связи и текст одного из народных преданий «О страстях господних»: «...Распяли Его на кресте леванитовом, прибивали Его по пятам и ладоням гвоздями железными, одевали в рубашку зелёную из зелёной крапивы...» [16, с. 29].

Когда трава в ходе игры полностью покрывала «покойного», произносилось поминальное слово, а затем играющие, как бы забыв о недавних похоронах, переходили к разговорам на интересующие их темы. Тем временем покойник резко и неожиданно поднимался и бросался в погоню за разбегающимися игроками. Тот, до кого он дотрагивался рукой, становился водящим, и игра начиналась вновь. Таким образом, мотив «умирания» в этой игре дополняется и отчасти преодолевается мотивом «возрождения», характерным и для других форм традиционного досуга.

*Записано со слов Е. М. Вурдовой, 1960 г. р., с. Кучмозерье, Удорский район, Республика Коми.

Традиционный репертуар развлечений коми детей включал и некоторые другие игры, в которых прямо или косвенно присутствовала тема смерти. Возможно, подобные игры, с одной стороны, давали детям испытать чувство страха, потребность в котором относится к числу фундаментальных особенностей человеческой психики. С другой стороны, игровой «контакт со смертью» мог служить своеобразным средством подготовки к загробному путешествию, мысль о котором никогда не покидает людей, и которая нередко особенно остро переживается именно детьми.

ВЫВОДЫ

Таким образом, детские игры со смертью, находившиеся под формальным запретом, обуславливались и как бы провоцировались мифопоэтической концепцией жизненного пути и символической половозрастной структурой сельского коллектива.

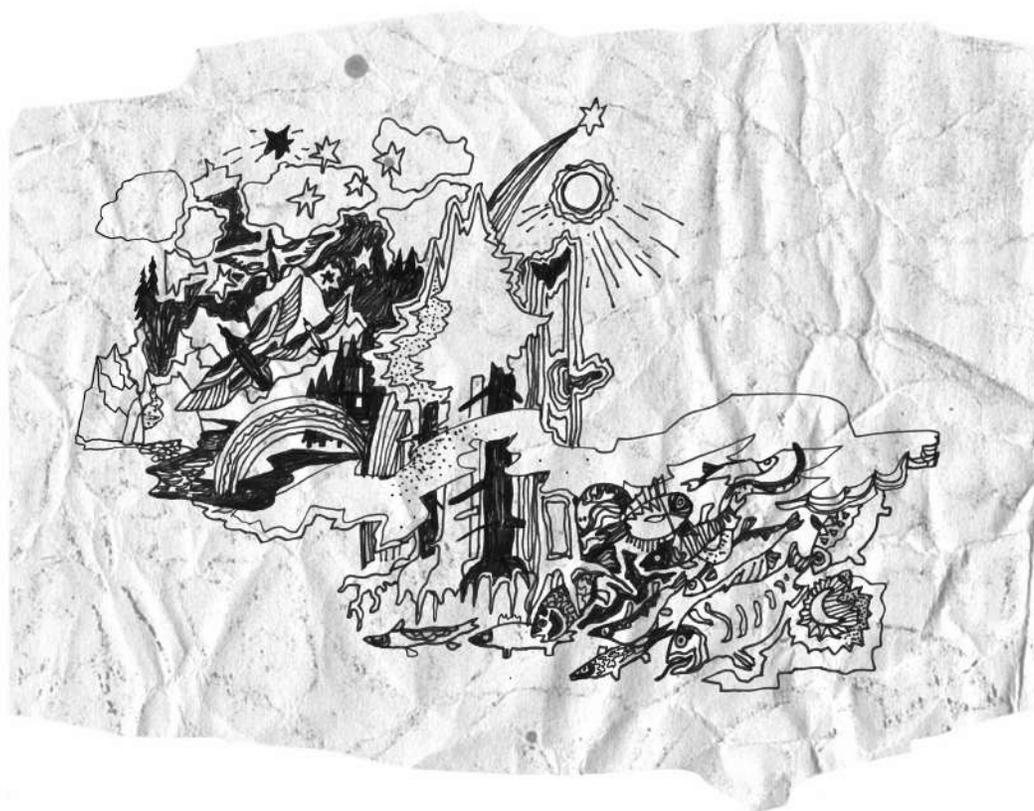
Можно полагать также, что репертуар и содержание рассмотренных игр, предполагающих своеобразный контакт с миром предков и царством смерти, свидетельствуют о том, что детские игры выступали в качестве одного из механизмов хранения и трансляции фундаментальных культурных ценностей, к которым в первую очередь относятся представления о мироздании, в символическом строении которого потусторонний мир занимает исключительно важное место.

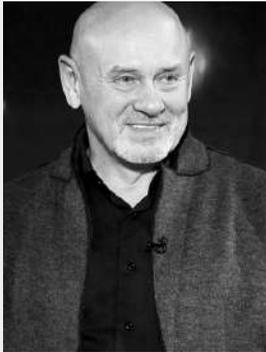
Игры, в которых фигурировал образ смерти, влияли, по-видимому, на динамику психологических состояний ребёнка и вектор его духовного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошин М. Лики творчества. Л., 1989.
2. Гуревич А. Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М., 1993.
3. Грибова Л. С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. М., 1975.
4. Дукарт Н. И. Святочная обрядность коми конца XIX – начала XX веков // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978.
5. Иванов В. В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
6. Коми-русский словарь. М., 1961.
7. Кон И. С. Этнография детства. Исторический очерк // Этнография детства. М., 1983.
8. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М., 1992.
9. Лотман Ю. М. Куклы в системе культуры // Декоративное искусство СССР. 1978. № 2. С. 36-37.
10. Мазин А. И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов. Новосибирск, 1984.
11. Мифы, предания, сказки хантов и манси. М., 1990.
12. Налимов В. П. Материалы по этнографии зырян и пермяков // Suomalais-ugrilainen seura. 1. 1. 38. P. 149.
13. Налимов В. П. К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов. Сыктывкар, 1991.
14. Несанелис Д. А. Несколько замечаний о соотношении игры и этикета в традиционной культуре северной деревни // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Межвузовский сборник научных трудов. Сыктывкар, 1989.
15. Рейнсон-Правдин А. Н. Игра и игрушка у народов Обского Севера // Советская Этнография. 1949. № 3.
16. Ремизов А. М. Сочинения: В 2-х книгах. Кн. 2. М., 1993.
17. Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. Л., 1928.
18. Социальная педагогика. Свердловск, 1989.
19. Тагер Е. Искусство и быт Севера // На Северной Двине. Сборник Архангельского общества краеведения. Архангельск, 1924.
20. Sharapov V. Wooden plastic in the context of shamanistic world view of the Salym Khanty // Shamanism and performing arts. Budapest, 1993.

Мифологический ликбез

Павел
ЛИМЕРОВ

Павел Фёдорович Лимеров – главный редактор журнала «Арт», член Союза писателей России, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. Область научных интересов – коми и русский фольклор, коми мифология, фольклоризм литературы, литературно-фольклорные взаимосвязи, проблемы религиозности народа коми. Автор более двухсот научных публикаций, в том числе девяти книг.

Ен и Омоль: как создавалась земля

Когда мы слышим слово «миф», мы невольно настраиваемся на удивительную сказку, на историю фантастических приключений Геракла, словом, на волшебство, которое невозможно в мире. Но древние люди воспринимали миф совершенно иначе. Для них он был священной историей, которая объясняла, почему мир устроен так, а не иначе. Многие мифы являлись тайной, тайным знанием, которое было известно только кругу посвящённых. Мифы отвечали на вопросы: откуда произошли боги, кто и как создал этот мир, откуда взялись животные и как был сотворён человек, а главное, они учили, почему мир таков, как он есть, и как в нём жить. Конечно, после того как пермяне-коми приняли христианство, священной книгой для них стала Библия, но едва ли многие из коми людей читали её, поэтому древние мифы сохранялись, хотя и изменяясь под христианским влиянием.

Рассказывают, что когда-то на Коми земле жили красивые, светловолосые люди. Но однажды напали на них чужаки. Они убили всех мужчин, а женщин взяли в жёны. А надо сказать, что потаённым знанием владели только мужчины. И вот, выжил только один древний старик. Собрал он женщин и рассказал каждой из них по одной тайне. И велел тайну эту передавать по наследству. А когда-нибудь найдётся наследник, который соберёт воедино осколки тайны, и тогда снова наступит хорошая жизнь.

Мы, наверное, никогда не узнаем, какая это была тайна, но старые люди верили, что где-то хранится книга, в которой записаны древние тайные знания. Рассказы о том, как создавалась земля – осколки этого самого тайного знания.

Христианство принесло на древнюю землю Вычегодской Перми веру в единого Бога, Творца неба и земли. А во что верили сами пермяне в те давние языческие времена? Древняя вера знала многих богов. Были боги неба и земли, боги лесов и

рек, даже любой ручей, впадающий в малую речушку, имел своего бога. Ен – небесный бог, главный, потому что он выше других – ведь небо так высоко... В языке коми небо называется *енэж* – буквально «божий луг» – это небесная твердь, по которой на своей колеснице катается Илья-пророк, бог грома и молнии.

Илья пророк едет в телеге, стоя на коленях, и четырьмя парами коней управляет, едет по железному мосту, гремит (это громом называют). Когда Илья пророк быстро едет, из-под колёс искры брызжут, этот огонь зарницей называют. А когда он сильно разгонится, говорят, будто он из лука стреляет.

Конечно, пророк Илья – персонаж библейский, но в мифологии коми он прочно утвердился на месте древнего громовника. Но откуда древним было известно, что небо – это твердь, божий луг? Ответ на этот вопрос, да и на многие другие вопросы, касающиеся устройства мира, давали мифы. И самый важный из них – миф о сотворении мира. Конечно,

А. В. Мошев. Ен: сотворение небес

происхождение жизни на земле во все века было великой тайной, да и сегодня эту тайну без особых успехов пытаются разгадать многие учёные. Но миф стал первой попыткой древних прикоснуться к этой тайне, описав её с помощью символов.

Символ – это условный знак, образ какого-либо понятия, идеи.

Никто не видел, как и из чего создавался мир, поэтому это событие нельзя описать как определённый факт. Однако с помощью символов можно описать то, что никто никогда не видел. Например, как представить себе мир до того, как он возник? Ведь до того, как появился мир, не было ничего! Вот это «ничего» учёные с ещё древнегреческих

времен стали называть словом *хаос*, что в переводе с греческого «пустота, пропасть, бездна». Вот из этой пустоты-хаоса впервые появляются боги (или бог), которые и создают мир. Вновь сотворённый мир принято называть греческим словом *космос*, в переводе «мир, вселенная».

В мифологии коми нет одного, узаконенного мифа о сотворении мира. В разное время учёные записали порядка десяти разных сюжетов, мало схожих друг с другом. Объединяет их то, что творцами всегда выступают два бога, два брата – Ен и Омӓль (Омӓль). Но первоначально оба брата в мифах не имеют человеческого облика. К примеру, в одном мифе оба брата предстают как

два голубя, в другом – как лебедь и гагара, а в третьем и вовсе – как две лягушки. Всё зависит от того, каким символом показан в мифе первоначальный хаос.

Туман... Мрак... Нигде не видно ни живого существа, ни растительности; один только голубь, прекрасный сизый голубь летал. Не раз он издавал голос с целью встретить живое создание. Не раз, томимый одиночеством, пытался он броситься с высоты полёта и разбиться, и тем кончить своё существование. Вдруг слышит он отклик, своему подобный, – голос человеческий. Помчались навстречу друг другу, назвались братьями, родными, милыми; посоветовались – решили изведать дно мрака и тумана. Один голубь нашёл землю. Другой нашёл тину. Когда первый голубь выпустил из клюва добычу – землю, то около её частиц стали собираться другие частицы, и скоро она начала принимать вид острова и покрываться растительностью. Тина распустилась. Зависть закипела у второго голубя, но он затаил её и обратился к первому с просьбой поработать вместе. Первый голубь был Ен, существо могущественное; второй – Омоль, существо слабосильное и завистливое.

В этом мифе хаос представлен в виде тьмы и тумана, то есть как нечто воздушное, поэтому братья имеют облик двух голубей. В мифе, где хаос имеет вид болота, братья-творцы представлены в обликах двух лягушек. Но чаще всего хаос в мифах коми выглядит как первозданное море, океан, не имеющий ни конца, ни края. А братья-творцы возникают на волнах этого океана как лебедь и гагара или два утёнка.

На поверхности первозданного океана плавали гагара и лебедь. Заспорили, чей голос сильнее. Гагара закричала: «Курлык-курлык» и спросила: «Испугался ли тот?» Лебедь говорит: «Нет», – и тихонько подала голос в отдалении. Гагара второй раз начала свой «курлык-курлык». В ответ в отдалении слышались раскаты грома. Сердце гагары затрепетало: в голосе лебедя почувствовало большую силу. В третий раз гагара закричала. В это время грянул гром, и молния ударила под самым боком гагары. Она бултыхнулась, нырнула в воду, еле осталась живой.

Птицы добывают из глубин океана щепотку земли, которая чудесным образом вырастает в материк. Ен-лебедь обладает божественной силой и приказывает гагаре-Омюлю достать землю из-под воды. Наверно, это правильно, поскольку гагара – природный ныряльщик и может долго находиться под водой. Как только земля превращается в материк, Ен и Омоль выходят на сушу в облике людей.

Конечно, мифы считались текстами священными, и в прежние годы их даже записывали в специальные тетради. К сожалению, рукописи до наших дней не дошли, но вот в 1920 году молодой учёный Павел Доронин переписал из такого рукописного сборника на коми языке миф о двух утятах, ставших братьями-творцами. Этот миф сегодня можно назвать самым известным в Коми.

По беспредельному первозданному морю-океану плавала утка чож, носившая в себе яйца жизнзарождения. Она долго искала места, где бы её высидеть своих птенцов, но так и не нашла себе пристанища. Четыре яйца, снесённые ею, были поглощены пучиной морской, только два последних яйца она сумела спасти. Высиженные под крылом матери, из двух яиц вылупились два птенца, два утёнка: Ен и Омоль. Это были два брата, два противоположных начала: жизни и смерти, добра и зла, правды и неправды, дня и ночи.

До возраста мать носила их на своей спине, потом попросила своих утят достать из пучины морской выроненные яйца и разбить их на её теле. После этого сама взметнулась ввысь, с разбегу ударилась в воду и убила.

Вот два брата, Ен и Омоль, начинают доставать материнские яйца из пучины морской. Нырнул сначала Ен в бездну морскую и стал искать потонувшие яйца. Прирождённое начало противоречия сразу заговорило в Омёле: пока брат его находился на дне морском, Омоль засвистел, закричал таким голосом, что от этого крика всё застыло и поверхность океана вся заледенела. Омоль возрадовался, что не осталось для брата выхода из-под воды. Вдруг засверкали молнии и с такой силой ударил

гром, что сразу весь лёд растаял, и забурлила поверхность моря-океана. От испуга Омӓль сразу нырнул в воду. Это Ен, выходя из пучины морской, ответил на козни Омӓля громом и молнией.

Ударил Ен вынужтое из пучины морской яйцо о тело убитой матери и взметнул вверх. В вышине сразу загорелось и заиграло солнце своими живительными лучами, а тело утки-матери разрослось в длину и ширину, покрылось лесом, зеленью и цветами. Так появилась земля-матушка.

Из яиц, разбитых Еном, загорается солнце, тело матери-утки разрастается в длину и в ширину, покрывается зеленью, лесами и становится «землѣй-матушкой», появляются ангелы, а от яиц, разбитых Омӓлем, загорается луна, на земле появляются озѣра и болота, зыбуны, рождаются демоны. Выйдя на сушу, братья принимают человеческий облик и продолжают творение мира.

Как видим, первовеществом, из которого создаѣтся мир, служат земля и тина, или вообще утиные яйца. В последнем случае божественная сила, скрытая в яйцах, превращает тело матери-утки в сушу, в материк. Значит ли это, что древние пермяне представляли землю как тело огромной утки? Как знать, образ утки в культуре коми был чрезвычайно популярен. До середины XX века мастера коми изготавливали для домашних нужд ковши и братины в виде уток, а почти в каждом крестьянском доме можно было увидеть на столе солонку-утицу, на крыльях которой нередко вырезались и два утѣнка.

Герои мифа названы братьями. Данный факт говорит о том, что в создаваемом ими мире оба они имеют равные права. Однако миф подчѣркивает, что оба брата являются носителями противоположных начал: добра и зла, жизни и смерти. Они противники изначально, и это подчѣркивается даже в их именах. Так, имя бога Ен имеет значения «бог, небо», тогда как Омӓль переводится как «плохой, скверный, худой, гадкий». И, хотя оба брата имеют способность творить, Ен – добрый бог, он создатель всего лучшего на земле: людей, солнца, звѣзд, лесов, рек, тогда как Омӓль – бог «мрака и тумана», он творец нечистой силы, луны, болот и гор, на-

секомых и земноводных. Поэтому неудивительно, что оба персонажа после принятия православия легко обрели облик христианских Бога и Чѣрта. И поскольку древний миф объясняет уже сотворение христианского мира, то в нём участвуют такие библейские персонажи, как Адам и Ева, Ной, Михаил Архангел и уже знакомый нам пророк Илья.

Война демиургов

Как только братья выходят на поверхность земли, между ними разгорается настоящая война. Ен старается обустроить мир, чтобы в нём было комфортно, но Омӓль портит то, что создаѣт Ен. К примеру, Ен сотворил цветы, деревья, леса, Омӓль – озѣра, болота, зыбуны. Ен создал лесных птиц и животных, полезных людям, а Омӓль – хищных птиц, зверей и пресмыкающихся. Причѣм «хищные» животные создаются Омӓлем как бы в ответ на сотворение Еном «полезных» животных. Так, Ен создаѣт белку для того, чтобы человек мог охотиться. В ответ Омӓль создаѣт куницу, чтобы она охотилась на белку. На это Ен отвечает созданием собаки, чтобы она помогала человеку в охоте на куницу. Омӓль соблазняет собаку шкурой, и она становится «нечистой», лез, то есть животным Омӓля. Омӓль создал мышей, крыс и кошек, чтобы они вредили крестьянскому зерну. Но Ен переманивает к себе кошку, дав ей шерсть и наказав ей за это ловить мышей и крыс. С тех пор собаку не пускают в дом, и она живѣт на улице, тогда как кошка – в доме.

Омӓль создал много крыс и мышей. И кошку сотворил. И Ен говорит: «Эти, – сильно будут крестьян обижать. Последний хлеб будут есть». И Ен одел кошку в красивую шубку, и сказал: «Ты, – говорит, – теперь мне слугой будешь. Мышей и крыс ловить станешь. Я тебе, – Ен говорит, – самое тѣплое место предоставлю и самое вкусное молоко дам пить. И ты, – говорит, – всю жизнь будешь сидеть возле трубы, и на полатах, по брусьям и перекладинам будешь ходить». И теперь возле трубы сидит кошка и молоко пѣт.

Омӓль создаѣт рысей, росомах и лисиц, чтобы они поедали всё, что есть на земле. На это Ен даѣт человеку разум, чтобы он умел

изготавливать ловушки и капканы для охоты за этими животными. Нередко творчество исходит от тёмного бога. Так, Омоль создал оленя, лося, зайцев, окуня, плотву, ершей, щуку, но Ен как бы забирает их себе, давая им определённые, только им присущие признаки. Окуню Ен дал прочную кожу, ершу колючки, щуке крестовидную кость в голове, налиму три маленьких белых камушка в голове, сделал края глаз плотвы красными.

Омоль сделал зайца и пришёл к Ену. Ен спрашивает: «Что уж ты сегодня сделал?» «Я, – говорит, – зайца сделал». Ен и говорит: «Я тоже зайца сделал». Омоль говорит: «Если ты тоже зайцев сотворил, то у нас они перепутаются». А Ен спрашивает: «У твоих зайцев, Омоль, кончики ушей тоже чёрные?» Омоль отвечает: «У моих – белые». Ен тогда сказал: «Пойдём в поле!» И Ен с Омолем отправились в поле. Позвал Омоль своих зайцев, ни один не прибежал. Ен кликнул зайцев, и у Ена зайцев с чёрными кончиками ушей несколько тысяч прискакало. И Ен говорит: «У меня зайцев вон сколько, а у тебя, Омоль, ни одного нет». Омоль отвечает: «Мои все исчезли».

Есть даже такое поверье у коми: когда побелеют кончики ушей у зайцев, наступит время Омöля – конец белого света.

Творениями Ена стали тетерев, куропатка, рябчик. Куропатка Ена пёстро-красная, а тетерев и рябчик имеют в груди остроугольную кость морт «человек».

Омоль сотворил рябчика очень большим. Как взлетает, от крыльев гром гремит. Однажды Илья пророк ехал по лесу, по дороге. С обочины рябчик взлетел. От шума крыльев лошадь испугалась, бросилась в сторону. Илья с лошади на землю упал. И проклял рябчика: «Пусть ты будешь не больше своего зоба». И с тех пор маленьким стал. И сейчас маленький.

Олень получил рога и шпоры, лось – особую гребешковую кость – *сынан*. Причём в текстах подчёркивается, что стоит Ену только «подумать», и его воля сразу исполняется. Положительно и отрицательно оцениваемые животные как бы дополняют друг друга, создавая равновесие в общей картине мира. Тем не менее, многие вещи объяснены своим происхождением одному из богов, поэтому

считаются только «чистыми» или только «нечистыми». К примеру, лягушки – творения Ена, их нельзя убивать, тогда как ящерица создана Омолем и считается «нечистой», убийство её рекомендовано: за одну убитую ящерицу снимается семь грехов. Петух и курица – творения Бога, первые созданные им птицы. Насекомых творит Омоль для того, чтобы навредить Ену. Пчела создана Еном из дождя и мёда.

Ен сотворил мёд. И полил дождь на землю, на травы, на листья, и в них родилась из мёда пчела. С тех пор пчела летает и собирает мёд в своё гнездо.

Ену принадлежит авторство и некоторых природных явлений. Прежде всего, Ен творит горы. Горы стали расти, но потеряли меру в своём росте. Тогда Ен проклял их, и они навек остались неподвижными. Радуга *ошка-мёшка* (букв. бык-корова) – это творение Ена. Радуга подошла к реке, попила воды, вода поднялась в небо, и пошёл дождь.

Создал Ен радугу. И радуга спустилась к реке и стала воду пить из реки. На небеса воду поднимает. И чем больше пьёт, тем больше облаков становится. И дождь начался. Где-то сильно лес сгорит, от этого тоже тучи появляются, туман появляется на рассвете. И если туман упадёт на землю, в этот день не будет дождя. А если он взойдёт к небесам, этот день будет дождливым.

Ен создал огонь в виде красивого румяного человечка. Но огонь стал жечь всё вокруг, и Ен наказал его, превратив в кремь и серу для спичек. Ветер также создал Ен, но после того, как ветер злоупотребил свободой и стал валить леса, Ен посадил его на цепь. Омоль создал луну, и всё на земле начало замерзать, тогда Ен сотворил солнце, на земле стало тепло, начали расти трава и злаки, пастись скот.

Вот так, в борьбе двух противоположных сил, создавался мир, в котором суждено было родиться главному творению Ена – человеку.

Сотворение человека

И вот, когда мир стал пригодным для жизни, братья-творцы приступили к сотворению человека.

Вылепил Ен из земли фигуру человека-мужчины идохнул ему в лицо. И ожил первый человек-мужчина на земле. Вылепил Омоль из земли фигуру человека-женщины и дунул ей в лицо один, два, три раза, но не ожила женщина, так как не было в Омёле животворного начала. Тогда дохнул Ен на творение брата, и ожила первая женщина.

Назвал Ен первого мужчину Адамом и повелел первым людям властвовать над землей. А после этого выстроил себе небо и удалился на него вместе со своими ангелами. Двенадцать лет Ен не являлся на землю.

На двенадцатый год пришёл и спросил у Адама, первого человека: «Где, Адам, твои дети?» И Адам ничего не сумел ответить, потому что ничего не знал о своих детях. Двенадцать лет жена его рожала детей, каждый год по девочке, и каждый год она убивала их сразу после родов, как учил её Омоль. Проклял тогда Ен первую женщину и сказал, что вечно она будет пожирать своих детей. И так была велика тяжесть греха её, что земля не смогла больше держать её на себе. Поглотила земля жену Адама и превратилась она в смерть, чтобы пожирать своих потомков, а двенадцать убитых ею дочерей стали помощницами своей матери, духами болезней и пороков.

Чтобы Адаму не было скучно, Ен во время сна вынул у него одно ребро и создал из этого ребра ему другую жену, Еву. От них и пошло потомство людей. Но Омоль не смирился с тем, что люди – творения Ена могут жить счастливо. Постоянно вмешивался он в жизнь потомков Адама и Евы, сея среди них раздоры.

Тысячу лет прожили Адам и Ева, дети их заполнили все уголки земли, но не прекращались раздоры между детьми и потомками Адама, а наоборот, всё росли и росли. Не стал Ен вмешиваться в дела людей и ушёл навеки от грешной земли на свои небеса.

Мы видим, как разверзлась земля, и первая женщина, ставшая смертью, провалилась вместе со своими дочерьми-болезнями. Этот сюжет для мифологии очень важен, потому что таким образом миф объясняет причину смертности человека. Но не только. Женщина-смерть уходит под землю,

открывая новый, нижний этаж мироздания. Отныне нижний мир становится миром умерших, куда отправляются все люди после кончины. А весь мир-космос обретает трёхэтажный вид: небеса Ена, нижний мир – для умерших и средний мир – для людей.

Есть и другая история сотворения человека.

Ен сотворил первого человека крепким, и кожа его была твёрдой, как ноготь. Отлучился Ен по своим делам, а сторожить человека оставил собаку. А первая собака была голой, без шерсти. Увидел это Омоль, задул холодным ветром, заморозил всё вокруг. Замёрзла собака, а Омоль ей говорит: «Если ты позволишь мне посмотреть человека, я тебе дам шубу». Разрешила собака посмотреть человека Омюлю. Оплевал Омоль человека со всех сторон, испачкал его и вывернул наизнанку. И дал Омоль собаке шубу.

Пришёл Ен, и человек не такой, как прежде. А как дьявол вывернул, только ногти остались на кончиках пальцев. Прогнал собаку, и с тех пор перестали пускать собак в дом. Стала собака нечистой, и к дому не подпускают.

Так что идеальная, крепкая кожа осталась только на человеческих ногтях, а внутри человека – скверна Омёля. Поэтому человек, к сотворению которого приложили руки оба бога, несовершенен, двойственен. Во-первых, люди делятся на два пола, во-вторых, человек при жизни имеет две души – лов, душу-жизнь, дыхание и орт, душу-тень, предсказывающую смерть, а в-третьих, человек, заражённый скверной Омёля, всю жизнь вынужден выбирать между добром и злом.

Сотворением человека завершается и сотворчество двух богов. Вслед за этим происходит раздел созданного мира, и Ен выбирает доброе небо, а его злому брату достаётся нижний мир. Происходит это так: увидев, что среди потомков Адама не утихают раздоры, Ен уходит от них на небеса.

Подражая брату, он строит над небом Ена другое небо: так, соревнуясь друг с другом, демиурги строят семь небес, причём чётные небеса строит Омоль, а нечётные – Ен. Все построенные небеса имеют цвета радуги,

но одно из небес Омёля – медное, и не пропускает на землю ни капли дождя. Люди на земле гибнут от наступившей жары.

Послал Ен Михаила Архангела. Пошёл тот к старшему Омёлю и не смог пробиться к нему. Жжёт у него огнём. Вернулся он обратно к Ену и говорит: «Господи, не могу к нему подойти, огнём жжёт». Разгневался Ен и сам пошёл к Омёлю и стал сверкать молниями и греметь громом. И стали рушиться небеса Омёля. И стали падать с тех небес три года рогатые бесы на эту землю. Те из них, кто упал в воду, – стали водяными, кто в лес – лешими. Поэтому и говорят, что есть на земле и в воде нечистая сила.

Упал на землю коварный Омоль, взмолился брату, чтобы дал он ему если не небеса, то хоть какое-то место в мире, хоть дырку в земле от забитого в землю колышка. Забил Ен колышек в землю, получилась дырка в земле, и ускользнул в неё Омоль. Не просто в дырку ушёл Омоль, ушёл он в мир смерти, в подземный мир. А через эту дыру ворвались на землю комары, мухи, черви, змеи – всё, что человеку нелюбо и вредит ему в жизни.

С момента сотворения человека мифическая история начинает включать в себя библейские мотивы, а Омоль всё более становится похож на христианского чёрта, дьявола. С именем Омёля отныне связывается понятие мыж «греха». Так, некоторые вещи, к созданию которых имел отношение Омоль, проклинаются Еном и признаются нечистыми.

Ен создал скрипку пу гудёк, но извлекать из неё звук его научил Омоль. Ен проклял скрипку, и с тех пор на скрипке играют при развлечениях, когда есть «повод для питья и ругательства», то есть для греха. Кузницы

также создал Ен, но работать в ней научил Ена Омоль, причём за науку выпросил для себя души всех умерших людей. Ен проклинает кузнечное ремесло как дьявольское, но души всех без исключения умерших людей: и праведников, и грешников с тех пор должны были отправляться в преисподнюю.

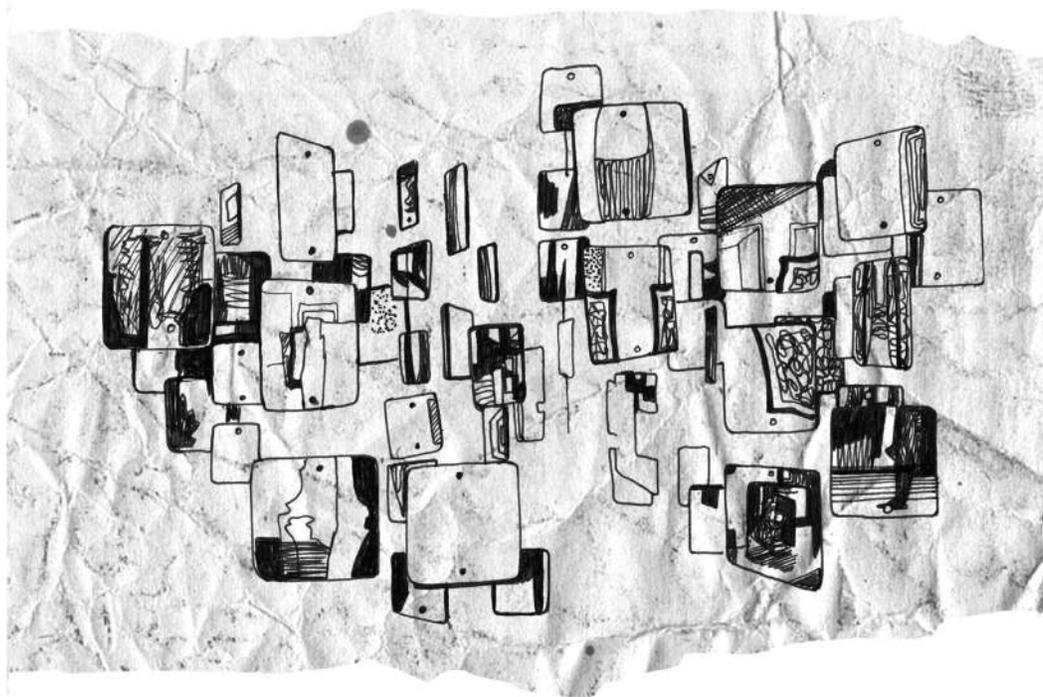
Так не должно быть в мире, поэтому ситуацию разрешает Иисус Христос. По легенде, Христос сходит в ад и разделяет грешников и праведников, поставив их по левую и по правую руки. Он выводит их из преисподней и обращает праведников в светлые звёзды, а грешников – в тёмные. Далее Христос отделяет свет от тьмы (по легенде, в то время был вечный день), а работу от отдыха. Отныне праведники и грешники после смерти начинают распределяться по разным этажам мира. Праведные образуют верхнюю, небесную обитель предков – рай, тогда как грешные души уходят вниз, в преисподнюю.

Созданный двумя божествами мир состоит из небес (семи небес), преисподней и мира людей, который находится посередине. Верхний этаж этого мира, небеса Ена, всегда оцениваются положительно. Здесь находится рай, куда устремляются после смерти безгрешные души, здесь живут праведники. Напротив, отрицательно оценивается нижний мир, преисподняя, место обитания Омёля, чёрта.

Земля стоит на воде. И вода стоит на аде. Ад стоит на корнях сердец людей, которые скупы и злы. Если, умирая, зло имеешь, сердце к дьяволу идёт, как и душа.

И само бытие мира, и человека, такого далёкого от совершенства, – служит доказательством того, что некогда, в начале времён, два брата-демиурга его таким сотворили, вернее, один творил, а другой портил.

Арт-факт

Ирина
САМАР

Ирина Ивановна Самар.

В 2001 г. окончила филологический факультет СыктГУ. С 2003 г. член Союза журналистов России, с 2021 г. член Правления Союза журналистов Республики Коми. С 1994 г. работала в штате газет «Вечерний Сыктывкар», «Городские ведомости», «Столица», «Республика», региональных приложений к федеральным газетам «Аргументы и Факты-Коми» и «Труд-Коми», республиканском журнале «Регион». Параллельно внештатно сотрудничала с большинством городских и республиканских печатных СМИ. Публиковалась в федеральных изданиях «Музыкальный журнал», «Музыкальный Клондайк», «Сцена», «Страстной бульвар, 10». Работала в пресс-службах разных организаций, в том числе Коми республиканской академической филармонии, Академического театра драмы им. В. Савина, Международного культурного фонда «Классика и современность». С мая 2022 г. является руководителем литературно-драматургической части Воркутинского драматического театра имени Б. А. Мордвинова.

Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова

*История появления
и сегодняшний взгляд на те события*

Историю учреждения, которое ныне называется Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова, можно назвать столь же трагической и одновременно героической, страшной и в то же время прекрасной, как историю самого города на реке Воркуте. А ещё она совершенно уникальна. Да, это не единственный театр за Северным полярным кругом – но один из очень немногих. Это не единственный театр, рождённый «за колючей проволокой» в период ГУЛАГа – но едва ли не единственный, не только «продержавшийся» до наших дней, но и работающий успешно. Самая же главная уникальная черта – Воркутинский театр появился раньше, чем Воркута стала городом. И получилось так благодаря тому, что в одно время в этом месте оказались два совершенно незаурядных человека, высоких профессионалов своего дела, с выучкой делать его качественно, без поблажек ни себе, ни подчинённым. И оба они попали на Воркуту по личному распоряжению Лаврентия Берии.

Как известно, Воркута – равно уголь, история строительства и развития города неразрывно связана с угледобычей в этом суровом месте. Геологические изыскания 1920-х подтвердили обширные запасы расположенного здесь Печорского угольного бассейна. Кроме того, в 1930 году экспедиция Г. А. Чернова обнаружила на реке Воркуте, помимо угля-антрацита, месторождения ценного коксующегося угля, крайне нужного в металлургии, необходимого как топливо и сырьё для коксохимической промышленности. Для обустройства региона решили использовать труд заключённых. В 1931 году был создан Ухтинско-Печорский (затем Воркутинский) исправительно-трудовой лагерь, заключённые которого стали основным источником рабочей силы на угледобыче.

Началась разработка месторождения – рядом стали появляться и жилые строения, и лагерные бараки. Территория и облик Воркуты во многом формировались вокруг угольных шахт: расположение разведанных месторождений определило, где будет находиться будущий город. В 1937 го-

ду на левом берегу реки Воркуты заложили шахту № 1 «Капитальную», рядом с которой возник посёлок горняков (на тот момент в основном заключённых ГУЛАГа) – Рудник. Рядом появились другие шахты.

А где бы ни трудились советские люди того периода, там начинала развиваться и творческая составляющая. Ведь не хлебом единым жив человек! И уже в 1933 году при Воркутлаге работал кружок художественной самодеятельности, в котором занимались заключённые артисты, режиссёры, танцоры. Так бы постепенно и развивалось месторождение: заключённые добывали бы уголь, в часы досуга радовали себя и окружающих творчеством. Но всё ускорила Великая Отечественная война.

Враг очень быстро захватил территории Донбасса, донецкий уголь оказался недоступен, и ещё острее встала необходимость в «чёрном золоте» Заполярья. Ускоренными темпами продолжили строить железную дорогу до Воркуты, в самом тогда ещё посёлке объёмы угледобычи стремились увеличить по максимуму. Но скоро «слово государево» молвится, да не так скоро дело делается...

Незадолго до начала войны, весной 1941-го, на Воркуту по этапу прибыл необычный заключённый – Борис Аркадьевич Мордвинов. Ещё совсем недавно он был частью творческой элиты страны. Любимый ученик К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, выпускник 2-й Студии МХТ, начинавший как актёр и вскоре, под руководством гениальных мастеров, выросший в большого музыкального режиссёра, профессора ГИТИСа и Московской консерватории. В. И. Немирович-Данченко доверил ему руководство своим Музыкальным театром в Москве. Мордвинов ставил оперы и балеты, работал с молодым Д. Шостаковичем, искал новые пути развития оперного искусства. В 1935 году ему было присвоено звание заслуженного артиста РСФСР, в 1936-м он стал главным режиссёром Большого театра СССР.

*Борис Аркадьевич Мордвинов,
основатель и первый художественный
руководитель театра*

Всё изменил арест 15 мая 1940 года по печально известной 58-й политической статье: режиссёра обвинили в «шпионских связях». Срок дали небольшой: всего три года. Про таких тогда говорили: посадить не посадили, а жизнь испортили. В следствии по делу участвовал сам Берия, он и отправил режиссёра в Заполярье. Первый год заключённого Мордвина продержали в страшной, пыточной Сухановской тюрьме, а затем отправили «досиживать» в Воркуту. Ему тогда был всего 41 год, но сердце уже изрядно подорвано.

По прибытии на место зэка Мордвина отправили на общие работы в порт. Но с сердцем у него было всё хуже, и его оставили дневальным в бараке, позволив вечерами вести самодеятельность в клубе посёлка Рудник и ОЛПе (отдельном лагерном пункте) № 1 – в том самом драмкружке, работавшем уже несколько лет. Пьесы ставились самые разнообразные, а артистов становилось всё больше: репрессивная машина исправно поставляла в Заполярье новых заключённых. Самодеятельность подразумевает, что ею занимаются артисты-любители.

*Михаил Митрофанович Мальцев,
начальник Управления «Воркутстрой»*

ли в нерабочее время. А тут увеличивалось количество профессионалов сценических и других видов искусства – они прибывали на Воркуту с каждым новым этапом, многие из них до ареста работали в крупных, ведущих театрах страны. Их жизненные условия были невыносимыми, маячила постоянная угроза смерти от голода, непосильного физического труда, соседства в бараках с крысами и уголовниками, которые каждую ночь кого-то резали... Видя это, Борис Мордвинов неоднократно предлагал лагерному руководству создать профессиональный театр. Но ему отказывали.

И вот в марте 1943 года на Воркуту прибыло новое руководство – только что назначенный (тоже лично Берией) начальник Управления Воркутстроя НКВД СССР, инженер-полковник Михаил Митрофанович Мальцев. До того возглавлявший под Сталинградом Сapéрную армию, он был срочно вызван с фронта в Москву и направ-

лен на Воркуту с задачей в кратчайшие сроки повысить угледобычу: где-то встречалась цифра, что ему предстояло за два года поднять количество добываемого угля в 10 раз. Мальцеву поручили рассматривать эту работу с позиций фронта, а не тыла, дали широкие полномочия и обещали снабдить всем необходимым для выполнения поставленной задачи.

С первых дней в Заполярье Мальцев развернул дело по законам военного времени. Чтобы угля стало больше, следовало увеличивать количество точек добычи – строить новые шахты, а также повышать производительность рабочих. Первое направление взяли в разработку, но наиболее оперативно можно было менять второе. Все силы бросили на рост производительности труда. Рабочий день для вольнонаёмных увеличили до 10 часов, для ээка – до 12 часов, а каторжане (к этому времени в стране была возобновлена каторга) работали без выходных. При этом одним из первых приказов Мальцева стало увеличение довольствия заключённых: голодные доходяги много не наработают, тем более в удлинённую смену.

Человеком Мальцев был непростым, порой жёстким, не знающим жалости ни к себе, ни к подчинённым (а в подчинении у него были все живущие на Воркуте – как заключённые, так и вольнонаёмные). При этом – крайне активным и, выражаясь сегодняшним языком, эффективным менеджером. Что-что, а решать поставленные задачи он умел, даже если при этом приходилось принимать нестандартные решения и делать необычные шаги. В том числе – ценить каждого профессионала, который оказывался в распоряжении. И ему было не так важно, в каком статусе специалист. Главным было сделать дело! А для этого Мальцев мог и заключённого, если тот являлся мастером своего дела, поставить на руководящую должность. Поэтому, видимо, для решения столь сложной задачи на Воркуту прислали именно его.

Нестандартные действия Михаила Митрофановича довольно быстро принесли результаты по добыче и отправке угля на большую землю. Пошли плановые и сверхплановые эшелоны воркутинского угля в блокадный Ленинград, которые тогда спасли город на Неве...

Однако для решения амбициозной, глобальной задачи этого оказалось мало. Будучи опытным организатором и руководителем, Мальцев понимал, что для настоящего трудового порыва вольнонаёмным работникам нужны положительные эмоции, качественный отдых. Собственно, про то, что народ нуждается не только в хлебе, но и в зрелищах, эффективные управленцы знали задолго до Мальцева. Но какие зрелища могли быть в тогдашней Воркуте, которая являлась барачным посёлком вокруг лагерных зон – спектакли драмкружка клубной самодеятельности? Нет, их было недостаточно, те представления не могли дать необходимого масштаба, мощности источника радости.

А тут и заключённый Мордвин, ранее получавший отказы от прошлых руководителей Воркуты, к новоприбывшему Мальцеву обратился с тем же предложением: открыть на базе клубной самодеятельности профессиональный театр, благо что кадры кое-какие есть. Не только те, что прибыли по этапу с ведущих, зачастую лучших сцен страны, но и те, которых удалось воспитать в процессе самодеятельного творчества.

А тут и заместитель Мальцева Шварцман, и его супруга...

Надо сказать, что у Михаила Митрофановича, как у многих хороших руководителей, была своя команда, которую он брал с собой на новое место назначения. И в Воркуту приехал вместе со своим заместителем, «правой рукой» – тоже инженером Симеоном (Симоном) Бенционовичем Шварцманом, который буквально за несколько месяцев до этих событий женился. Супругой Шварцмана стала

прима Ростовского театра музыкальной комедии Наталия Ивановна Глебова. Женился, кстати, отчасти благодаря Мальцеву. Тот был заядлым театралом, любил оперетту и при каждой возможности старался попасть на хороший спектакль. Будучи в освобождённом от фашистов Ростове-на-Дону (освобождение случилось в середине февраля 1943-го), он пошёл в театр, где в честь возвращения города под контроль советских войск возобновились спектакли. И Шварцман взял с собой. Там Симеон Бенционович увидел на сцене блистательную артистку, героиню – и влюбился, попросил у своего руководителя разрешения на заключение брака. Не сразу, но Мальцев разрешил, и его заместитель стал новоиспечённым супругом. Ради мужа Наталия Глебова оставила сцену и поехала за ним.

И вот приезжает на Воркуту Шварцман, а с ним жена – прима оперетты. Что ей тут, в Заполярье, делать?

Но есть Борис Мордвин – экс-главный режиссёр Большого театра, и его предложение основать театр. К тому моменту трёхлетний срок заключения мастера сцены подошёл к концу, но до окончания войны осуждённым по 58-й статье было запрещено покидать Воркуту – они «пересиживали» свои сроки.

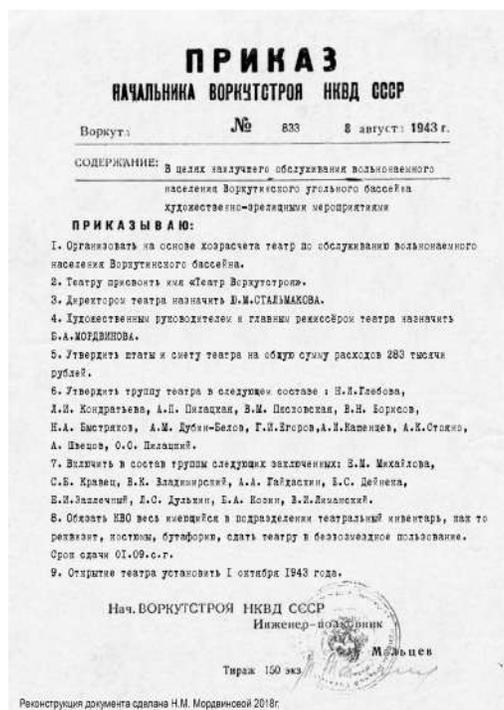
И в конце июля 1943 года начальник Воркутстроя Михаил Мальцев собирает совещание с работниками культуры. Сохранилась примерная стенограмма его выступления (тоном, не допускающим возражения): «Здесь в Заполярье, в условиях Полярной ночи и вечной мерзлоты, мы должны создать театр яркой зрелищности, весёлый и лиричный, с музыкой лёгкой и красивой, чтобы наши труженики, придя в свой театр, могли отдохнуть, развлечься, полюбоваться зрелищем радующим и бодрящим. Разумеется, в дальнейшем театр должен уделить внимание серьёзным драматическим спектаклям, но открыть его нужно опереттой. Сейчас, с приездом Наталии Ивановны Глебовой, это становится

возможным, так что вы, Борис Аркадьевич, займитесь этим вплотную. Через три дня вы мне представите ваши соображения и перечень всего необходимого. Подумайте также о сроках подготовки первого спектакля. Думаю, что театр мы должны открыть не позже первого октября».

Разумеется, через три дня Мордвинов представил свои соображения и перечень необходимого. Клуб в посёлке Рудник начали спешно перестраивать под театр, и Мальцев взял это под свой личный контроль. Все остальные вопросы были поручены Мордвинову: собрать нужных артистов (вокалистов!) и музыкантов с инструментами, а также сотрудников постановочной части: художников, костюмеров, бутафоров, осветителей... Выбрать оперетту, раздобыть её либретто, ноты и приступить непосредственно к постановке.

Тем временем в создаваемый театр начали переводить из разных ОЛПов заключённых артистов и других творческих деятелей, которые могли быть полезными на сцене и за кулисами. Так сюда прибыли известный солист Всесоюзного радио, бас и драматический баритон Борис Дейнека, солистка музыкального театра им. Немировича-Данченко Сарра Кравец, великолепный баритон из Кировского (ныне снова Мариинского) театра Теодор Рутковский, балетмейстер Алексей Дубин-Белов, артисты Борис Козин, Владимир Владимирский, Елена Михайлова из Малого театра, художники Тихон Буря, Леонид Зализняк, скрипач и дирижёр Владимир Белик, хормейстер Геннадий Жильцов, а также недавно освободившийся молодой талантливый пианист и концертмейстер Александр Стояно.

А в списке вольнонаёмных артистов первым номером значилась Наталия Глебова. Её коллегами в этом статусе стали артисты самодеятельности, с которыми до этого работал Борис Мордвинов: самородок, подающая надежды Вера Пясковская, супруги Оскар и Александра Пилацкие.

Приказ о создании театра

Чтобы обеспечить театр артистами массовой, хором и кордебалетом, специально организованная комиссия отбирала среди заключённых людей, способных петь, танцевать, играть на музыкальных инструментах.

8 августа 1943 года вышел Приказ начальника Управления Воркутстроя НКВД СССР М. М. Мальцева за № 833: «В целях наилучшего систематического обслуживания вольнонаёмного населения Воркутинского угольного бассейна художественно-зрелищными мероприятиями организовать на основе хозрасчёта театр...» Один из пунктов приказа: «Художественным руководителем и главным режиссёром театра назначить Б. А. Мордвинова». В других пунктах поимённо перечислены участники первой труппы: двенадцать вольнонаёмных артистов (как профессиональных, так и пришедших из самодеятельности) и девять заключённых.

Предполагалось, что зрителями театра

станут руководители всех мастей и члены их семей, сотрудники лагеря, охранники, вольнонаёмные рабочие и прочее население города: бывшие заключённые, ссыльные, спецконтингент. Впрочем, Воркута пока ещё не город: такой статус, стараниями Мальцева, она получит лишь 26 ноября 1943-го. Это пока посёлок, но театр в нём уже основан. И местные жители будут сидеть на представлениях согласно своим статусам: самое главное начальство в первых рядах, низшие в иерархии «чины» – на галёрке. Артисты потом вспоминали, как было интересно наблюдать карьерный рост того или иного функционера: на спектаклях он начинал занимать места всё ближе и ближе к сцене...

К первой постановке выбрали оперетту Имре Кальмана «Сильва» – к тому времени очень известную и любимую во всём СССР. Вероятно, не в последнюю очередь на выбор произведения повлияло то, что не было нот ни одного произведения – их предстояло где-то взять. И тогда Наталия Глебова и Теодор Рутковский, прекрасно знавшие «Сильву» практически наизусть, в течение трёх дней напели все вокальные партии и мелодии концертмейстеру Александру Стояно. Тот записал ноты, сделал клавир и оркестровую партитуру на первый маленький, всего из восьми музыкантов, но настоящий оркестр.

На партии героев в этой постановке Мордвинов назначил Наталию Глебову (Сильва) и Бориса Дейнеку (Эдвин), на «простаков» Бони и Стасси – Бориса Козина и Веру Пясковскую. Глебова и Козин были профессиональными театральными артистами, Пясковская – актрисой и певицей, которую Мордвинов «вырастил» в самостоятельности (она имела диплом Киевского химико-технологического техникума, но по специальности не работала, и была женой крупного НКВД-шного начальника по фамилии Чепига). А вот Дейнека, при его двух высших музыкальных образованиях, лауреатстве в первом «собиновском» конкурсе вокалистов, шикарном голосе и за-

писью на Всесоюзном радио песни «Широка страна моя родная», под которую по утрам просыпался весь советский народ, был совершенно не «игровым» артистом, до этого он не играл ролей на сцене, а лишь пел. Но Рутковский, который мог бы сыграть и спеть роль Эдвина, после нескольких лет отсидки, увы, уже не тянул на роль молодого героя-любовника... Надо было работать с теми, кто более-менее подходил под требования. Специально для баса Дейнеки почти теноровую партию Эдвина пришлось транспонировать, а Мордвинову стоило больших усилий сделать из этого исполнителя не только поющего, но и играющего драматически артиста. Но в том и был его режиссёрский талант, великолепная школа, что даже за столь короткий срок он сумел это сделать...

Портрет Александра Стояно – концертмейстера Воркутинского музыкально-драматического театра работы художника театра Петра Бенделя

*Наталья Глебова и Борис Дейнека
в спектакле «Сильва», 1943 г.*

Накануне выхода спектакля Б. А. Мордвинов волновался больше, чем перед премьерами в московских, академических театрах. В своей постановке «Сильвы» он решил уйти от опереточных штампов, создав лирический и драматический спектакль, который бы перекликался не столько с другими классическими опереттами, сколько с оперными образцами вроде «Травиаты»: тема социального неравенства, невозможности союза аристократа и девушки с сомнительным статусом в обществе, в которую герой влюблён вопреки воле родителей, звучит в обоих произведениях, но с разной степенью трагизма. Артисты, прошедшие в жизни через многие сложности, с готовностью откликнулись на это прочтение режиссёра.

Первый, предпремьерный показ спектакля состоялся 30 сентября 1943 года. На

нём присутствовало всё начальство и ударники труда, заполнившие зал «под завязку». Успех был колоссальный! И премьера, конечно, состоялась. Горожане очень полюбили «Сильву»: эта постановка выдержала более сотни представлений. Сотый показ был в декабре 1946-го, уже после отъезда из Воркуты Б. Мордвинова – в редакции нового главного режиссёра Владимира Рыченко. Главной новизной спектакля стало прекрасное оформление художником Петром Бенделем. В тот вечер в зале присутствовали люди, которые посетили все сто показов «Сильвы».

Есть известное выражение: «Через тернии к звёздам». Трудно сказать, применимо ли оно в полной мере к театру, который тогда создавался. Через тернии – да, безусловно. К звёздам?.. В то время деятелям театра было, как говорится, «не до жиру – быть бы живу». Они понимали, что первый спектакль должен родиться в срок, премьера должна дать жизнь их театру, который подарит им, особенно тем, кто в заключении, шанс сохранить себя не только в профессии, но и в самой жизни. Работа в театре давала возможность выбраться из шахты и хотя бы днём почувствовать себя нормальным человеком, а не униженным, бесправным ЗК, трудиться в человеческих условиях. Ведь заклю-

*Борис Козин и Вера Плясковская в оперетте
«На берегу Амура»*

Сцена
из спектакля
«Сильва»,
слева направо
Борис Козин,
Наталья Глебова,
Борис Дейнека,
Вера Пясковская,
1943 г.

чённые артисты продолжали жить в бараках: каждое утро их в любую погоду вели от ОЛПа в театр три с половиной километра пешком, под конвоем с собаками, а вечером так же обратно... Заключённый Алексей Марков, попавший с тяжёлых подземных работ в театр, ставший в нём актёром и администратором, позже писал: «В детстве я учился играть

на скрипке, пел в хоре, увлекался самодеятельностью... Мог ли я предположить, что моё детское приобщение к искусству спасёт меня в годину испытаний... Экзамен я сдал с лёгкостью, у меня был баритон, ноты читал с листа... Когда я из шахты попал в театр, у меня было такое ощущение, что я из ада попал в рай. Обстановка в театре была

Сцена из
спектакля
«Сильва».
В главных
ролях Наталья
Глебова и Борис
Дейнека, 1943 г.

Елена
Владимировна
и Алексей
Алексеевич
Марковы
на фоне
театра

тёплая, дружелюбная. И хотя нам приходилось работать по 18 часов в сутки, мы не унывали. Нами двигала любовь к театру, мы были исполнены энтузиазма. Борис Аркадьевич Мордвинов сделал из меня артиста оперетты..., наш замечательный скрипач Миша Носырев обучил игре на контрабасе...»

Борис Мордвинов говорил тем, кто работал рядом с ним: «...труд в театре – это наше единственное спасение. Он даёт смысл жизни, хоть немного позволяет забыть унижительность положения, а главное, спасает от разложения».

И если не к звёздам, то к относительно нормальной жизни в бытовом плане и воистину счастливой – в творческом театре своих «крепостных» артистов смог привести. Впрочем, какие звёзды на пути, если многие из этих людей сами были звёздами сцены – уже до попадания в Воркутлаг! И в Воркуте быстро восстанавливали свой статус. И после освобождения, отъезда из Заполярья вновь блистали на столичных подмостках. Вспоминая потом воркутинский период своей жизни и творчества, при всей его тяжести, как один из самых счастливых...

Вольнонаёмные артисты относились к заключённым коллегам с уважением и

никогда не подчёркивали их неравенство: напротив, помогали, чем могли, подкармливали. В лагерях заключённые-уголовники артистов также уважали. И горожане, как могли, высказывали «крепостным» актёрам своё почтение. Аплодисменты на спектаклях были под запретом («зэкам не хлопают!»), но когда заключённых артистов вели под конвоем по городу, прохожие, видя их, останавливались и снимали шапки.

Труппа довольно быстро пополнялась новыми кадрами: молох репрессий работал бесперебойно, а «кадры» в Воркуту по запросу М. М. Мальцева направлялись со всего северного ГУЛАГа. В 1944–1945 годах в Воркутлаге находилось наибольшее число заключённых – более 60 000 человек. И тогда лишь одних только творческих сотрудников в театре было более 150, из них заключённых – до 90 %. Многие из драматических артистов и вокалистов, музыкантов, танцовщиков, художников нашли в Воркутинском музыкально-драматическом театре настоящее спасение. В годы войны учреждение давало в год более 600 спектаклей, не считая выездных концертов, гастролей и постоянных репетиций новых постановок.

В Воркуте по слову Мальцева могли под-
нять артистов в два часа ночи, если завтра
премьера, а начальник Воркутстроя в си-
лу занятости не успел посмотреть новый
спектакль: закончив поздним вечером,
ночью работу, он распорядился устроить
генеральный прогон прямо у него дома – в
особняке, построенном по проекту заклю-
ченного архитектора К. В. Олтаржевского,
который стал достопримечательностью
Воркуты и получил название «Дом
Мальцева» (так, в частности, было перед
премьерой единственной оперы, постав-
ленной Мордвиновым в Воркуте). По лич-
ному разрешению Мальцева в Доме пионер-
ов открывались кружки для детей и музы-
кальная школа, в которой советским детям
преподавали «враги народа» и «японские
шпионы». В Воркуте находился единствен-
ный в СССР театр, на сцене которого в опе-
реттах танцевали запрещённый в осталь-
ных городах «буржуйский» канкан. Всё это
было возможно тогда лишь на Воркуте.

Следующими после «Сильвы» поста-
новками были известные, классические
оперетты «Марица», «Перикола», «На бе-
регу Амура», комедия на украинском языке
«Наталка-Полтавка», пьеса В. Масса и
М. Червинского «Где-то в Москве». И мно-
жество концертных программ: к каждой
праздничной или торжественной дате, к
любому политическому событию, по заяв-
кам офицерского состава органов НКВД.

А Борис Мордвинов мечтал поставить
здесь оперу. И в особенности – «Фауста»
Ш. Гуно, постановку которого осуществить
в Большом театре ему очень хотелось, но
так и не удалось. Тем более что и попал в
лагеря он, по одной из версий, за то, что
отозвался с иронией на высказывание
Сталина, что произведение М. Горького
«Девушка и смерть» – «штука посильнее,
чем «Фауст» Гёте». В июле 1945 года опе-
ра была поставлена: Маргариту сыграла
Н. Глебова, Мефистофеля – Б. Дейнека.

В середине августа 1945 года артистам
поступил внезапный приказ Мальцева о

*Теодор Рутковский и Наталия Глебова в опере
«Фауст» (в ролях Маргариты и Фауста)*

срочном выезде всего коллектива на ме-
сячные гастроли в Абезь. С гастролей им
предстояло вернуться с подготовленной
к премьере опереттой «Марица», которой
театр собирался открыть третий сезон. Как
рассказывали потом в театре, приехавший
сюда посмотреть спектакль известный
начальник соседнего лагеря полковник
В. А. Барабанов восхитился выступле-
нием артистов, но высказал мнение, что
здание наскоро перестроенного под те-
атр шахтёрского клуба не соответствует
столичному уровню голосов и постано-
вок. Мальцева это задело, и он предло-
жил Барабанову приехать через месяц.
Возможно, тогда меж ними было даже
заключено пари. Ровно месяц дали мо-
лодому архитектору из спецконтингента
Всеволоду Лунёву, чтобы создать проект
масштабной реконструкции здания посел-
кового клуба и воплотить его в жизнь.

Здание театра (бывший Дом шахтёра) до реконструкции, 1943–1944 гг.

Реконструкция здания театра подходит к концу, сентябрь 1945 г.

Дабы успеть провести работы в срок, на стройку пригнали каторжан, которые трудились в три смены. Часть работ (в частности, отливку гипсовых масок для фронтона здания) провёл сам архитектор. И артисты, вернувшиеся из Абези 15 сентября, не узнали свой театр. На прежнем месте их встретил поистине «белокаменный дворец»: прекрасное белое здание классических линий, с колоннадой и театральными масками на фронте, просторным фойе и увели-

ченным зрительным залом, гримёрками и иными подсобными помещениями. Он был деревянным, но под специальной штукатуркой, которая давала эффект белого мрамора. Вся Воркута любовалась и гордилась своим театром.

Борис Мордвинов покинул Воркуту в 1946 году. За три года руководства он поставил здесь шесть оперетт, одну оперу («Фауст»), четыре драматических спектакля и несколько концертных программ, а также

принял участие в постановках других режиссёров. В сводке, поданной в 1947 году завлитом Григорием Литинским начальству, сообщалось, что за отчётный период спектакли и концерты театра посетили 650 000 трудящихся Воркутинского бассейна и соседних строек. Артисты выдерживали по 60-65 представлений в месяц.

Тот же Литинский – автор самых полных воспоминаний о Воркутинском театре – писал, что с отъездом Бориса Аркадьевича всё как бы сразу поплёкло и потускнело. Но атмосфера, созданная первой командой театра, сохранялась ещё много лет, и огромный, сложный механизм, грамотно запущенный рукой Мастера, исправно работал. Столичный уровень постановок основателя и первого худрука поддержали великолепные профессионалы, прибывшие ему на смену. Это был единственный в мире театр, который одновременно выпускал спектакли всех жанров: оперы, оперетты, музыкальной комедии, драматические и детские спектакли, а во всех видах концертных программ находилось место цирковым номерам, малому симфоническому оркестру, джаз-банду, оригинальному жанру, художественному свисту, чечётке и многому другому.

Вскоре после Мордвина из Воркуты уехал и генерал Мальцев – его перевели в Германию. Тем, кто возглавил театр после 1946 года, нужно было удерживать планку, заданную основателем, высокий художественный уровень спектаклей и концертов. Но после отъезда Мальцева материальное положение театра резко ухудшилось, и всё громче, жёстче звучали требования к театру большей самоокупаемости.

Уже с 1946 года театр ставил не менее 15 спектаклей в год, не считая концерты и театрализованные программы. Поставлены ещё несколько опер и оперетт, представляющих собой лучшие мировые образцы в своих жанрах. То же относится во второй половине 1940-х к драматическим спектаклям. Кроме увеличения числа постановок и концертов, с 1947 года театр начинает

постоянную гастрольную деятельность. В 1948-м учреждение меняет название и становится «Театром дома культуры комбината Воркутауголь МВД СССР». Далее следует ужесточение режима, и ряд ведущих артистов отправляется обратно в лагерь.

В начале 1950-х, с освобождением многих заключённых артистов, в театре были сокращены оркестр, хор и балет, что резко ударило по музыкальному репертуару (самому популярному у зрителей). В 1953 году группа вокалистов и музыкантов уехала в Сыктывкар, и Воркутинский театр получил статус драматического, 26 апреля 1956 года он передан в ведение Министерства культуры Коми АССР.

В 1958 году театр постигло огромное горе: великолепное белое здание, фактически выстроенное за тот памятный месяц осени 1945-го, полностью сгорело. Воркута оплакивала его как близкого друга. Город остался без главной достопримечательности, а театр – без дома, уютного и любимого. После пожара произошёл символический переход учреждения от сталинской эпохи с её неволей к новому времени. Началась совсем другая история...

Для театра было заложено новое здание, спроектировал которое также Всеволод Лунёв. Его построили в 1959 году, и оно получило статус Дворца культуры шахтёров, на сцене которого работали как артисты драматического театра, так и самодеятельные творческие коллективы. В этих стенах труппа проработала более 30 лет. 19 марта 1975 года распоряжением Совмина Коми АССР Воркутинскому театру присвоено звание «Государственный драматический театр».

В 1990 году учреждению предоставили отдельное здание дома политпроса, находящееся в центре города. Ни его зал, ни сцена, ни закулисное пространство не были приспособлены к специфике постановки и проката театральных спектаклей. Но благодаря профессионализму строительных организаций Воркуты, ведущих специалистов

Елена Александровна Пекарь, Елена Владимировна Маркова и Надежда Михайловна Мордвинова в день знакомства, 20 апреля 2018 г.

технических цехов, которые разработали проект перестройки сцены, и тогдашнему руководству театра за несколько месяцев была проведена уникальная реконструкция сцены. 6 марта 1991 года новая сцена открыта премьерой спектакля «Западня» по пьесе Р. Тома.

За 75 лет своей жизни и творчества театр знавал разные времена, переживал пик творческой формы и спад интереса зрителей к театру как таковому, работал в разных статусах. Трижды были попытки «сверху» его закрыть, но горняки Воркуты каждый раз отстаивали любимый театр, и он продолжал жить, творить, радовать жителей и гостей города своим искусством, ездить на гастроли, а в 2010-х начал участвовать и в фестивалях, откуда стал привозить заслуженные награды. В 2017-м в театре открылась молодёжная студия «Театр-Дом».

В феврале 2018 года театр возглавила председатель Союза театральных деятелей Республики Коми Елена Пекарь, а уже через два месяца на гастролях театра в Москве состоялась судьбоносная встреча директора театра с внучкой его основателя Надеждой Михайловной Мордвиновой и женой Алексея Маркова – старейшего работника театра и фактически ученика Б. А. Мордвинова (того самого, что «из шахты в театр – как из ада в рай»), каторжанкой Воркутлага Еленой Владимировной Марковой. Результатом встречи стали план

возрождения к 75-летию ВДТ ранее существовавшего музея и идея проведения выставки об истории появления театра в Москве, в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина.

Для сбора материалов в сентябре 2018 года в Воркуте впервые побывали Надежда Мордвинова и её супруг, единомышленник Дмитрий Журов. Уникальный материал для выставки был собран, родился визуальный образ экспозиции и её название: «Сверхзадача – выжить». 23 ноября 2018-го на юбилейном вечере к 75-летию театра открылся возрождённый музей. Выставка «Сверхзадача – выжить» открылась в ГЦТМ им. А. А. Бахрушина 19 января 2019 года. В том же году она затем экспонировалась в Сыктывкаре и Воркуте, а в 2021-м – в Санкт-Петербурге.

И, наконец, 5 марта 2019 года решением Правительства Республики Коми Воркутинскому театру присвоили имя его основоположника: «Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова».

Столь громко и ярко отметив 75 лет со дня рождения, учреждение начало подготовку к следующему юбилею. И 80-летие встретило под девизом соединения времён, проложив символический мост памяти между событиями 1943 года и днём сегодняшним. Под общим названием «Соединяя время» в фойе открылся арт-объект и вышла из печати книга о прошлом

и настоящем театра. А самым главным событием юбилейной осени явилась постановка поэмы о театре «Сильва. Дойти до премьеры» по оригинальной пьесе московского драматурга, театрального деятеля Сергея Коробкова, режиссёром стал так же москвич Валерий Маркин. Это «спектакль о спектакле» – уникальная музыкально-драматическая работа, повествующая о появлении театра, его первых деятелях и о премьере, которой впервые распахнулся занавес, началась история длиной уже в восемь с лишним десятилетий. Это художественное произведение, которое основано на реальных событиях. И это так же легло в канву концепции «Соединяя время».

Премьерные показы спектакля «Сильва. Дойти до премьеры» с огромным успехом, при аншлагах прошли в октябре 2023 года в Воркуте, публикации о нём вышли в федеральных печатных СМИ и на телеканале «Культура». В июне 2024 года постановка была показана на гастролях в Ногинске, произведя на подмосковную публику не менее неизгладимое впечатление, чем на воркутинскую. А через пару дней приняла участие в X Международном

театральном фестивале «У Троицы», где жюри присудило ей два спецприза: «За лучший музыкальный спектакль» и заслуженной артистке РК Оксане Ковалёвой за роль Сильвы.

В октябре 2024 года этот спектакль в ходе гастролей, поддержанных грантом Главы Коми, был дважды показан в Сыктывкаре. В мае 2025 года он примет участие в XXII Фестивале театров малых городов России, который пройдёт в Сыктывкаре.

В конце зимы 2025 года спектакль «Сильва. Дойти до премьеры» вошёл в «Золотой фонд театральных постановок России», сформированный ведущими экспертами театра, Союза театральных деятелей РФ к 150-летию творческого союза.

К началу марта этот спектакль находится в статусе номинанта Национальной театральной Премии и Фестиваля «Золотая Маска» сезона 2023–2024 годов в номинации «Драматический театр. Лучшая работа драматурга». Для прохождения финального этапа продвижения в конкурсном цикле 16 марта 2025 года состоится показ постановки членам жюри «Золотой Маски», которые для этого приедут в Воркуту.

Воркутинский драматический театр имени Б. А. Мордвинова

«Сильва. Дойти до премьеры»: сцена из спектакля

«Сильва. Дойти до премьеры»: после сдачи спектакля его участники с автором пьесы С. Коробковым, режиссёром В. Маркиным и почётными гостями празднования 80-летия ВДТ

В статье использованы материалы книги «Соединяя время». Фотографии из архивов Воркутинского музейно-выставочного центра, Н. М. Мордвиновой, И. А. Марковой, ВДТ имени Б. А. Мордвинова и из открытых источников.

Любовь
БОЯРСКАЯ

Любовь Константиновна Боярская.

*Театральный критик.
Выпускница Российского
государственного
института сцениче-
ских искусств (СПб).
Публиковалась в
журналах «Вопросы
театра/ PROSCAENIUM»,
«Петербургский теат-
ральный журнал»,
«Невский театрал»,
«Зрительный ряд», сбор-
нике «Феномен актёра».*

Воркутинский драматический театр
имени Б. А. Мордвинова

«Милые бранятся – только тешатся!»

*(по одноактным пьесам А. П. Чехова
«Предложение» и «Медведь»)*

Режиссёр-постановщик Захар Комлев

Сегодня театры не пустуют – народ тянется к живому искусству. «Милые бранятся – только тешатся!» – соответствующее чеховским шуткам-комедиям название дразнит и манит. В наше тревожное время хочется испытать радость, приобщиться к жизнелюбию, заразиться оптимизмом... Всё это можно получить всего лишь за два часа, посмотрев искромётный водевиль в виртуозном исполнении артистов Воркутинского драматического театра, выступившего в октябре 2024 года на сцене Академического театра драмы им. Виктора Савина в рамках гастрольного тура по Республике. В «Милых...» смешные люди чеховских пьес – женихи, незамужние девицы, вдовы и вдовцы, – с их неуклюжими и странными проявлениями и жадной любви вызывают заразительный и одновременно снисходительный смех.

Брак и семейные отношения можно назвать одним из важнейших сюжетообразующих элементов творчества писателей рубежа XIX – XX веков. Количество произведений Ибсена, Стриндберга, Шоу, Брехта и Чехова, затрагивающих эту тему, весьма велико. Выдающийся норвежец Генрик Ибсен когда-то

ошеломил всю Европу драмой «Кукольный дом» (1879), в которой жена решила уйти из семьи, чтобы обрести свою индивидуальность. Не менее великий шведский писатель Август Стриндберг написал целый цикл новелл под общим названием «Супружеские идиллии» (1884–1886), в которых семейная жизнь часто представлена в саркастическом ключе. Кроме того, во всём мире до сих пор ставят пьесы Стриндберга «Фрёкен Жюли» (1888) и «Отец» (1887) – в обеих тема брака обретает трагический масштаб. Антон Павлович Чехов, впитавший в себя веяния новой европейской драмы, также посвятил теме любви и супружества не одно произведение. Лёгкость, с которой Чехов описывал отношения между мужчиной и женщиной в ранних произведениях, позже сменилась грустью и разочарованием («О любви», «Дама с собачкой», «Анна на шее» и т. д.). Но в период публикаций в петербургской газете «Новое время» Антоша Чехонте писал о желании влюбиться и жениться исключительно с юмором. К числу блистательных, искромётных комедий Антона Павловича относятся одноактовки «Предложение» и «Медведь», написанные в 1888–1889 годах. Они не только стали классикой мировой литературы, но и обрели постоянную сценическую жизнь в репертуаре многих отечественных и мировых театров. Из-за схожести

мотивов героев и абсурдности комичных ситуаций эти две пьесы иногда составляют один спектакль – такова постановка воркутинского театра.

Режиссёр Захар Комлев взял чеховские «короткометражки» и создал из них полный «метр» в двух действиях. Первый акт предваряется оригинальным прологом, в котором герои обеих комедий встречаются на охоте. Глухие чащи кустарников, фотопроекция тёмных стволов деревьев, охотничья беседка (сценография Екатерины Давыдовой) – всё указывает на вечернюю охоту. В глубине чёрной коробки сцены сначала появляется плотный мужчина с охотничьим ружьём, безуспешно пытающийся заставить свою собаку ловить зверя. Потом выходят ещё двое с ружьями: один в пиджаке а ля норфолк, другой в тулупе. Это Степан Степанович Чубуков (Николай Аникин), Иван Васильевич Ломов (Анатолий Жуков) и Григорий Степанович Смирнов (Захар Комлев) – герои «Предложения» и «Медведя». Как бы представляя себя зрителю и определяя будущую коллизию действия, они обмениваются репликами из пьес, иногда заимствуя их у других персонажей.

СМИРНОВ. Все женщины, от мала до велика, ломаки, кривляки, сплетницы, ненавистницы, лгунишки до мозга костей, суетливы, мелочны, безжалостны <...> Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня!.. Но теперь – слуга покорный! Теперь меня не проведёте! Довольно!

ЛОМОВ. ...не жениться мне нельзя... возраст, так сказать...

И тут Ломова подстреливает его сосед – отец будущей невесты, Чубуков Степан Степанович. Он подстреливает его буквально и метафорически: ведь раненый, простите, в мягкое место, Иван Васильевич пойдёт свататься к дочери Чубукова, Наталье Степановне (Александра Артемьева).

Сцена сватовства начинается с ещё одного пролога, музыкально-водевильного (комполитор Динар Хаматнуров), – заигрывания служанок с единственным слугой в доме Чубукова, предваряя тему романтических фантазий и ожиданий. Ломов у Чехова описан как «здоровый, упитанный, но очень мнительный помещик». В спектакле его роль играет Анатолий Жуков – жилистый, подтянутый, стройный. Попытка сделать Наталье Степановне предложение вырастает в целый пластический этюд с обыгрыванием раненой ноги. На ум невольно приходит герой Михаила Козакова из «Здравствуйте, я ваша тётя!» с его ставшей крылатой фразой «Я старый солдат и не знаю слов любви!» Но как бы ни мешала нога, слова любви всё же приходится подбирать и предложение делать. Сначала Ломов вынужден объясниться со Степаном Степановичем, встретившим жениха в фартуке, вымазанном кровью: кабана, мол, подстрелил, вот, разделяваю. От слова «подстрелил» Ивану Васильевичу становится худо, а на предложение сесть он и вовсе делается невесёлым.

Выражаясь словами самого Антона Павловича, можно сказать: «Если в начале пьесы на стене висит ружьё, то в конце оно должно выстрелить». В «Милых...» ружьё на сцене стреляет сразу – в цель. На словах Ломова «я приехал просить руки у вашей дочери...» Чубуков аж присел, притаился за скамейкой, как охотник перед выстрелом в пугливого зверя, а затем, крадучись, всё так же боясь спугнуть жениха, попросил повторить сказанное. Чубуков-Аникин – полный жизни, экспрессивный и немного нервный (будешь тут!), как будто Богу, а не Ломову, адресует своё ликование – «это было моим всегдашним желанием!», – тут же зовёт дочь. С этого момента всё пойдёт немного не по плану...

Зритель, читавший пьесу или видевший хоть одну постановку «Предложения», уже знает, что дальше благие намерения Ивана Васильевича жениться сменятся до абсурдности нелепыми спорами на почве мелких бытовых вопросов – кому принадлежат ненужные никому Воловьи лужки... В итоге Ломову приходится ковылять на хромой ноге к выхо-

Фото Евгении Смирновой

Фото ВДТ имени Б. А. Мордвинова

«Предложение». Фото ВДТ имени Б. А. Мордвинова

ду. «В голову ударило <...>, в боку дёрнуло, <...> левая нога отнялась, <...> умираю» – Чехов делает ипохондрию Ломова комическим приёмом, самоигральным театральным юмором – и тут очень кстати пришёлся пролог с ранением на охоте. Анатолий Жуков исполняет роль Ломова по-актёрски тонко – перепады от Волковых лужков и Откатая с Угадаем к романтическим и лирическим излияниям забавны и драматичны одновременно. У Чубуковых, напротив, ничего, нигде и никогда не болит – герои Николая Аникина и Александры Артемьевой пышут здоровьем. Жизнь их, правда, также пуста и мелочна, хоть и полна большего оптимизма, которого добавляет финальный, с боем давшийся (в основном, стараниями папаша, бегающего половину действия с иконой в руках для благословения), поцелуй Наташи Степановны и Ивана Васильевича. Здесь фельетонный юмор чеховской комедии соединяется с театральным куражом и небанальными режиссёрскими находками, которые обнаруживаются и в следующей миниатюре.

«Медведь». Фото ВДТ имени Б. А. Мордвинова

Фото Евгении Смирновой (Самарский академический театр драмы им. М. Горького)

Пьеса «Медведь» – часть общего сюжета спектакля, в котором речь идёт, в общем-то, о странном устройстве человека, погрязшего в рутине и упускающего радость жизни. Помещица Елена Ивановна Попова ещё и погрязла в скорби об умершем муже, у которого, кстати сказать, с радостью жизни было всё в порядке. Ольга КокOLEвская с самого начала играет Попову с нарочитым надрывом, с аффектациями произнося: «жизнь моя уже кончена...», «я погребла себя в четырёх стенах», «мы оба умерли», вызывая гомерический хохот в зале. КокOLEвская как будто создаёт образ демонической женщины по Тэффи, у которой «подняты брови трагическими запятыми и полуопущены глаза», для пушщего эффекта выделенные жирной чёрной подводкой.

«Женоненавистник» Смирнов в исполнении Захара Комлева, как и полагается, немного нервный, но весьма обаятельный нестарый помещик. Его коронная фраза – «Двенадцать женщин я бросил, девять бросили меня!» – звучит хоть и смешно, но очень убедительно. Поэтому «вдовушке с ямочками на щеках» не удаётся долго настаивать на своём – её верность супругу до гробовой доски быстро становится эфемерной. И тут наконец-то надо упомянуть про умершего мужа, который здесь вовсе не внесценический персонаж, а впол-

не реальный. Упомянутая Чеховым в ремарке к первой сцене фотографическая карточка покойного, на которую томно смотрит Попова, выросла в постановке Комлева в целую роль – Портрет (Андрей Грачёв). Пожалуй, это лучшая режиссёрская находка, удвоившая и без того высокий градус комизма в «Милых...». Портрет здесь взаимодействует со всеми героями спектакля, став для кого-то молчаливым собеседником, а для неудачливого помещика ещё и товарищем по выпивке, не сказать пикантнее.

И снова надо отдать должное способности Захара Комлева обыгрывать чеховский текст: из короткой реплики «Человек! Дай рюмку водки» режиссёр выстраивает большую, до коликов смешную сцену. Портрет, «висевший» в раме, перетянутой траурной лентой (ловко придуманный Екатериной Давыдовой приём с окном-рамой в стене декорации), вдруг оживает. Видя, как помещик наливает себе из графина порцию водки, приготовленной, кстати сказать, для поминок покойного, весьма шокированный то ли реально ожившим помещиком, то ли его видением, вызванным лёгким опьянением, Смирнов осторожно подносит ему рюмку водки. Компанию Смирнову и Портрету невольно вынужден составить случайно зашедший убрать со стола слуга Поповой, Лука (Анатолий Аноприенко) – сообразили, так сказать, на троих.

Вдовствующая помещица тем временем пришла в себя: она уже не рыдающая верная жена, а готовая к бою женщина, ошарашившая темпераментом и влюбившая в себя прожжённого женоненавистника Смирнова. В течение всего лишь часа Ольга Кокоревская демонстрирует широкий комедийно-драматический диапазон своего актёрского дарования. Вся сцена с так называемой дуэлью, где один дуэлянт учит, как стрелять, другого, а точнее, другую, вызывает у публики безудержный смех. Зыбкие попытки настаивать на своём заканчиваются для обоих крахом – страстным поцелуем. «Батюшки!» – восклицаем мы неожиданно радостно вместе с Лукой. Проиграл от такого финала только конь Тоби, которому так и не дали «лишнюю осьмушку овса»...

Гастрольная афиша Воркутинского драматического театра им. Б. А. Мордвинова в Сыктывкаре, Ухте и Печоре была в ушедшем году весьма разнообразна: Коляда, Чехов, Коробков – все представители разных эпох и художественных стилей. Лишь на первый взгляд выбор пьес может показаться случайным. Три спектакля – «Без тебя», «Милые бранятся – только тешатся!» и «Сильва. Дойти до премьеры» – одной из самых талантливых актёрских трупп республики и страны составляют некий цикл, в котором содержится общее раздумье о вечном и современном. Не случайно в центре их оказались отношения мужчины и женщины. Бесценный дар – любовь – высмеивается, отвергается, калечится и вновь обретается. Жанровое разнообразие всех трёх постановок позволяет зрителям и поплакать, и посмеяться, и взглянуть на себя со стороны.

Ольга
ОРЛОВА

Ольга Владимировна Орлова, заведующая отделом музейно-исследовательской работы Национальной галереи Республики Коми, член Союза художников России.

Ангелина
ТЕРЕЩУК

Ангелина Григорьевна Терещук, специалист по экспозиционно-выставочной деятельности 1 категории Национальной галереи Республики Коми.

«Музыка как живопись, живопись как музыка»

«Музыкальный тон имеет прямой доступ в душу. Он немедленно встречает там отзвучие, так как человек «носит музыку сам в себе»,
– Василий Кандинский

Сегодня художественные выставки приобретают особую значимость и привлекают всё больше зрителей, становясь ключевым элементом развития и осмысления искусства.

Экспериментальная экспозиция выставки «Тон» соединила в одном пространстве две творческие сферы: музыку и изобразительное искусство. Идея выставки «ТОН» – провести параллель между музыкой и визуальностью. Посмотреть на произведения искусства как на новую реальность, а не изображение чего-то. Художники и музыканты, выстраивая гармонию, писали картины и симфонии, концерты, сонаты в разных ТОНальностях. «ТОН» – в музыке звук определённой высоты, в изобразительном искусстве – одна из трёх основных характеристик цвета.

В основе идеи проекта лежит интермедиальная (межвидовая) эстетика, которая помогает проследить, как один вид искусства ссылается на другой: музыка – это живопись, живопись – это музыка. Данное тождество между разными видами искусства и создаёт единство искусства.

Синтез искусств оказывает наибольшее эмоциональное воздействие на человека, обращаясь ко всей полноте его чувств. Произведения помогают визуализировать музыкальные темы и наоборот: музыкальные средства дали возможность зрителям расширить границы натуралистического изображения.

Существует ряд общих черт, объединяющих музыку и живопись, графику, скульптуру. Это понятия: «композиция», «тональность», «колорит», «настроение». К отличительным особенностям относятся понятия «звук» и «цвет». Однако между ними в истории искусств всегда была связь.

Художники и музыканты искали взаимовлияние в живописи и в музыке, проводя ассоциативные параллели, которые иногда были результатом интуитивных личных ассоциаций. В начале XX века художники-авангардисты поставили музыку и живопись во главу угла. Они отчётливо ощущали эту связь. Абстракционисты сравнивали себя с музыкантами, а свою работу – с партитурой. Вместо нот

художники использовали цвет и форму, стремясь добиться того же эффекта, как и звучание музыкальных инструментов.

Важными аспектами художественной выставки стали подача экспозиции, создание атмосферы, поиск оригинальных композиций, цветовое решение и освещение, а также функциональность экспозиции.

Экспозиционный дизайн (Д. О. Гринюк) позволил осуществить идею авторов с помощью визуального оформления выставочного пространства через цветовую гамму, объекты, инсталляции, шрифт и многое другое. Экспонаты и информация о них были поданы в привлекательной и понятной форме, что позволило посетителям эмоционально взаимодействовать с экспонатами.

Интерактивность проекта заключалась в использовании QR-кодов, ссылки на онлайн-ресурсы, где можно было услышать музыкальные композиции или узнать о художниках. Данные ресурсы вовлекали посетителей в процесс восприятия информации.

Залы экспозиции – миры идей, вдохновения для художников и музыкантов, существующих в содружестве (и любителей данных творческих сфер). Представленные произведения в большинстве своём написаны в XX веке. Экспериментальное дизайнерское решение пространства экспозиции способствовало восприятию произведений искусства с точки зрения современного контекста.

В первом зале произведения были расположены не классически, не тематически-хронологически, а неупорядоченно в пространстве, воплощая парящее в воздухе вдохновение, что создавало иллюзию движения с показом в некоторых случаях оборота картин, которая обычно скрыта от зрителя.

Камертоном экспозиции явилась композиция «Музыка» (1920) одного из учеников Казимира Малевича – Лазаря Зупермана, в полной мере раскрывающая потенциал живописи как проявления музыкальности. Лазарь Зуперман в большей степени был теоретиком авангардного искусства, чем художником. В этом уникальность живописного полотна

из собрания Национальной галереи. Музыка в работе Л. Л. Зупермана рассматривается как гармония без сюжета: его живопись абстрактна, удаляясь от изобразительности в сторону аранжировки цветов, удаляясь от выражения идей. Зуперман «бунтует» против изображения предмета, но он никак не может окончательно от него избавиться.

Одним из первых художников, который соединил звук и цвет, был абстракционист Василий Кандинский. Художник стремился визуализировать звуковой ландшафт, а именно создать полотна, позволяющие зрителю услышать «внутренний звук» цвета («Импровизация», «Композиция»). Художник В. Кандинский считал, что «...цвет – это клавиша, глаз – молоточек, душа – многострунный рояль».

В зрительном ряде экспозиции кураторы (О. В. Орлова, А. Г. Терещук) отразили многомерное понимание синтеза музыки и изобразительного искусства: портреты композиторов, музыкантов, певцов и любителей музыки, тональные пейзажи, натюрморты с музыкальными инструментами, сюжетные композиции. Представлены портреты всемирно известных композиторов: П. И. Чайковского, Д. Б. Кабалевского, Д. Д. Шостаковича, П. И. Чисталёва, Я. С. Перепелицы и других.

Сюжетные композиции с изображением человека и инструмента дали возможность посетителю увидеть эмоциональное погружение музыканта в момент создания музыкальной композиции. Самое раннее произведение, относящееся к данной тематике, – кисти Альфонсо Савини «Скрипачка» – написано во второй половине XIX века.

Эта тема раскрывается в произведениях Д. С. Кондратьева, Н. Н. Шевченко, Д. Б. Боровского, Э. А. Жареновой, В. А. Степашкина и других советских и российских авторов. Так, в графическом листе В. А. Дувидова герметичность и строгость контуров произведения «Пианист» задаёт тон драматических интонаций, созвучных самой графике. Музыка, вид неизобразительного искусства, изображена сама – но так, что мы не можем сказать точно,

какая это музыка и чья она. И произведения, которые они играют, остаются неопределёнными, неизвестными зрителю. Единственное, в чём можно быть уверенными, это то, что музыкальное произведение происходит из КУЛЬТУРЫ, ЭПОХИ. В результате изображённым оказывается не какое-то воспринимаемое на слух музыкальное произведение, а сама МУЗЫКА – МУЗЫКА как, возможно, та гармония, которой она не может быть на самом деле, но в которой художник видит музыку своей живописи.

Натюрморты с изображением музыкальных инструментов словно повествуют зрителю об их природе звучания, что отчётливо ощущается у Е. Е. Моисеенко и Ю. Ю. Косаговского.

Пейзажи, наполненные тональным звучанием, в исполнении Г. П. Егошина, Д. С. Беридзе, Ю. С. Тризна, художников Республики Коми В. П. Кононова, Т. В. Васильевой, В. С. Шустова. Пейзажная акварельная графика последней четверти XIX века П. Сало и С. И. Васильковского напоминает об особенностях сложной техники, в основе которой лежит не цвет, а тон. А. Заборщиков в живописном листе «Покой» создал гармонию цвета, без предмета изображения. Светлость создаёт гармонию тишины, покоя. Картину можно проанализировать с точки зрения музыкальности. Процесс интерпретации картины зритель начинает с КРАСКИ («золотой поток» брызг), а не с гаданий о замысле художника. Цвет для художника сам становится музыкальным инструментом. «Природа содержит элементы, в цвете и в форме, всех изображений, как клавиатура содержит ноты всей музыки», – Джеймс Уистлер.

Авангардное искусство стало лейтмотивом – идейным тоном выставки. Помимо произведения Л. Зупермана, на экспозиции были представлены графические серии листов С. М. Бордачёва, А. Н. Корнилова-Тихонова, живопись А. С. Фёдорова, вдохновлённая джазом, графическое произведение В. Н. Афонского.

Второй зал – пространство для посетителей, где можно было пережить новый опыт эмоциональной трансформации. Посетителям предлагалось поучаствовать в творческом интерактивном моменте – перформансе в арт-объекте «Уединение с ясностью» (выразить словами или изображением то, что вас вдохновляет). Записи в арт-объекте были опубликованы на сайте выставочного проекта «Тон», впервые созданного к конкретной выставке (новый опыт для галереи).

В рамках выставки проходили выступления музыкантов, встречи с художниками, лекции искусствоведов и музыковедов.

Видео-арт, включённый в экспозиционное пространство, выполнен с помощью искусственного интеллекта «Runway Gen-2» с использованием произведений Keith Jarrett «Love № 2», Натальи Высоких «Лодка» («Путешествие») (авторы Анжела и Анастасия Размановы).

В пространстве зала вывешены QR-коды с цитатами, с музыкальными высказываниями, импровизациями. В коридоре была представлена инсталляция с графическими произведениями, связывающая оба зала.

Зритель получил полную свободу действий, самостоятельно выбирая маршрут движения, что позволило усилить эмоциональное воздействие.

В экспозиции основное внимание было сосредоточено на тех явлениях музыки, изобразительного искусства и их синтеза, где эти искусства соприкасаются непосредственно, где в одном виде творчества происходит использование и претворение образов или свойств другого, либо они соединяются в едином воздействии.

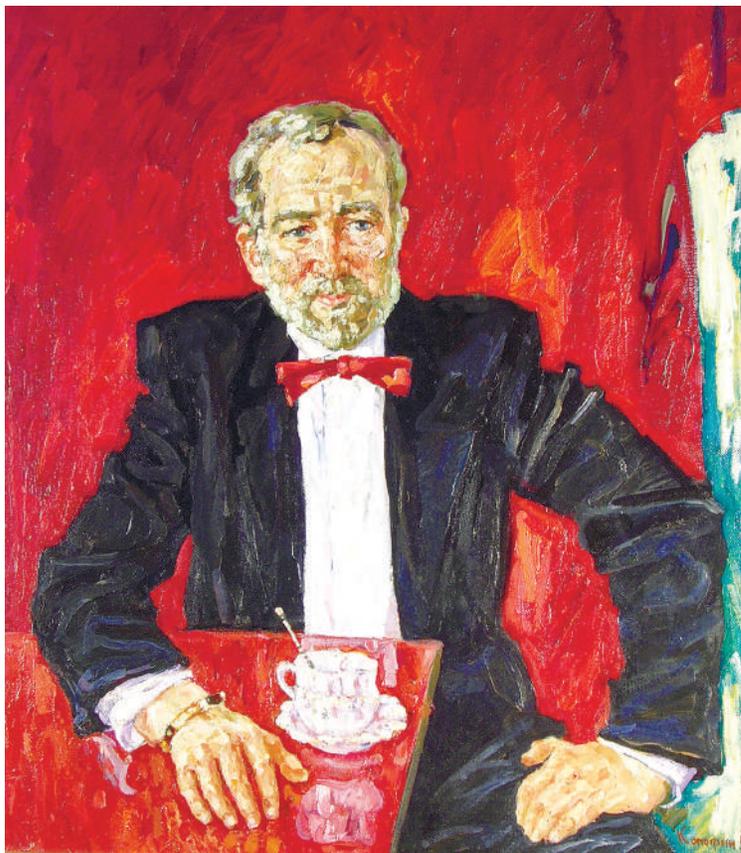
В последние годы на смену старым подходам, в которых экскурсовод транслирует конкретную точку зрения, пришёл концепт, в котором экскурсовод в роли арт-медиатора должен помочь человеку понять искусство, способствуя тому, чтобы экскурсант транслировал субъективное мнение через призму своего опыта и восприятия. В этом и заключается суть арт-медиации в традиционном понимании, которая была с успехом использована сотрудниками на выставке. Разница между арт-медиацией и традиционным подходом заключается в первую очередь в том, что взаимодействие с экскурсоводом скорее одностороннее: он рассказывает – аудитория внимательно слушает и в лучшем случае задаёт уточняющие вопросы. Арт-медиаторы сами выводили публику на диалог, в процессе которого рождалась интерпретация произведений, что помогало зрителям приходить к пониманию увиденного, обращаясь к своему опыту, преимущественно именно к жизненному и бытовому, а не культурному бэкграунду, учиться фиксировать чувства и эмоции, которые вызывает работа, и рефлексировать их взаимосвязь. Предлагалось найти ответ на вопросы: «Почему иногда, разглядывая произведение, мы слышим музыку? Что для нас важнее – собственные воспоминания или замысел художника?»

На выставке каждому участнику арт-медиации предлагалось выбрать те предметы, которые станут для них источником телесной и душевной энергии. В пространстве выставки зрители вместе с медиаторами прочувствовали, как могут произведения изобразительного искусства, представленные в разных жанрах и видах, восполнить жизненные силы, зарядить творческой энергией. Экскурсоводы галереи проводили авторские экскурсии, включая музыкальные произведения, помогая зрителям через мимику и жест «изобразить» музыку, глядя на произведения.

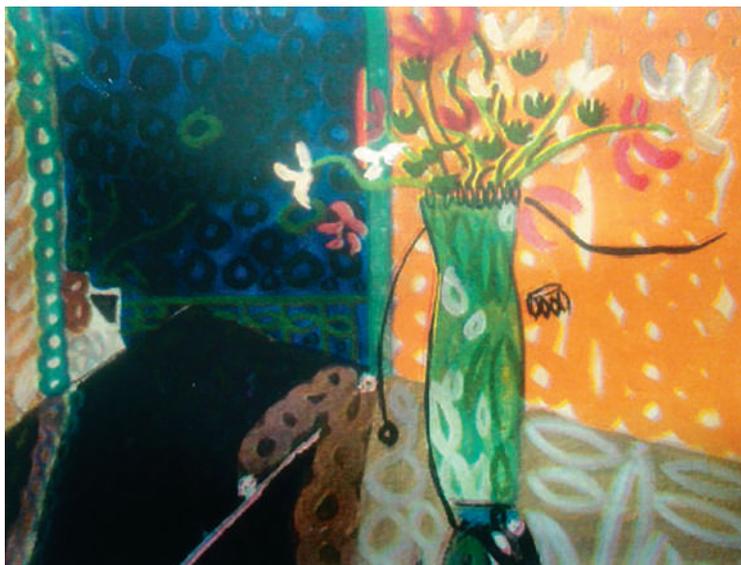
Зрители получили удивительную возможность узнать о себе что-то новое. Поводом для этого знакомства стали шедевры из коллекции Национальной галереи Республики Коми.

*Материалы к публикации предоставлены
Национальной галереей Республики Коми.*

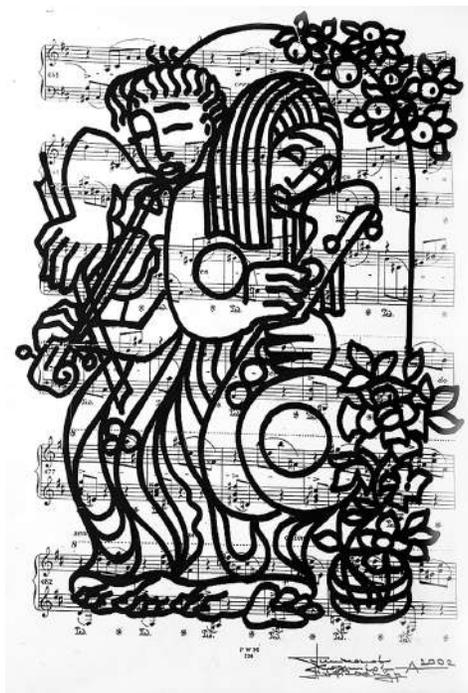
А. В. Копотин
Портрет композитора
Михаила Герцмана. 2002.
Холст, масло. 90,2x80,2.

Ю. Ю. Косаговский
Натюрморт на рояле. 1988.
Холст, масло. 50,8 x 81,5.

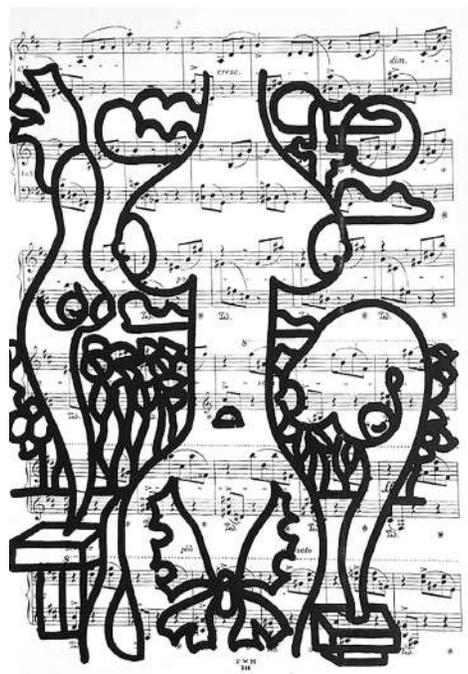
А. Н. Корнилов-Тихонов. Ноты для джаза. Серия из 5 листов с афишей.

Лист № 1.

Лист № 2.

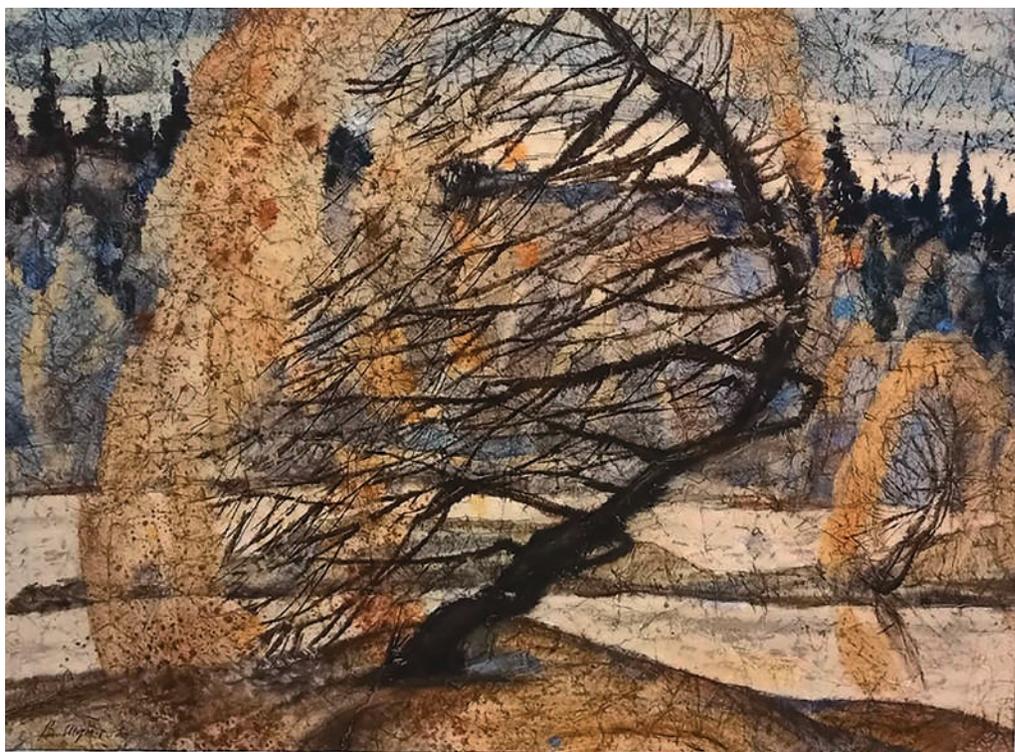
Лист № 3.

Лист № 4.

В. Н. Афонский
Опус 111.
Бумага, смешанная техника.
43,8х66,5.

В. С. Шустов. На Чути. 1987.
Бумага, акварель. 64x85.

Г. П. Егошин. Пинии. 1980.
Холст, масло. 78x80.

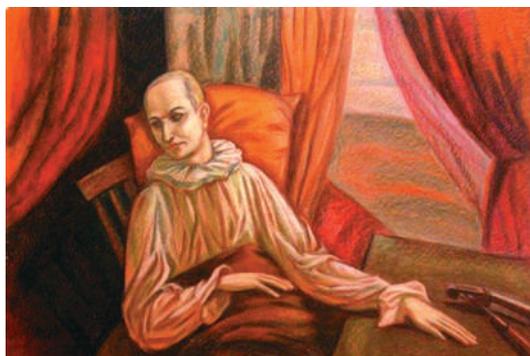
А. М. Колчанов
Майская гроза. 1968.
Линогравюра. 54,5x78

Э. В. Козлов
Портрет певца Александра Пахмутова. 2002.
Холст, масло. 80x70.

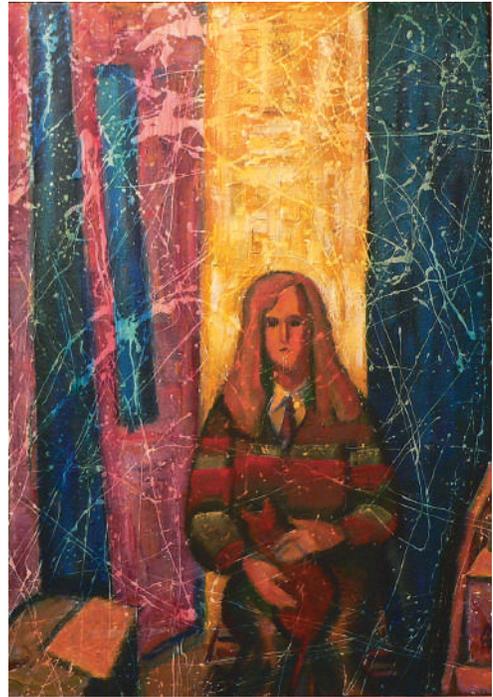
Д. С. Кондратьев
Всенощное бдение (Сергей Рахманинов). 1983.
Холст, масло. 100x80.

В. А. Степашкин
Посвящение Вертинскому. 2005.
Картон, смешанная техника,
пастель. 80x120.

Э. А. Жаренова
Арфа. 2000.
Холст, масло. 146x102.

Л. А. Федорович. Портрет Брайна.
Американский студент, композитор. 1982.
Холст, масло. 70x50.

Сала Паоло. Венецианский вид. 1899.
Бумага, акварель. 95x112,5.

Д. Б. Боровский
Святослав Рихтер. 1980.
Бумага, паста, гуашь, цветная литография.
74x51,3.

И. Л. Слоним
Композитор Д. Б. Кабалевский. 1947.
Гипс, краска, отливка, тонировка. 75x40x30.

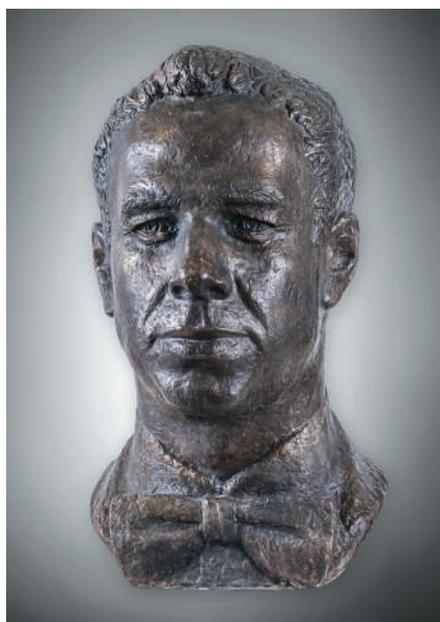
В. Н. Мамченко
Портрет Э. Д. Шмерковича. 1980.
Цинк. 50x23x25.

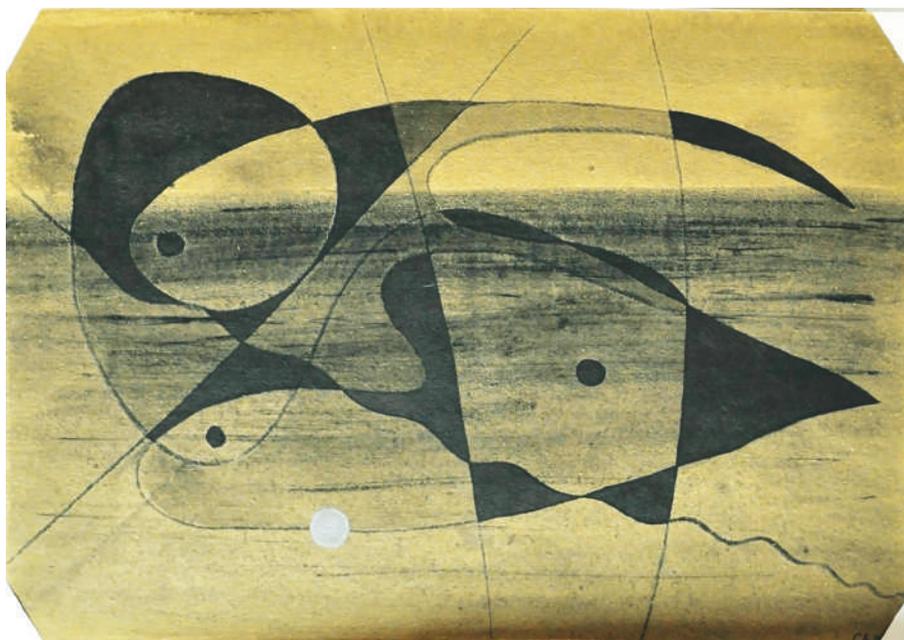
В. Н. Мамченко
Ленинградская симфония. Дмитрий Шостакович.
Чёрный гранит. 1967.
55x29x41.

Д. Б. Боровский
Евгений Александрович Мравинский. 1980.
Бумага, цветная литография. 74x48,5.

В. Н. Мамченко
Портрет Э. Д. Шмерковича. 1980.
Цинк. 50x23x25.

С. М. Бордачёв
Геометрическая композиция с прозрачными формами. Триптих. Часть I. 1972.
Бумага, смешанная техника. 43х61,4.

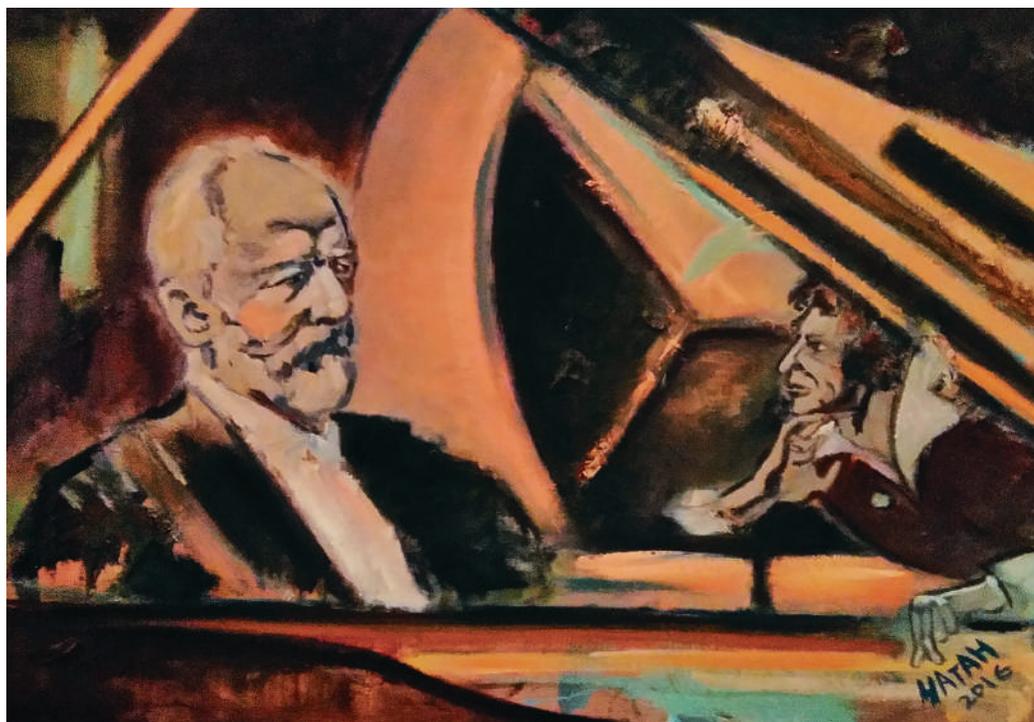
С. М. Бордачёв
Геометрическая композиция с прозрачными формами. Триптих. Часть II. 1972.
Бумага, смешанная техника. 43х61.

С. М. Бордачёв
Геометрическая композиция с прозрачными формами.
Триптих. Часть III. 1972.
Бумага, смешанная техника. 42,7х61.

С. М. Бордачёв
Портрет с губной гармошкой. 1973.
Бумага, тушь. 58,5х41.

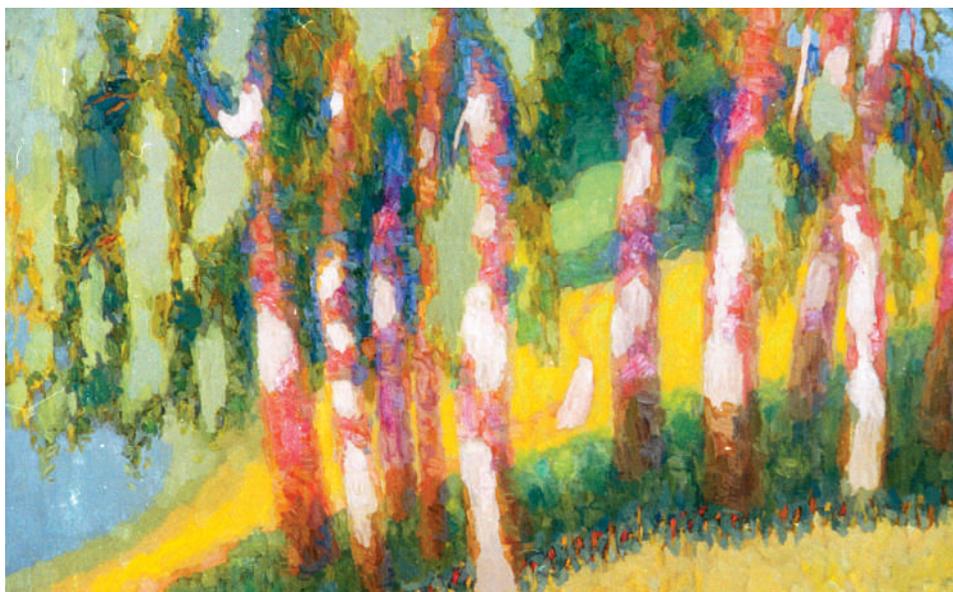

Н. Н. Шевченко
Чайковский. 1974-й год. 2016.
Холст, масло. 70х100.

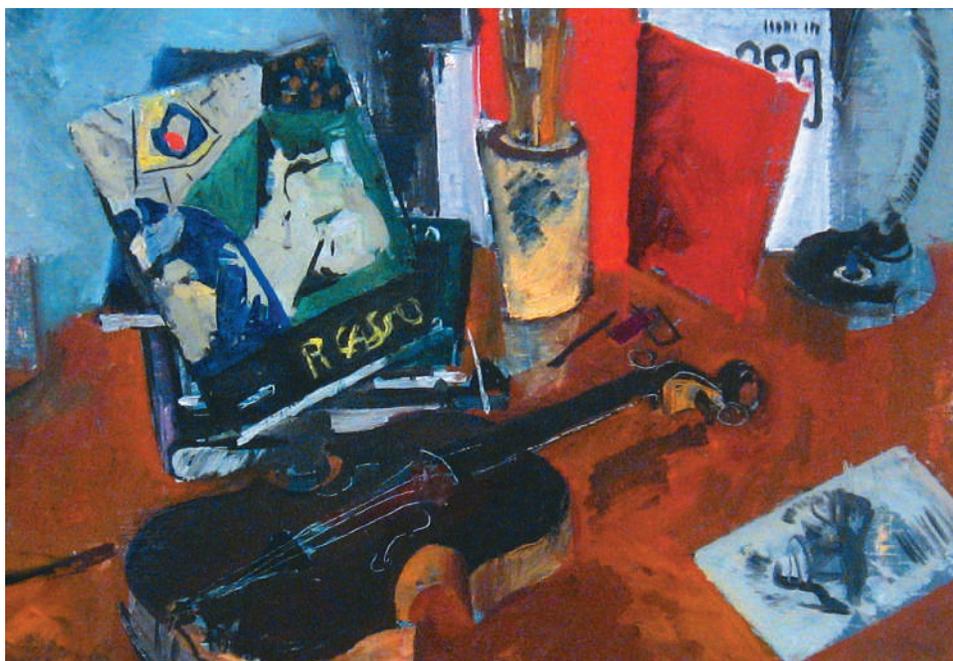
Д. С. Кондратьев
Скрипач. 1971.
Холст, масло. 83х60.

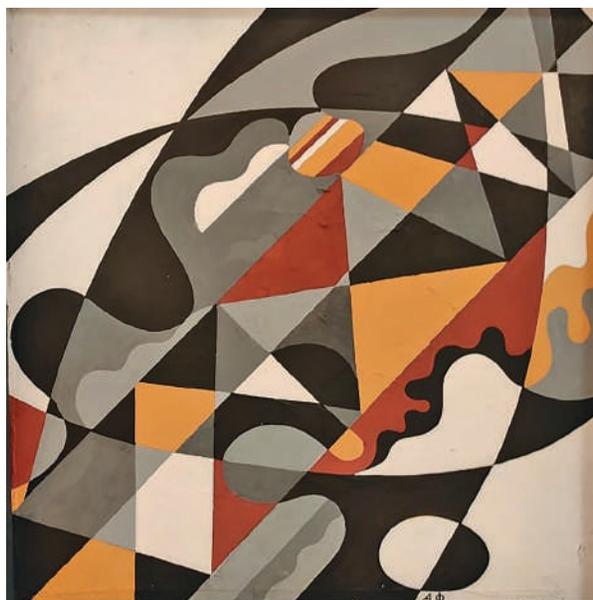
Моро Матюрен. Музы.
Вторая половина XIX века.
Бронза, мрамор, золочение.
Литьё, чеканка. 39х36х21.

В. П. Кононов
Золотая роща. 1990.
Холст, масло. 75,4x112,5.

Е. Е. Моисеенко
Натюрморт со скрипкой. 1968.
Холст, масло. 50x70.

А. С. Фёдоров
Объект «Джазовая композиция». Часть 3. 1986.
ДВП, эмаль. 50x50.

Л. Л. Зуперман
Музыка. 1920.
Холст, масло. 100x72.

А. С. Фёдоров
Объект «Джазовая композиция». Часть 2. 1986. ДВП, эмаль. 50x50.

А. С. Фёдоров
Объект «Джазовая композиция».
Часть 1. 1986.
ДВП, эмаль. 50х50.

Ю. С. Тризна
Симфония стройки. 1980.
Бумага, цветной офорт.
58,2х49,1.

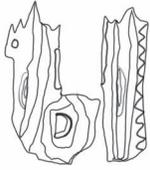

И. И. Нивинский
Море. Цихисдзири. 1927.
Бумага, тушь, белила. 48х63,5.

С. И. Васильковский
Ночное в степи. 1888–1889.
Бумага, акварель. 66х94.

ГИЖЫСЬЛӨН КЫВ

Евгений КОЗЛОВ

«Зэрысь артмө лым чир котыр. . .»

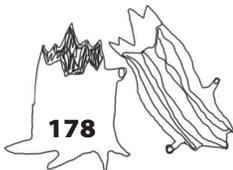
кывбуръяс

МОЙ

Кыдзи ставлы тӧдса, Мой
Пипу йирӧ лун и вой:
Ӧти бырас – мӧдӧ босьтчӧ,
Сэсса нинӧм дзик оз сӧй.
Мойӧс Табъя кока кӧч
Ошкӧ:
– Ме кодъ жӧ тэ стӧч,
Сӧмын бӧжыд кузь, а пельыд
Мӧдарӧ со, мый кӧть вӧч.
Кӧсӧй синма шуис тадз
Да и водзӧ рӧдтис скач,
Но а Мойкӧд мыйкӧ лои,
Юрас вемыс – тач да тач. . .
Ыджыд думӧ уси Мой,
Коли узьтӧг уна вой:
«Бӧж кӧ чинта? Пель кӧ быдта?»
Весиг пипусӧ оз сӧй!

* * *

Сы понда, мый синтӧм,
му шыр
ветлӧ-розьӧдалӧ му шар.
Петӧ гортысь,
мунӧ гортӧ –
артмӧ быд пӧрйӧ выль ордым.
Да и гортыс сьлӧн эм-ӧ?
Кӧнӧ кольӧ му шыр нэмыс?

* * *

Пыжө пуксьылöма ёж.
Öнi пыжыс – быттьö пож,
Уна-уна посни розь,
Вуджны татшöм пыжөн
Мöдар берегö оз позь,
Верман вöйны пыр жö.

* * *

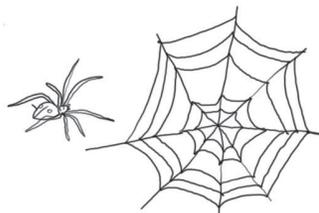
Черань воксö аддзис черань:
– Менам везйын мый тэ керан?
Мöдыс сувтiс воча нырөн:
– Ачyd менам везйö пырин!
Госа гутöс кöсьян нуны?
– Ланьт сэн, гутыд аслам уна.
Тэ... эн вөрöд менсьым лöддзöс!

Веныс на костын пыр öддзис.
Прамöй пурсьöм вермис лоны,
Сöмын вöля сетлы!
Некыдзи оз гөгөрвоны,
Мый на костын,
Мый на костын –
Югыд öшинь стеклö.

* * *

Рака аслыс вурис
Ыджыд-ыджыд зеп!
Туй вылысь мый сюрис,
Потö, оз кö дзеп:
Мича из и стеклö,
Турун тоян гыр,
Самöварлысь ныр...
Лунтыр тадзи ветлö:
«Зептöй эз на тыр!»

Коркö пондiс зэрны,
Сiдзкö, гортö кад.
Лэбзьыны оз вермы –
Борд выныс оз кат.
Öтик, кык, куим, нель –
Мыйсö туй бокö эз коль.
Зеп кор лои тыртöм,
Кыдзкö лэбис мырдөн.

* * *

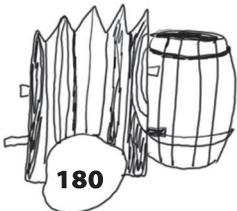
Ывла кӧдзалӧ нин кодыр,
Йӧзлысь гӧрдӧдалӧ ныр,
Зэрысь артмӧ лым чир котыр –
Лэбалӧны енэж тыр.
Тӧв ныр вильышпозлы сылы
Серам – гартӧ ӧтисор.
Век жӧ лэччасны му вылӧ
Коді водз, а коді сёр.
Лым чир паныдася мукӧд,
Ас ног чӧвтас пернапас,
Корсяс аслыс места мукӧд
Лым чир костысь, быттӧ пазл.
Лоӧ еджыд-еджыд муыс,
Еджыд, быттӧ сакар юр.
Лым чир ышловзяс да шуас:
– Но и лӧсьыд! Но и бур!

БАБӦ ОРДЫН

Баблӧн идзас вольпась вылын
Аддза ув серпаса йирк.
Стен пыр
Ывла вывсянь кылӧ,
Кыдзи чирксӧ ыджыд чирк.
Луннас котралыштӧм ськӧд,
Со и некытчӧ эз мун.
Куня син, мед чирксан шыкӧд
Личкас менӧ чӧскыд ун.

* * *

Садьмис Ошпи,
Пыр жӧ пондіс
Серпасавны маа шонді.
– Мама, видзӧдлы лок, мама!
Ме ӧд збыльысь бура сямма?
Серпасалис потшӧс пельӧс,
Орччӧн – бӧчка,
Сэні – ма!
Сӧмын маа акварельыс
Кватитчис да, бырӧма.
Петіс гортысь, ветлӧ-корӧ,
Сюся чошкӧдӧма пель.
Регыд локтас тӧян дорӧ.
Дасьтӧй, челядь, акварель!

* * *

Музыкалка дырйи ми,
Ставнас лясъли,
Пондам съывны: до-ре-ми-
фа-соль-ля-си.
– Энӧ ышмалӧй, а то
Ковмас бӧрдны!
Си-ля-соль-фа-ми-ре-до-
Съылӧй бӧрвыв.
– Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Ми-ми-ми-ми-ми-ми-ми.
До-до-до-до-до-до-до, –
Съывны велӧдчамӧй ми.

Вот и бур!
Талун кежлӧ тырмас.

СЕНЬӦ

Ӧтчыд вӧтӧн аддзис Сеньӧ,
Бытьӧ пӧрӧма тюленьӧ.
Садьмис,
Рӧмпӧштанӧ Сень
Видзӧдліс – и збыль тюлень!
Ёна чуймалӧ тюленьыд:
«Но а кытчӧ лои Сеньӧ?!»
Аслыс вочавидзӧ: «Сеньӧс,
Чайта, дышлуныс и веніс!
Кыдзкӧ бӧр мед лоны мортӧн,
Мыйкӧ вӧчны колӧ гортын».
Джоджъяс ва ветьӧкӧн чышкис,
Пызан идраліс да мыськис.
Пуксис ставсӧ вӧчӧм мысти –
Пондіс доймыны нин мышкыс,
Сэсса бара рӧмпӧштанӧ
Гусьӧн видзӧдліс, а сэн –
Бытьӧ воддза кодъыс Сень.
– Сеньӧ, кӧн нӧ вӧлін?
– Тані.
Сӧмын пӧртсъылі тюленьӧ.
– Ак тэ, Сеньӧ! Эськӧ тэнӧ
Колӧ велӧдны ременьӧн!!!

ВАСЬӨ ГУГӨНАСЬӨ

Но и тешкодь ичөт Вась,
Быд кыв гугөн шуны дась.

Бабыс вайё сылы РОК?

Васьё паныдалё:

– КОР?

Бабыс вөзъяс:

– Юан ЙӨВ?

Васьё бара:

– Ю ГО ВӨЙ?

Мый сійөс и ышөдө?

Кор сылы и дышөдас?

ПОН сылы – НОП,

МАЧ сылы – ЧАМ.

Бур, мый кодарсянь көть шуав,

Өтмоз лоё ПАП да МАМ,

Мөд ног татшөм йөйтө

Папыс эськө нөйтис!

Өтчид Васьөс суис шог,

Быттё скойыштисны гол:

Дыркодь школаысь эз ЛОК –

Велөдысьыс пунктис КОЛ:

«Гортса уджтө, другө,

Оз ков гижны гугөн!»

* * *

Чой-вок костын пансис тыш –
Коді кодөс венө!

Аддзим куд тыр кампет кыш,

Юкны огө вермөй.

Ывла вылысь шыч ни рач

Пырис мян бабө.

Мырддис кудтө, восьтис пач –

Со и ставыс! Абу!

Пуксим, нюзөдалім льөб.

Бабым водзө броткө:

– Эсся кампет ог и ньөб!

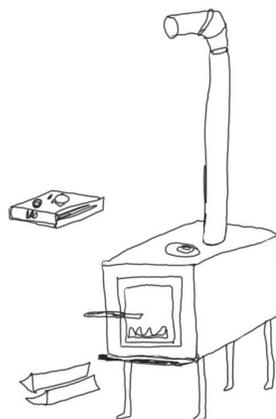
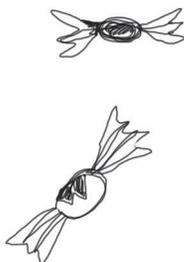
Другысь шуис кодкө:

– Бабө, юмовтөгыд мем

Лоё вывті гажтөм.

Кыштөм кампетыд тай эм,

Сійөс ньөбан, гашкө?!

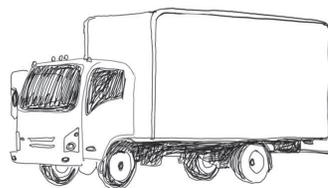
ЗООПАРКӨ

Водз зэв чеччим,
 Турки-тарки,
 Садъмөдчыны эз тай ков.
 Талун мунам зоопаркө!
 Ставлөн кыпалөма лов.
 Весиг медся дышыс, Ваньö,
 Роктö сёйис ыджыд паньон,
 Кружка тырөн юис йöv –
 Водзсö татшöмыс эз вöv!
 Талун...
 Водзвыв энлы чилöст!
 Аддзылам ми крокодилöс.
 И тюлень пö эм, и зебра.
 Но а нöшта – зептад дзевлав
 Унджык яблög, дай банан на,
 Сэн пö эм и öблезяна –
 Котралö йöz костöд,
 Мый он мыччы, босьтö,
 Ичöтлы и пöчöлы
 Чужöмьяс пö вöчалö.
 Хи-хи-хи да ха-ха-ха.
 Кöсьян аддзвывны?
 Аха!

* * *

Машинасö мир туй вылысь
 Матысь арталі и ылысь:
 Öтик, кык, куим, нель!
 Ньöти артавтöм эз коль.
 Либö арталам вай выльысь:
 Öтик, кык, куим, нель!
 Здук-мöд нөрöвита...
 А-а, со локтö витöд,
 Квайтöд, сизимöд... И бара –
 Кодкö карысь,
 Кодкö карö.
 Журъявны со мöдiсны,
 Быттьö водзвыв тöдiсны,
 Мый ме
 Дасöдз нин кужа артасыны!

Анастасия Лосева

Гундыр

висьт

Мишалён, Машалён да Митялён медся радейтана кадён вөлі төв. Өд налён керкаыс зымвидзис юдорса джуджыд кыр йылын, кытысянь төвбыд позьё исласыны картон вылын да лызьён.

Тайё төвсё челядь виччысыны сэтшөм жё ёна. Кор усис медводдза лым, мам-батьыс козьналісны налы көрт дадь. Колисны вежонъяс. Көдзыдыс кынтис му. Лым водис джуджыд толаён. Бать заводитис буран да некымынысь лэччис кыр горув, медым тальны ислалан туй. Кыр лои дась.

Миша, Маша да Митя керка водзын өкисны сиктса зонпосни: коді пу даддьён, коді пакетён, коді картонён, коді лызьён. Ставён зэв ёна радейтисны тайё кырсё.

Миша ыджыдджык, сійё ислаліс лызьён. Маша да Митя вежласисны картонён да даддьён, мед эз вөв некодлы забеднө.

Челядьлён серамыс разаліс сикт пасьтала. Дыр-дыр ислалісны да ворсісны кыр вылын зонпосни. Ывлаын весиг рөмдіс. Миша сэтшөма ылаліс, мый весиг эз казаяв чойыслысь бөрдөмсө. Маша сулаліс кыр бокин, киас даддьён, да лимзаліс. Ыджыд вокыс пөрччис лызьсө да өдөбөн котөртис чой дінас.

– Маша, мый лоис? – повзьёмён юаліс Миша.

Мышнас сулалысь Маша мыйкө нурбыльтіс, но вокыс нинөм эз гөгөрво. Миша бергөдіс чойсө ас дінас водзён да казяліс, мый Машалён кывйыс ляскысьөма даддьё.

Миша көсйис отсавны чойыслы да нетшыштны дадьсө, но Маша эз лэдз, поліс, мый кывйыс орас. Став челядьыс өкисны на гөгөр. Быдөн мыйкө вөзйис, но Маша некодос эз кывзы. Гортас мунны поліс и. А друг тадзи сійё кольё нэм кэжлө? Сэки мам-батьыс ёна мөдасны шогавны...

Миша думыштіс, мый татшөм съёкыд здуксө сылы колө юкны чойыскөд, да тшөтш нюлыштіс дадьсө. А Митя чайтіс, мый чой-вокыслөн тайё выль ворсөм, да тшөтш инмөдчис кывнас дадьлён көрт бокас.

Сідз и мөдісны гортаныс – куим юра даддьён.

Та кадө мамныс буретш пусис-пөжасис, кор кыліс кильчө вылысь gryма-грамакылөм. Быттё кодкө пырө, но оз вермы пырны. Мам восьтіс өдзөссө, а сәні челядьыс. Куимнанныс тшапитчөмаось өти даддьё.

Мамныс шөйөвошөмысла весиг пуксис лабич вылө.

– Тайё мый? – юаліс ныла-пияныслысь.

А найө вочакыв пыдди мыйкө ымзісны да видзөдісны мыжа синмөн.

Мам сайкаліс да вайис көш тыр шоныд ва, кисьталіс быд кыв вылө да мездіс куимнан юрсө даддя налькысь.

– Менам абу челядь, а Гундыр. Төкөтьө тиян куим вылө өти сям, – чөвтис мам, но эз кут видны. Өд челядьылөн быдторйыс овлө.

Карина Турышева

Ёртасьом

висьт

Кывтö енэжті ичöтик кымөр. Видзöдö улiас да нимкодясьö йöзөн, пемöсьясөн. Со ичöтик нывка чеччалö ва гöптын, а мамыс горöдö:

– Лидук! Чеччалан кө – чеччав небыджыка, ставсö нин резін көлуй вылад, регыд на пеласи.

Нывка бергöдiс юрсö мамланыс, синнас лапнитiс да вочавидзис:

– Тэ нö мый, ми Генюккöд вермасям, кодлөн няйт войтыс ылöджык лэбас. Сийö тöрыт сэтшöм вылö чеччыштліс – муртса кымöрас эз веськав. Ме тадз жö көсья.

– Мун, нем абусö эн сёрнит. Бурджык сэтöрсö сёй, нярмас регыд.

Лида лэптiс синсö енэжлань да лöня ышловзис. Сылы чайтсис, мый весьтас лэбысь кымöрыс нюмъёвтiс да куньтыртчыліс. Лида весиг ним пунктiс вильöн чужöм ёртыслы – Егорка.

Сэтöр сёйигөн нывкалөн юрас гартчис быдсяма мөвпыс. Кутшöм эськö Егорка? Небыд али чорыд? Кöдзыд али шоньд? Кос али ва?

Кымөр кужис лыддыны мортлысь став мөвпсö, да сийöс таысь босьтiс нимкодь. Öд Лидаöдз некод на эз видзöдлы сы вылö татшöм мелi синмөн. Йöзыс пырджык броткисны, кор чатöртчылісны сылань: «Кутшöм мисьтöм кымөр локтö мöдлапöвсяныс, бара нин зэрны мöдас».

Егорка, татшöм сёрнисö кылас да, курыд синваён пондö бöрдны. Йöзыс здукөн дзебсясьöны кодi кытчö. Нöшта на забеднöджык лоö кымөрлы. Некодлы сийö оз ков, сöмын повзьöдлö ставнысö «мистьöм чужöмнас».

И со Лидакöд паньдасьöм бöрын быттö ловзис. А нимыс сэтшöма кажитчис, мый торйöдыштiс боксьыс ичöтик ловгөнсö, ёкмыляліс сыысь вом мыгöра чир да пöльыштiс нывкалань.

Пажын дырйи Лидаöс мöдöдiсны узыны. Мед пö рытнас оз ыждав, шуисны гортас.

«Кор эськö ме ыждали бөрьяысьсö?» – дöзмöмөн мөвпыштiс нывка, но ланьтöмөн мунiс аслас жырйö.

Эз и казяв, кыдзи унмыс локтiс да син водзас заводитiсны вирдавыны югыд серпасьяс. Лида лэбис енэжті. Стöчджыка кө, сийöс лэбöдiс Егорка. Доладысла нывка гигзис-сералис. Сэтшöм лöсьыд сылы вöли.

Со улiас мамыс тшак весалö. Бабыс – Манька каньöс малалö. Батьыс – пес чипас тэчö. А тонö Генялөн керкаыс тыдалö. Зонка морöссö чургöдöмөн, нюмъялгытыр висьтасьö мамыслы, кыдзи вермис Лидаöс чеччалöмын.

– Геееееня, чоолöм!!!

– Код нö авзö? – эз гөгөрво детинка. – Гөгөр некод абу... Буракö, каститчис.

Лида гөгөрвоис, мый сийöс оз аддзыны и оз тöдмавыны тайö лоёмтор йывсыс, а сiдзкö, оз и кутны эскыны. Забеднöысла нывка весиг льöбсö курчыштiс.

Егорка казяліс сылысь майшасьöмсö да тэрмасьöмөн кутiс бурöдны:

– Видзöд, Лидук, самолёт лэбö, вай ськöд паньясям.

Нывкалы воис сьёлём вылас быдсяма вермасьёмыс. Лида пырысьтём-пыр и сывъяліс топыдджыка Егоркаос, и найо пондісны исковтны енежті, быттё йи вывті.

– Уууууу! – горөдісны ёртъяс самолётлысь шуйга бордсө панйигөн.

Кутшөмкө кад мысти Лидалы да Егоркалы ковмис сувтны. Гажөдчөмныслы воис пом. Нывка бара өшөдіс нырсө, эз көйсы янсөдчыны ёртыскөд. Сэки кымөр тувкнитіс Лидалы киас ичөтиқ, кодзув сяма чача...

Садьмис нывка аслас крөватын. Кабырас тыдыштіс югид козин. Лида нюмдіс вомтыр-нас да котөртіс ывлаө, кытөн сійөс виччысис нин Геня.

– Лида, тэ садьмин?! Ме сэтшөм ва гөп аддзи, мунам чеччавны!

И найо мунісны. Гөпсө Геня и збыль корсьёма ыджыдөс.

– Ме дзоль лун талун тренируйтчи, медым тэ моз жө кужны. Геня, вай видла, – шуис Лида.

– Тэ? Ме моз? Нывка? Оз ло сэтшөмыс, тэ нө мый. Вай корам нөшта Витяөс, Сергейөс да Галяөс, мед висьталасны, кодлөн вылөджык артмас.

Недыр мысти корөм челядь сулалісны ва гөп дорын да виччысисны Лидалысь чеччыштөмсө. Нывка эз повзъы, а мөдарө, ёнджыка на көсийс петкөдлыны, мый сійө кужө. Эз и майшась, став вынсьыс увтасмөдчис гөптас, а войтьясыс лэбисны вылө-вылө. Здук, и Егоркалөн бан бокас мыччысис сьөд чут. Ставныс чуймисны, кутісны горзыны, кытшалісны Лидаөс да заводитісны йөктыны.

– Но и но, – сөмын и вермис висьтавын Геня да шамыртліс нывкалысь кисө.

И сөмын Лида төдіс, коді сылы отсаліс. Лэптіс синсө енежлань да гортөг вашнитіс: «Аттё!»

КАДВУЖ

Элина Шлопова

Донай, тусюкөй, шөвктугөй

мойд

Өти озыр семьяын чужис лөсьыдсьыс-лөсьыд нывка: шабді юрсиа, гөгрөсіник, лым еджыд чужөма, кельыдлөз синъяса, чангыль ныра, өмидз рөма кызіник паръяса рочакань. Мамыс сэтшөм ёна радейтіс дыр виччысяна нылуксө, мый көсийсис козьнавны сылы став муогуыдсө – весиг судзөдны енежсьыс төлысь да шонді.

Кага быдмис, босьтіс киас пань. «Сёшайтөй, эн торк пиньястө. Мамыс иза чорыд сёянсө, ачым тэнө паньода», – мелі гөлөсөн висьталіс мам. Кор воис кад дитялы кок йылө сувтны, мамыс бара дугөдіс сійөс: «Тусюкөй, эн мудзтөд кокъястө. Бурджык мыш вылам сөв. Сөмын висьтав, кытчө тэнө нөбөдны». Нывлы окота лои велөдны шыпасьяс, но и тан мамыс эскөдіс сійөс: «Шөвктугөй, эн тшыкөд мича синьястө. Ме лыддя тэныд медся лөсьыд мойдъяс».

Кадыс визувтіс. Ныв важөн нин верстьө нывбаба, а мамыс – дзор юрсиа, чукурөсь чужөма, вөйөм синьяса, мышкыра пөрысь пөч. «Сьёлөмшөрөй, ветлы сёянла, менам пидзөсөй висьө», – кывлысис мам. «Но, мамук, тэ нэмтө кыскаліс менө мыш вылад. Ме некор эг тшуклы кокъяснам муөдзыс. Со найо и вошисны», – вочавидзис ныв. «Сідзкө, донай,

верман-ö зыралыштны менсьым мышкös? Тэнö новлödлöмысь сійö сэтшöма юкалö!» – корис мам. «Но мамук, тэ эн сетлы нинöм вöчны ас киясөн. Со найö и вошисны», – шуис ныв. «Мый тэ кужан олöмас? Нинöм! Сöмын томлунöс гусялин! Эг татшöм нылöс ме быдты!» – скöрмöмөн горöдiс мам да нуис нывсö сьöд вөрö.

Öнöдз на пö кыйсьысь-ветлысьяс кылöны ягын нывлысь бöрдöмсö: «Мамук! Мамук! Мый ме лёксö вöчи? Босьт менö татысь! Ме пола! Босьт менö бөр!»

ЛОВ ПЫКÖД

Людмила Кузиванова

Андел

мойд

Машуклөн луныс пансис мустöм лоöмторьясьянь. Нывка жугöдiс мамыслысь кружкасö, томдырйиис на батыөн козьналöмасö. Пöсь шыд ас вылас кисьтiс. «Ловья» чачасö, кодi гажаа сьылiс да ворсiс, эз вермы пестыны.

Тадзи сэсся луныс и колис. Жугыля. Мамыс батыскöд мунiсны вичкоö: талун öд Рöштво рытья. Нывка кольччис горт овны. Сійö матыстчис öшинь дорö да шогпырысь видзöдлiс ывлаö. Чöлалiс небыдик лым. Кутшöмкö керка öшиньяс дзирдалiсны уна рöма биясөн.

Друг ывлаын мыйкö дзирдыштiс. Машук чайтiс, машина матыстчö, да фараыс яра öзйö. Но кöть мыйта эз корсь синнас машинасö, эз и аддзы. Кольыштiс кад, и бара мыйкö югнитiс, нöшта на ёнджыка. Машук шензьöмөн востьiс öшиньсö, а сэни андел, дзирыд бордья, шабдi юрсиа. Андел нюммунис да лэбис нывкалөн жырийö. Сысянь öвтыштiс сöстöм сынöдөн да лым чир көрөн...

– Мый нö гажтöмтчан, Машук? – юалис госьтыд. – Регыд öд Рöштво, медся долыд да кыпид кад!

– Менам талун луныс эз ладмы, вужинь-вежыньён мунö, – вочавидзис Машук да тильс бөррдзис.

– Эн бөрд. Татшöм луньясыс быдөнлөн овлöны. Регыд ставыс вежсяс бурланы! Öд Рöштво рытьяö быдсяма дивöыс вермас лоны. Тэ эскан?

– Ог т-т-т-тöд, – мыкталiс бөрдысь нывка.

– Лок мекöд лэблам öти местаö, тэнад шогыд и бырас...

Андел да Машук шлывгисны керкаяс весьтöд. Нывка, дерт, полыштiс – друг усяс. Видзöдлiс удворас да вомсö паськөдiс: кутшöм гөгөр мича. Ставыс тыдовтчö посниён. Керкаяс чача кодьöсь, йöзыс быттьö аканьяс, туйясыс нюжөдчöмаöсь серпантин моз. Югьялöны уна рöма бияс...

Андел веськөдчис кутшöмкö джуджыд керкалань, и найö Машуккöд пуксисны вевт вылас.

– Видзöдлы, – шыасис андел. – Тэныд öни ставыс ичötөн кажитчö, нинöм оз дöзмöд ловтö. Сiдз и аслад шог вылö видзöдлы вылисянь: ичötмас да бырас, быттьö нинöм эз вöв!

Тайо здукас кыліс жыннан шы: туй-толь, зиль-зель!

– Рөштвоён тэнё, Машук! Талун чужис Кростос! Быд во тайо долыд гажыс нимкодъмодё мяннёс.

Нывка да андел чёла кывзисны жыннан шысё. Енэжын петкөдчис югыд кодзув.

– Видзёд, кутшөм кодзулыс! Сійо висьталё, мый талун ыджыд гаж – Рөшто! – Андел бергөдчис нывка дорё да юалис: – Но мый, Машук, век на шогалан?

Нывка нюмьёвтіс:

– Ог шогав. Сэтшөм лёсьыд сьёлөм вылын лоис!

– Лок бергөдчам, – андел босьтіс Машукёс киёдыс. – Регыд мам-батыд локтасны вич-коысь. Воштасны тэнё.

Найо бөр лэбисны нывкалөн керкалань. Машук воськовтіс өшиньөд жыръяс, а андел кольччис ывлаё. Нывка бергөдчис, мед аттьёавны ёртсё, но андел сьёлөма нин вөлі...

Өшинь сайын гажаа йөктісны лым чиръяс, а Машук пөрччысис да водіс узьны. Пырысь-пыр и унмовсис.

Асывнас, мыйён садьмис, Машук уськөдчис өшинь дорё. «Вөт али збыль тайо вөлі?» – мөвпаліс нывка. Мый нё тайо? Өшинь водзын куйлісны козинъяс: кружка да сьылысь-чеч-чалысь чача.

– Збыль тай вөлөма! – горөдіс Машук да котөртіс мам-бать дорас ошйысьны козинъясөн.

УДЖ СЕР

Миян республикаын олёны енбиа уна том йөз – ворсысьяс, сьылысьяс, шылад тэчысьяс, серпасалысьяс, гижысьяс... Творчество налөн олёмын босьтё зэв ыджыд ин, и найо окота-пырысь юксьёны сьён мукөд йөзкөд.

Тайо номерын ми төдмөдам тьянёс Коми Республикаса вужвойтырлөн шылада-драмаа театрын ворсысь Данил Чудовкөд.

«Ворсысьён вермас лоны быдён...»: Данил Чудовкөд ёрта сёрни

– Кор тиян чужис театр дорё муслуныс?

– Театр дорё муслуныс театрын и чужис, а стөчдыка кө, Борис Щукин нима театральной институтын 2013 воын. Таөдз весиг эг думыштлы, мый лоа ворсысьён. Да мый сэн шуны: весиг эг төд, коді да мый сэтшөмыс – актёр да актёрской мастерство!

– Кыдзи ті веськалінный Борис Щукин нима институтё? Мыйён медъёна колисны вежөраныд велөдчан воясыс?

– Институтё ме веськалі Светлана Гениевна Горчакова отсөгөн. 2013 воын сійо во-ис Изьва районё да бөрийс том йөзёс, мед ыстыны велөдчыны Москваё институтё. Ме и думыштны эг куж, мый ськөд аддзысьөм бөрын лоа студентён. А кор велөдчигөн нин куті гөгөрвоыштны театр уджлысь подувсё, меным пондіс воны сьёлөм вылө ворсысьяс пөвстын бергалөмыс.

Борис Щукин нима институтын нель во велодчöмыс – тайö бур йöз: ёртъяс, народнöй артистъяс. Кодъяскö на пиысь мунисны нин олöмсыс: Василий Семёнович Лановой, Владимир Абрамович Этуш (спектакляссö, көнi найö ворсiсны, зэв ёна пыдди пукта и рад-ла, мый меным мойвиис найöс аддзывны).

– А кутшöм спектаклын медводдзаысь ворсiнныд Коми Республикаса вужвойтырлөн шылада-драмаа театрын?

– Медводдзаысьсö ворсi «Петербургысь инкогнито» мюзиклын. Тайö вöли 2016 воын. Велöдчи нельöд курсы, кор менö корисны Сыктывкарö Осиплысь роль ворсны. Буретш эз тырмы артистыс шöр роль вылö, а нöшта матысмис фестиваль. Кык вежонön ме пырöдчи рольö да театр труппакöд мöдi Йошкар-Олаö «Майатул» фестиваль вылö.

– Эм-ö тiян радейтана роль?

– Став рольыс театрын воö сёлöм вылö, и ставныс вылын колö уджавны. Овлö, сетасны роль, текстыс уна, но тэнад этшлы сiйö лöсялö, да артмö кокниа, а овлö, спектакляс кык сёрникузя и колö шуны, и тэ он тöд, кызди тайöс вöчны...

– Мый либö кодi отсалö тiянлы уджавны театрын?

– Театрын көкъямыс во уджалiгчöж мекöд асланыс опытön юкисны миян народнöй да заслуженнöй ворсысьяс – тайö гырысь тöдöмлунъяса зэв енбиа йöз. И, дерт жö, Светлана Гениевна, кодтöг тайö театрыс эськö эз артмы. Öнi театрыс вежсьö, аддзö пыр унджык выль видзöдысьöс да зiльö нимкодьмöдны выль пуктанторъясөн да концертъясөн.

– Театркöд йитчöм кутшöм могъяс пуктанныд ас водзаныд?

– Дерт жö, медшöр могыс театрын – коми кыв нимöдöм. Окота, мед том йöзыс тöдисны коми кывсö да сёрнитiсны сы вылын.

– Мый нöшта кыпöдö сёлöмнытö театр кызди? Аддзанныд-ö та вылö кад?

– Театр кызди менам эм дас öти тöлысья пи. Сылөн нимыс – Лев. Окота эськö кагакöд кол-лявны унджык кад, но театрын уджыс йитчöма творчествокöд, и ковмö дугдывтöг уджавны ас вылын.

– Кызди чайтанныд, быдөн-ö вермас лоны ворсысьён?

– Ворсысьён вермас лоны быдөн, сöмын колö кужны ас вывтiыд унатор нуны. Этшылö кө гажа да визув и кылан кө, мый чужин ворсысьён, видза корам актёръяс пöвстö! Миян театр корсьö том йöзöс, мед ыстыны велöдчыны Ярославскöй институтö акань театрса артист вылö.

Сёрнитiс Алёна Шомысова.

Снимокъясыс Коми Республикаса вужвойтырлөн шылада-драмаа театр архивысь.

«Настасья Филипповна» спектакль (Фердыщенко)

«Шуйгун» спектакль (Финансъяс министр)

«Тяны водзё овны» спектакль (Александр Рубакин)

«Макар Васька – сиктса зон» спектакль (Макар Васька)

«Рощин Live» спектакль (Каля)

«Бедьпи» спектакль (Бедьпи)

<http://www.artlad.ru/>

Подписной индекс: П4453